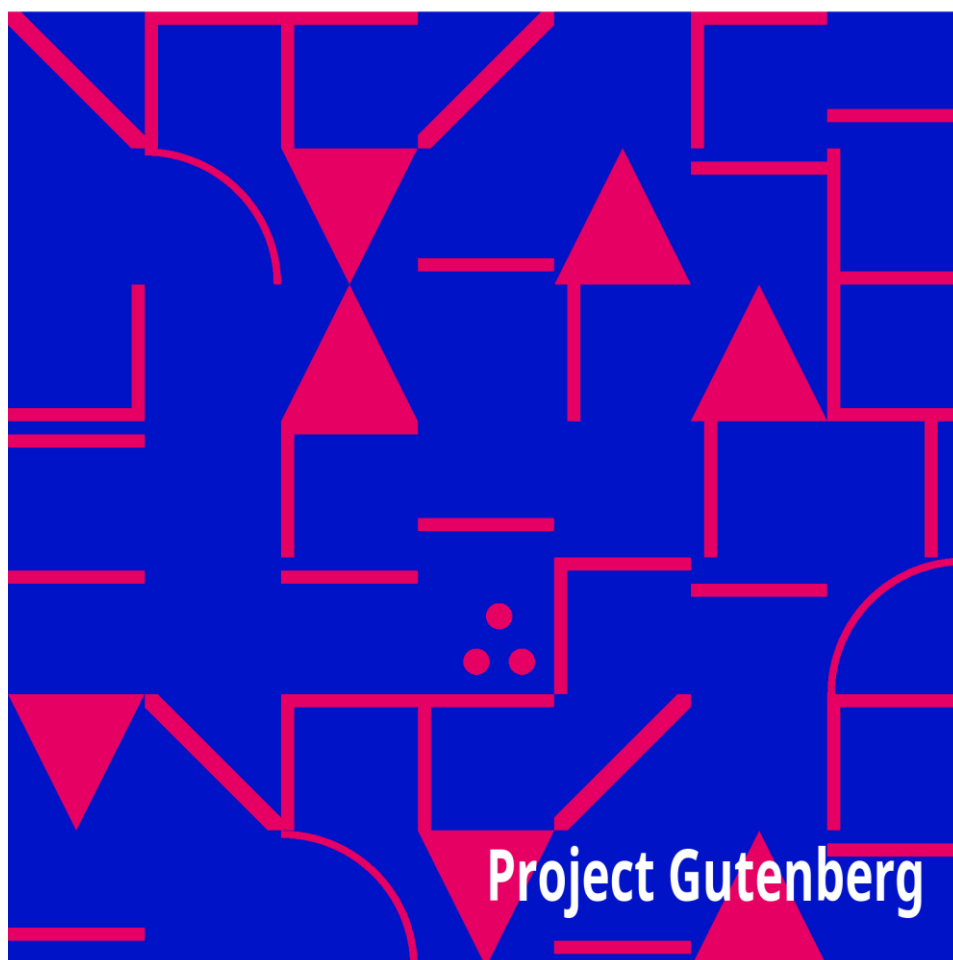

Луна Израиля: Повесть об Исходе

Х. Райдер Хаггард

Moon of Israel: A Tale of the Exodus

H. Rider Haggard

Электронная книга проекта Гутенберга "Луна Израиля: Повесть об Исходе"

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Луна Израиля: Повесть об Исходе

Автор: Х. Райдер Хаггард

Дата выхода: 4 апреля 2006 г. [Электронная книга № 2856]

Последнее обновление: 23 января 2022 г.

Язык: Английский

В титрах: Джон Бикерс, Дэгни, Эмма Даддинг и Дэвид Уиджер

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЛУНА ИЗРАИЛЯ: ПОВЕСТЬ ОБ ИСХОДЕ" ***

Луна Израиля

Х. Райдер Хаггард

Содержание

ГЛАВА I. ПИСЕЦ АНА ПРИХОДИТ В ТАНИС

ГЛАВА II. РАЗБИТИЕ ЧАШИ

ГЛАВА III. УСЕРТИ

ГЛАВА IV. СУД ОБРУЧЕНИЯ

ГЛАВА V. ПРОРОЧЕСТВО

ГЛАВА VI. ЗЕМЛЯ ГЕСЕМ

ГЛАВА VII. ЗАСАДА

ГЛАВА VIII. СЕТИ ДАЕТ СОВЕТЫ ФАРАОНУ

ГЛАВА IX. ПОРАЖЕНИЕ АМОНА

ГЛАВА X. СМЕРТЬ ФАРАОНА

ГЛАВА XI. КОРОНАЦИЯ АМЕНМЕСА

ГЛАВА XII. ПОСЛАНИЕ ИАВИСА

ГЛАВА XIII. КРАСНЫЙ НИЛ

ГЛАВА XIV. КИ ПРИБЫВАЕТ В МЕМФИС

ГЛАВА XV. НОЧЬ СТРАХА

ГЛАВА XVI. ДЖЕЙБИЗ ПРОДАЕТ ЛОШАДЕЙ

ГЛАВА XVII. СОН О МЕРАПИ

ГЛАВА XVIII. КОРОНАЦИЯ МЕРАПИ

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Эта книга предполагает, что настоящим фараоном эпохи Исхода был не Менептах или Меренптах, сын Рамзеса Великого, а таинственный узурпатор Аменмес, который в течение года или двух занимал трон между смертью Менептаха и восшествием на престол его сына, предполагаемого наследника, мягкосердечного Сети II.

О судьбе Аменмеса история ничего не говорит; вполне возможно, что он погиб в Красном море или, скорее, в море Тростника, поскольку, в отличие от Менептаха и второго Сети, его тело так и не было найдено.

Студенты-египтологи будут знакомы с трудами писца и романиста Ананы, или Ана, как его здесь называют.

Автор надеялся посвятить этот рассказ сэру Гастону Масперо, К.К.М.Н., директору Каирского музея, с которым он несколько раз обсуждал его сюжет несколько лет назад. Однако, к несчастью, отягощенный одной из тяжелых утрат войны, этот великий египтолог умер в промежутке между написанием книги и ее публикацией. Тем не менее, поскольку леди Масперо сообщает ему, что таково желание его семьи, он добавляет посвящение, которое намеревался сделать этому выдающемуся писателю и исследователю прошлого.

Дорогой сэра Гастон Масперо,

Когда вы заверили меня относительно моего романа о Древнем Египте, что он настолько полон “внутреннего духа древних египтян”, что после ваших собственных усилий и целой жизни изучения вы не можете понять, как это могло возникнуть в мозгу современного человека, я счел ваш вердикт, исходящий от такого судьи, одним из величайших комплиментов, которые я когда-либо получал. Именно это ваше мнение и побуждает меня предложить вам еще одну историю о похожем цвете лица. Особенно вдохновляет меня на это один разговор между нами в Каире, когда мы созерцали величественное лицо фараона Менептаха, ибо тогда, как вы, возможно, помните, вы сказали, что считаете замысел этой книги вероятным и что он основывается на ваших знаниях тех смутных дней.

С благодарностью за вашу помощь и доброту и самым искренним почтением к вашим накопленным знаниям о самом загадочном из всех погибших народов земли,

Поверьте, я остаюсь

Вашим истинным почитателем,

Х. Всадник изможден.

ГЛАВА I. ПИСЕЦ АНА ПРИХОДИТ В ТАНИС

Это история обо мне, Ане-писце, сыне Мери, и о некоторых днях, которые я провел на земле. Все это я записал теперь, когда я очень стар, в царствование Рамсеса третьего, носившего это имя, когда Египет снова стал таким сильным, каким он был в древности. Я написал их до того, как смерть заберет меня, чтобы они могли быть похоронены со мной в смерти, ибо, как мой дух восстанет в час воскресения, так и эти мои слова могут вознестись в свой час и рассказать тем, кто придет после меня на землю, о том, что я знал на земле. Пусть будет так, как определяют небеса. По крайней мере, я пишу, и то, что я пишу, - правда.

Я рассказываю о его божественном Величестве, которого я любил и продолжаю любить как собственную душу, Сети Менептахе втором, чей день рождения был моим днем рождения, о Ястребе, который взлетел на небеса раньше меня; о Усертти Гордой, его царице, которая впоследствии вышла замуж за его божественное Величество Саптаха, которую я видел лежащей в ее гробнице в Фивах. Я рассказываю о Мерапи, которую звали Мун Израиля, и о ее народе, евреях, которые долго жили в Египте и ушли оттуда, отплатив нам потерями и стыдом за все хорошее и зло, которое мы им причинили. Я рассказываю о войне между богами Египта и богом Израиля и о многом, что произошло в ней.

Также я, Спутник царя, великий писец, любимец фараонов, которые жили со мной под солнцем, рассказываю о других людях и делах. Смотрите! разве это не написано в этом свитке? Читайте, вы, кто найдет это в нерожденные дни, если ваши боги дали вам умение. Читайте, о дети будущего, и познайте тайны того прошлого, которое для вас так далеко и в то же время на самом деле так близко.

Так получилось, что, хотя принц Сети и я родились в один день и поэтому, подобно другим матерям благородного происхождения, чьи дети увидели свет в тот день, моя мать получила подарок фараона, а я титул Королевского Близнеца в Ра, я никогда не видела божественного принца Сети до тридцатилетия нас обоих. Все это произошло таким образом.

В те дни великий фараон Рамзес второй, а после него его сын Менептах, который наследовал престол, когда был уже стар, поскольку могущественный Рамзес был отведен к Осирису после того, как насчитал сто подъемов Нила, жил по большей части в городе Танис в пустыне, тогда как я жил со своими родителями в древнем белостенном городе Мемфис на Ниле. Время от времени Менептах и его двор посещали Мемфис, а также Фивы, где этот царь по сей день покоится в своей царской гробнице. Но, за исключением одного случая, молодой принц Сети,

предполагаемый наследник, надежда Египта, не поехал с ними, потому что его мать, Аснеферт, не жаловала Мемфис, где в юности с ней случилась какая-то неприятность — говорят, это было из-за любви, которая стоила возлюбленному жизни, а ей - боли в сердце, - и Сети остался со своей матерью, которая не выпускала его из виду.

Однажды он действительно пришел, когда ему было пятнадцать лет, чтобы быть провозглашенным народом как сын своего отца, как Сын Солнца, как будущий обладатель Двойной Короны, и тогда нас, его близнецов в Ра - нас было девятнадцать, которые родились мягко — позвали по имени, чтобы встретить его и поцеловать его царственные стопы. Я приготовилась к выходу в прекрасном новом одеянии, расшитом пурпуром с именем Сети и моим собственным. Но в то самое утро по милости какого-то злого бога я был поражен прыщами по всему лицу и телу - распространенной болезнью, поражающей молодежь. Так случилось, что я не видел принца, потому что прежде чем я снова поправился, он покинул Мемфис.

Итак, мой отец Мери был писцом великого храма Птаха, и я обучился его ремеслу в школе храма, где переписал множество свитков, а также выписал Книги Мертвых, которые украсил рисунками. Действительно, в этом бизнесе я стал настолько умен, что после того, как мой отец ослеп за несколько лет до своей смерти, я зарабатывал достаточно, чтобы содержать его, а также моих сестер, пока они не вышли замуж. Матери у меня не было, потому что ее собрали к Осирису, когда я был еще совсем маленьким. Так шла жизнь из года в год, но в глубине души я ненавидел свою судьбу. Когда я был еще мальчиком, во мне проснулось желание — не копировать то, что написали другие, а писать то, что другие должны копировать. Я стал мечтателем о мечтах. Прогуливаясь ночью под пальмами на берегу Нила, я наблюдал за луной, освещавшей воды, и в ее лучах мне казалось, что я вижу много прекрасных вещей. Там появились картины, которые отличались от всех, что я видел в мире людей, хотя на них были мужчины, женщины и даже боги.

Из этих фотографий я создавал истории в своем сердце и, наконец, хотя этого не было несколько лет, я начал записывать эти истории в свободные часы. Мои сестры застали меня за этим занятием и рассказали отцу, который отругал меня за подобную глупость, которая, по его словам, никогда не обеспечит меня хлебом и пивом. Но по ночам я продолжал писать тайком при свете лампы в своей комнате. Потом мои сестры вышли замуж, и однажды мой отец внезапно умер, когда читал молитвы в храме. Я распорядился, чтобы его забальзамировали наилучшим образом и похоронили с почестями в гробнице, которую он приготовил для себя, хотя, чтобы оплатить расходы, мне пришлось почти два года переписывать Книги мертвых, работая так усердно, что у меня не оставалось времени на написание рассказов.

Когда, наконец, я освободился от долгов, я встретил девушку из Фив с прекрасным лицом, которое, казалось, всегда улыбалось, и она забрала мое сердце из моей груди в свое собственное. В конце концов, после того, как я вернулся с войны против варваров из Девяти Луков, на которую меня призвали, как и других мужчин, я женился на ней. Что касается ее имени, пусть будет так, я не буду думать о нем даже про себя. У нас был один ребенок, маленькая девочка, которая умерла через два года после своего рождения, и тогда я узнала, что может значить горе для человека. Сначала моя жена была опечалена, но со временем ее печаль прошла, и она снова улыбнулась, как раньше. Только она сказала, что больше не будет рожать детей, чтобы их забрали боги. Ей почти нечего было делать, и она начала ходить по городу и заводить друзей, которых я не знал, потому что, будучи красивой женщиной, она нашла многих

из них. В конце концов она уехала обратно в Фивы с солдатом, которого я никогда не видел, потому что всегда работал дома, думая о мертвом ребенке и о том, что счастье - это птица, которую ни один мужчина не может поймать в ловушку, хотя иногда она по собственной воле залетает к нему на окно.

Именно после этого мои волосы поседели, прежде чем я успел досчитать до тридцати лет.

Теперь, когда мне не для кого было работать, а мои потребности были немногочисленны и просты, я находил больше времени для написания рассказов, которые, по большей части, были несколько грустными. Один из этих рассказов мой коллега-переписчик позаимствовал у меня и прочитал вслух компании, которой он так понравился, что многие попросили разрешения скопировать его и опубликовать за границей. Так постепенно я стал известен как рассказчик сказок, которые по моему приказу переписывали и продавали, хотя я мало что из них извлек. И все же моя слава росла, пока однажды я не получил послание от принца Сети, моего близнеца в Ра, в котором говорилось, что он прочитал некоторые из моих сочинений, которые ему очень понравились, и что он желает увидеть мое лицо. Я смиренно поблагодарил его через посыльного и ответил, что отправлюсь в Танис и приму его высочество. Однако сначала я закончил самую длинную историю, которую когда-либо писал. Она называлась "Сказка о двух братьях" и повествовала о том, как неверная жена одного из них навлекла беду на другого, так что он был убит. О том, как справедливые боги снова вернули его к жизни, и о многом другом. Эту историю я посвятил его Высочеству, принцу Сети, и с ней за пазухой своего одеяния отправился в Танис, спрятав при себе скопленную сумму золота.

Итак, я приехал в Танис в начале зимы и, подойдя ко дворцу принца, смело потребовал аудиенции. Но теперь начались мои неприятности, потому что стражники оттолкнули меня от дверей. В конце концов я подкупил их и был допущен в вестибюли, где были торговцы, жонглеры, танцовщицы, офицеры и многие другие, все они, казалось, ждали встречи с принцем; люди, которым от нечего делать доставляло удовольствие насмехаться надо мной, незнакомцем. Пообщавшись с ними несколько дней, я завоевал их дружбу, рассказав им одну из своих историй, после чего мне всегда были рады среди них. По-прежнему я не мог приблизиться к принцу, и поскольку мои деньги начали подходить к концу, я решил вернуться в Мемфис.

Однако однажды длинноротый старик с жезлом управления с золотым наконечником, у которого на мантии была вышита голова быка, остановился передо мной и, назвав меня белоголовой вороной, спросил, что я делаю, день за днем скакая по дворцовым покоем. Я назвал ему свое имя и род занятий, а он назвал мне свое, которым, как оказалось, был Памбаса, один из камергеров принца. Когда я попросила его отвести меня к принцу, он рассмеялся мне в лицо и мрачно сказал, что дорога к его высочеству вымощена золотом. Я понял, что он имел в виду, и преподнес ему подарок, который он принял с такой же готовностью, как петух собирает кукурузу, сказав, что поговорит обо мне со своим хозяином и что я должен вернуться снова.

Я приходил трижды, и каждый раз этот старый петух собирал все больше кукурузы. Наконец я пришел в ярость и, забыв, где нахожусь, начал кричать на него и называть вором, так что люди собрались вокруг, чтобы послушать. Это, казалось, напугало его. Сначала он посмотрел в сторону двери, как бы желая позвать стражника, чтобы тот выставил меня вон; потом передумал и ворчливым голосом велел мне следовать за ним. Мы шли по длинным коридорам, мимо солдат, которые стояли в них на страже неподвижно, как мумии в своих гробах, пока, наконец,

не подошли к расшитым занавескам. Здесь Памбаса шепнул мне, чтобы я подождал, и прошел сквозь неплотно задернутые занавески, так что я мог видеть комнату за ними и слышать все, что там происходило.

Это была маленькая комната, похожая на комнату любого писца, потому что на столах лежали палитры, тростниковые перья, чернила в алебастровых вазах и листы папируса, приколотые к доскам. Стены были расписаны не так, как я обычно расписывал Книги мертвых, а по моде более ранних времен, какую я видел в некоторых древних гробницах, изображениями диких птиц, поднимающихся с болот, идеревьев и растений по мере их роста. Вдоль стен висели стеллажи, на которых лежали свитки папируса, а в очаге горел огонь из кедровых дров.

У этого костра стоял принц, которого я знал по его статуям. Его годы казались меньше моих, хотя мы родились в один день, и он был высоким и худощавым, к тому же очень светловолосым для представителя нашего народа, возможно, из-за сирийской крови, которая текла в его жилах. Его волосы были прямыми и каштановыми, как у северян, которые приезжают торговать на рынки Египта, а глаза были скорее серыми, чем черными, и располагались под несколько выступающими бровями, такими же, как у его отца, Менептах. Лицо у него было милое, как у женщины, но странное из-за некоторых морщинок, которые тянулись от уголков глаз к ушам. Я думаю, что они появились из-за изгиба бровей в задумчивости, но другие говорят, что они были унаследованы от прародительницы по женской линии. Бакенхонсу, мой друг, старый пророк, который служил при первом Seti и умер, но на днях, прожив сто двадцать лет, сказал мне, что знал ее до того, как она вышла замуж, и что она и ее потомок Seti, возможно, были близнецами.

В руке принц держал раскрытый свиток с очень древним почерком, который я, искушенный в подобных делах, имеющих отношение к моему ремеслу, узнал по его внешнему виду. Внезапно оторвав глаза от изучения этого свитка, он увидел стоящего перед ним камергера.

“Ты пришел вовремя, Памбаса”, - сказал он голосом, который был очень мягким и приятным, и в то же время очень мужественным. “Ты стар и, несомненно, мудр. Скажи, ты мудр, Памбаса?”

“ Да, ваше высочество. Я мудр, как дядя вашего высочества, Хаэмуас, могущественный волшебник, чьи сандалии я чистил, когда был маленьким.

“ Это так? Тогда почему ты так тщательно прячешь свою мудрость, которая должна раскрыться, как цветок, чтобы мы, бедные пчелы, могли присосаться к ней? Что ж, я рад узнать, что ты мудр, ибо в этой магической книге, которую я читал, я нахожу проблемы, достойные Хаэмуаса ушедшего, которого я помню только как задумчивого чернобрового человека, очень похожего на моего двоюродного брата, его сына Аменмеса - за исключением того, что никто не может назвать Аменмеса мудрым.

- Чему радуется ваше высочество?

“ Потому что вы, будучи по вашему собственному признанию равным ему, теперь можете интерпретировать этот вопрос так, как это сделал бы Хаэмуас. Ты знаешь, Памбаса, что, если бы он был жив, он был бы фараоном вместо моего отца. Однако он умер слишком рано, что доказывает мне, что в этой истории было что-то о его мудрости, поскольку ни один по-настоящему мудрый человек никогда не пожелал бы стать фараоном Египта ”.

Памбаса уставился на него с открытым ртом.

“Не хочу быть фараоном!” — начал он...

“Итак, Памбаса Мудрый, - продолжал принц, как будто не слышал его. “Послушай. Эта старая книга дает заклинание, "освобождающее сердце от усталости", которое, по ее словам, является старейшей и наиболее распространенной болезнью в мире, от которой свободны только котята, некоторые дети и сумасшедшие. Похоже, что лекарство от этой болезни, так говорится в книге, состоит в том, чтобы встать на вершине пирамиды Хуфу в полночь, в тот момент, когда луна самая большая за весь год, и выпить из чаши грез, произнося при этом заклинание, подробно написанное здесь на языке, который я не могу прочесть”.

- В заклинаниях нет никакой силы, принц, если кто-то может их прочесть.

- И, похоже, бесполезно, если их никто не может прочитать.

- Более того, как кто-либо может взобраться на пирамиду Хуфу, которая покрыта полированным мрамором, даже днем, не говоря уже о полуночи, ваше Высочество, и там испить чашу грез?

“Я не знаю, Памбаса. Все, что я знаю, это то, что я устал от этой глупости и от мира. Расскажи мне о чем-нибудь, что облегчит мое тяжелое сердце”.

- Снаружи есть жонглеры, принц, один из которых говорит, что может подбросить веревку в воздух и карабкаться по ней, пока не исчезнет в небесах.

“Когда он сделает это на твоих глазах, Памбаса, приведи его ко мне, но не раньше. Смерть — это единственная веревка, по которой мы поднимаемся на небеса - или опускаемся в ад. Ибо не забывай, что есть бог по имени Сет, в честь которого, кстати, как и моего прадеда, назван я - только жрецы знают почему, — а также тот, кого зовут Осирис.

- Затем танцовщицы, принц, и среди них несколько девушек очень изящного сложения, потому что я видел, как они купались в дворцовом озере, такие, которые привели бы в восторг сердце твоего деда, великого Рамсеса.

“Не радуют мое сердце те, кто не хочет, чтобы здесь гарцевали обнаженные женщины. Попробуй еще раз, Памбаса.

“Я не могу думать ни о чем другом, принц. И все же останься. Там есть писец по имени Ана, худой остроносый мужчина, который говорит, что он близнец вашего высочества в Ра.

“Ана!” воскликнул принц. “Тот из Мемфиса, который пишет рассказы? Почему ты не сказал этого раньше, старый дурак? Пусть он войдет немедленно, немедленно.

Теперь, услышав это, я, Ана, прошла сквозь занавески и пала ниц, говоря:

- Я тот самый писец, о Царственный Сын Солнца.

- Как ты смеешь входить к принцу без приглашения... - начал Памбаса, но Сети перебил его строгим голосом, сказав:

“И как ты смеешь, Памбаса, заставлять этого ученого человека ждать у моей двери, как собаку? Встань, Ана, и перестань давать мне титулы, ибо мы не при Дворе. Скажи мне, как давно ты в Танисе?

“Много дней, о принц, - ответил я, - тщетно искал твоего присутствия”.

- И как же вам в конце концов удалось его выиграть?

“ За плату, о принц, - невинно ответил я, - как, кажется, обычно. Привратники...

“ Я понимаю, - сказал Сети, “ привратники! Памбаса, ты выяснишь, какую сумму этот ученый писец выплатил "привратникам", и вернешь ему двойную сумму. А теперь уходи и разберись с этим делом.

И Памбаса ушел, бросив на меня жалобный взгляд уголком глаза.

- Скажи мне, - сказал Сети, когда он ушел, - ты, который, должно быть, по-своему мудр, почему Двор всегда плодит воров?

“ Я полагаю, по той же причине, о принц, что на спине собаки заводятся блохи. Блохи должны жить, а для этого есть собака”.

“Верно, ” ответил он, “ и этим дворцовым блохам платят недостаточно. Если когда-нибудь у меня будет власть, я позабочусь об этом. Их будет меньше, но лучше кормить. А теперь, Ана, садись. Я знаю тебя, хотя ты и не знаешь меня, и я уже научился любить тебя благодаря твоим произведениям. Расскажи мне о себе.

Итак, я рассказал ему всю свою простую историю, которую он выслушал молча, а затем спросил меня, зачем я пришел к нему. Я ответил, что это потому, что он послал за мной, о чем забыл; а также потому, что я принес ему рассказ, который осмелился посвятить ему. Затем я положил рулет перед ним на стол.

“Я польщен, ” сказал он довольным голосом, “ Я очень польщен. Если мне это понравится, ваша история отправится со мной в могилу, чтобы моя Ка читала и перечитывала ее до дня воскресения, хотя сначала я изучу ее во плоти. Ты знаешь этот город Танис, Ана?

Я ответил, что мало что знаю об этом, поскольку провел здесь время, обивая пороги его Высочества.

- Тогда, с вашего позволения, я буду вашим гидом этой ночью, а потом мы поужинаем и поговорим.

Я поклонился, и он хлопнул в ладоши, после чего появился слуга, не Памбаса, а другой.

“ Принеси два плаща, ” сказал принц. “ Я отправляюсь за границу с писцом Аной. Пусть охрана из четырех нубийцев, не больше, следует за нами, но на расстоянии и переодетая. Пусть они подождут у отдельного входа.

Мужчина поклонился и быстро удалился.

Почти сразу же появился чернокожий раб с двумя длинными плащами с капюшонами, какие носят погонщики верблюдов, которые он помог нам надеть. Затем, взяв лампу, он вывел нас из комнаты через дверь, противоположную той, через которую я вошел, по коридорам и узкой лестнице, которая заканчивалась во внутреннем дворе. Перейдя ее, мы подошли к стене, большой и толстой, в которой были двойные двери, обшитые медью, которые таинственным образом открылись при нашем приближении. За этими дверями стояли четверо высоких

мужчин, тоже закутанных в плащи, которые, казалось, не обращали на нас никакого внимания. И все же, оглянувшись назад, когда мы прошли немного, я заметил, что они как бы случайно следуют за нами.

Как прекрасно, подумал я про себя, быть принцем, который одним движением пальца может приказать служить себе в любое время дня и ночи.

Как раз в этот момент Сети сказал мне:

- Видишь, Ана, как печально быть принцем, который не может даже выйти за границу, не предупредив своих домашних, и командует тайной стражей, которая следит за каждым его действием и, несомненно, сообщает о нем полиции фараона.

У всего есть два лица, снова подумал я про себя.

ГЛАВА II. РАЗБИТИЕ ЧАШИ

Мы шли по широкой улице, обсаженной деревьями, за которыми виднелись отмытые известью дома с плоскими крышами, построенные из высушенного на солнце кирпича, стоявшие каждый в своем саду, пока, наконец, не вышли на большую рыночную площадь как раз в тот момент, когда над пальмами взошла полная луна, сделав мир почти таким же светлым, как днем. Танис, или Рамсес, как его еще называют, был тогда очень красивым городом, хотя и вдвое меньше Мемфиса, хотя теперь, когда Двор покинул его, я слышал, он сильно опустел. Вокруг этой рыночной площади стояли великие храмы богов с пилонами и аллеями сфинксов, а также это чудо света - колоссальная статуя второго Рамсеса, в то время как к северу на холме возвышался великолепный дворец фараона. Там были и другие дворцы, населенные знатью и придворными чиновниками, а между ними тянулись длинные улицы, где жили горожане, заканчивавшиеся, некоторые из них, на том рукаве Нила, на котором стоял древний город.

Сети остановился, чтобы взглянуть на эти удивительные здания.

“Они очень старые, - сказал он, - но большинство из них, как стены и храмы Амона и Птаха, были восстановлены во времена моего деда или после него трудом израильских рабов, которые живут вон там, в богатой земле Гесем”.

- Они, должно быть, стоили много золота, - ответил я.

- Цари Египта не платят своим рабам, - коротко заметил принц.

Затем мы пошли дальше и смешались с тысячами людей, которые бродили туда-сюда в поисках отдыха после дневных дел. Здесь, на границе Египта, собрались люди всех рас: бедуины из пустыни, сирийцы из-за Красного моря, купцы с богатого острова Читтим, путешественники с побережья и торговцы из страны Пунт и из неизведанных стран севера. Все разговаривали, смеялись и веселились, за исключением тех, кто собирался в кружки, чтобы послушать рассказчика историй или бродячих музыкантов, или понаблюдать за полуобнаженными женщинами, которые танцевали за подарками.

Время от времени толпа расступалась, чтобы пропустить колесницу какого-нибудь дворянина или дамы, перед которой бежали лакеи, кричавшие: “Дорогу, дорогу!” - и размахивающие вокруг них своими длинными жезлами. Затем появилась процессия облаченных в белые одежды жрецов Исида, путешествовавших при лунном свете, как и подобало слугам Владычицы Луны, и несших над головой священное изображение богини, перед которым все мужчины склонились и некоторое время хранили молчание. После этого следовало тело какого-то недавно умершего великого человека, сопровождаемое отрядом нанятых плакальщиков, которые оглашали воздух своими причитаниями, пока несли его в квартал бальзамировщиков. Наконец, из одной из боковых улочек появилась банда из нескольких сотен крюконосых и бородатых мужчин, среди которых было несколько женщин, свободно связанных веревками и сопровождаемых ротой вооруженных охранников.

“ Кто это? - Спросил я, потому что никогда не видел ничего подобного.

- Рабы народа Израиля, которые возвращаются после работы на рытье нового канала, который должен выйти к Красному морю, - ответил принц.

Мы остановились, чтобы посмотреть, как они проходят мимо, и я отметил, как гордо сверкали их глаза и какой свирепой была их осанка, хотя это были всего лишь люди в оковах, тоже очень усталые и запятнанные тяжелым трудом в грязи и воде. Вскоре это произошло. Седобородый мужчина отстал, таща за собой веревку и проверяя марш. Вслед за этим подбежал надсмотрщик и выпорол его жестоким кнутом, вырезанным из кожи морского конька. Мужчина повернулся и, подняв деревянную лопату, которую он нес, нанес надсмотрщику такой удар, что проломил ему череп так, что тот упал замертво. Другие надсмотрщики бросились на еврея, как назывались эти израильтяне, и били его, пока он тоже не упал. Затем появился солдат и, увидев, что произошло, выхватил свой бронзовый меч. Из толпы выскочила девушка, молодая и очень красивая, хотя и была грубо одета.

С тех пор я видел Мерапи, Луну Израиля, как ее называли, одетую в гордые одежды царицы, а однажды даже богини, но никогда, я думаю, она не выглядела более прекрасной, чем в этот час своего рабства. Ее большие глаза, ни голубые, ни черные, отразили свет луны и были полны слез. Ее пышные волосы бронзового оттенка ниспадали крупными локонами на белоснежную грудь, открывавшуюся под грубым одеянием. Ее изящные руки были подняты, словно для отражения ударов, обрушившихся на того, кого она пыталась защитить. Ее высокая и стройная фигура выделялась на фоне вспышки света, горевшей над каким-то рыночным прилавком. Она была необычайно красива, так красива, что мое сердце замерло при виде ее, да, мое, которое в течение нескольких лет не думало о женщинах, кроме черных и злых.

Она громко плакала. Стоя над упавшим человеком, она взывала к солдату о милосердии. Затем, видя, что от него нечего ждать, она обвела своими огромными глазами все вокруг, пока они не упали на принца Сети.

“ О! Сэр, ” причитала она, “ у вас благородный вид. Ты будешь стоять в стороне и смотреть, как моего отца убьют без всякой вины?

“ Оттащите ее, или я проткну ее насквозь! ” крикнула капитан, потому что теперь она бросилась на упавшего израильтянина. Надсмотрщики повиновались и утащили ее прочь.

- Стой, мясник! - крикнул принц.

“Кто ты такой, пес, что осмеливаешься учить офицера фараона его долгу?” - ответил капитан, ударив принца левой рукой по лицу.

Затем он быстро нанес удар сверху вниз, и я увидел, как бронзовый меч прошел сквозь тело израильтянина, который задрожал и затих. Все это произошло в одно мгновение, и в наступившей тишине раздался женский вопль. На мгновение Сети задохнулся — я думаю, от ярости. Затем он произнес одно—единственное слово - “Стража!”

Четверо нубийцев, которые, как было приказано, держались на расстоянии, прорвались сквозь собравшуюся толпу. Прежде чем они добрались до нас, я, до сих пор стоявший в изумлении, прыгнул на капитана и схватил его за горло. Он замахнулся на меня своим окровавленным мечом, но удар пришелся на мой длинный плащ, только ушиб мне левое бедро. Тогда я, который в те дни был сильным, схватился с ним, и мы вместе покатались по земле.

После этого поднялась великая суматоха. Рабы-евреи разорвали веревку и набросились на солдат, как собаки на шакала, избивая их голыми кулаками. Солдаты защищались мечами; надсмотрщики размахивали кожаными кнутами; женщины визжали, мужчины вопили. Капитан, которого я схватил, начал брать надо мной верх; по крайней мере, я увидел, как его меч сверкнул надо мной, и подумал, что все кончено. Несомненно, так бы и было, если бы Сети сам не оттащил мужчину назад и таким образом не дал четырем нубийским стражникам время схватить его. Затем я услышал, как принц крикнул звенящим голосом:

“Стойте! Это Сети, сын фараона, правитель Таниса, с которым вам придется иметь дело. Смотри, - и он откинул капюшон своего плаща, так что луна осветила его лицо.

Мгновенно воцарилась глубокая тишина. Теперь, сначала один, потом другой, по мере того как истина доходила до них, люди начали падать на колени, и я услышал, как один сказал с благоговением в голосе:

“Царственный сын, принц Египта, которого солдат ударил в лицо! За это нужно заплатить кровью”.

“Как зовут этого офицера?” - спросил Сети, указывая на человека, который убил израильтянина и чуть не убил меня.

Кто-то ответил, что его зовут Хуака.

“Приведите его к ступеням храма Амона”, - сказал Сети нубийцам, которые крепко держали его. “Следуйте за мной, друг Ана, если у вас хватит сил. Нет, обопрись на мое плечо.

Итак, опираясь на плечо принца, поскольку я был весь в синяках и задыхался, я прошел с ним шагов сто или больше до ступеней великого храма, где мы поднялись на платформу наверху лестницы. За нами последовал пленник, а за ним и вся толпа, очень большая толпа, стоявшая на ступенях и на ровной площадке за ними. Принц, очень бледный и спокойный, сел на низкое гранитное основание высокого обелиска, стоявшего перед пилоном храма, и сказал:

“Как губернатор Таниса, города Рамсеса, обладающий властью над жизнью и смертью в любое время и в любом месте, я объявляю свой Суд открытым”.

“Королевский двор открыт!” - кричала толпа в привычной форме.

“Дело обстоит именно так”, - сказал принц. “Этот человек по имени Хуака, судя по одежде, капитан армии фараона, обвиняется в убийстве некоего еврея и в покушении на убийство писца Аны. Пусть будут вызваны свидетели. Принесите тело мертвеца и положите его здесь, передо мной. Приведите женщину, которая пыталась защитить его, чтобы она могла заговорить.

Тело принесли и положили на платформу, его широко раскрытые глаза смотрели на луну. Затем собравшиеся солдаты выставили вперед плачущую девушку.

“Перестань плакать, - сказал Сети, - и поклянись Кеферой, создательницей, и Маат, богиней истины и закона, не говорить ничего, кроме правды”.

Девушка подняла голову и сказала густым низким голосом, который чем-то напомнил мне мед, выливаемый из банки, возможно, потому, что он был густым от сдавленных рыданий:

“О царственный сын Египта, я не могу поклясться теми богами, которые являются дочерью Израиля”.

Принц внимательно посмотрел на нее и спросил:

“Тогда каким богом ты можешь поклясться, о Дочь Израиля?”

“Клянусь Яхве, о Принц, которого мы считаем единственным Богом, Творцом мира и всего, что в нем”.

“Тогда, возможно, его другое имя Кефера, - сказал принц с легкой улыбкой. “Но пусть будет так, как ты хочешь. Тогда поклянись своим богом Яхве”.

Затем она подняла обе руки над головой и сказала:

“Я, Мерапи, дочь Натана из колена Леви, из народа Израиля, клянусь, что буду говорить правду и только правду во имя Яхве, Бога Израиля”.

- Расскажи нам, что тебе известно о смерти этого человека, о Мерапи.

“Ничего такого, чего бы ты сам не знал, о принц. Тот, кто лежит там, ” и она указала рукой на труп, отводя глаза, “был моим отцом, старейшиной Израиля. Капитан Хуака пришел, когда кукуруза была молодой, в Землю Гесем, чтобы выбрать тех, кто будет работать на фараона. Он хотел взять меня в свой дом. Мой отец отказался, потому что с детства я была помолвлена с израильтянином, а также потому, что по закону нашему народу запрещено вступать в брак с вашим народом. Затем капитан Хуака схватил моего отца, хотя он был высокого ранга и не по возрасту годился для работы на фараона, и его увезли, как я думаю, потому, что он не позволил мне выйти замуж за Хуаку. Некоторое время спустя мне приснилось, что мой отец болен. Трижды мне это снилось, и я убежал в Танис, чтобы навестить его. Но сегодня утром я нашел его, и, о принц, ты знаешь остальное”.

“Больше ничего нет?” - спросил Сети.

Девушка колебалась, потом ответила:

“Только это, о принц. Этот человек видел меня с моим отцом, который давал ему еду, потому что он был слаб и измучен тяжелым трудом копания грязи под палящим солнцем, он, который, будучи благородным представителем нашего народа, с юности ничего не знал о таком труде. В

моем присутствии Хуака спросил моего отца, отдаст ли он меня ему сейчас. Мой отец ответил, что скорее увидит, как меня целуют змеи и пожирают крокодилы. 'Я слышу тебя', - ответил Хуака. 'Теперь учись, раб Натан, прежде чем завтра взойдет солнце, тебя поцелуют мечи и сожрут крокодилы или шакалы'. "Да будет так, - сказал мой отец, - но знай, о Хуака, что если это так, то мне, священнику и пророку Яхве, открыто, что до завтрашнего восхода солнца мечи поцелуют и тебя, а об остальном мы поговорим у подножия трона Яхве".

"После этого, как ты знаешь, принц, надсмотрщик выпорол моего отца, как я слышал, Хуака приказал ему делать, если он будет отставать от усталости, а затем Хуака убил его, потому что мой отец в своем безумии ударил надсмотрщика мотыгой. Мне больше нечего сказать, кроме того, что я молюсь о том, чтобы меня отправили обратно к моему народу, чтобы я оплакивал своего отца в соответствии с нашим обычаем".

"К кому тебя пошлют? К твоей матери?"

"Нет, о принц, моя мать, сирийская леди, мертва. Я пойду к своему дяде, Иавису Левиту".

"Отойди в сторону", - сказал Сети. "Этим вопросом займемся позже. Явись, о Писец Ана. Принесите присягу и расскажите нам, что вы видели о смерти этого человека, поскольку необходимы два свидетеля.

Поэтому я поклялся и повторил всю эту историю, которую я записал.

- Итак, Хуака, - сказал принц, когда я закончил, - ты хочешь что-нибудь сказать?

"Только то, о Царственная особа, - ответил капитан, бросаясь на колени, " что я случайно ударил тебя, не зная, что лицо твоего Высочества скрыто этим длинным плащом. За этот поступок я действительно достоин смерти, но я молю вас простить меня, потому что я не знал, что делал. Остальное - ничто, поскольку я убил всего лишь мятежного раба израильтян, поскольку таких убивают каждый день".

"Скажи мне, о Хуака, кого судят за смерть этого человека, а не за случайное нанесение удара особе царской крови, по какому закону тебе дозволено убить израильтянина без суда перед назначенными чиновниками фараона".

"Я не образован. Я не знаю закона, о принц. Все, что сказала эта женщина, ложь".

"По крайней мере, это не ложь, что вон тот человек лежит мертвый и что ты убил его, как ты сам признаешь. Узнай сейчас, и пусть узнает весь Египет, что даже израильтянин не может быть убит без причины, кроме как из-за усталости и того, что он платит незаслуженным ударом за удар. Твоя кровь ответит за его кровь. Солдаты! Отрубите ему голову".

Нубийцы набросились на него, и когда я снова посмотрел, обезглавленный труп Хуаки лежал рядом с трупом еврея Натана, и их кровь смешалась на ступенях храма.

"Дела Суда закончены", - сказал принц. "Офицеры, проследите, чтобы эту женщину сопроводили к ее народу, а вместе с ней и тело ее отца для погребения. Также, клянусь своими жизнями, что ей не будет нанесено никакого оскорбления или вреда. Писец Ана, проводи меня отсюда в мой дом, где я хотел бы поговорить с тобой. Пусть стражники идут впереди и следуют за мной".

Он встал, и все люди поклонились. Когда он повернулся, чтобы уйти, госпожа Мерапи выступила вперед и, упав на колени, сказала:

“О справедливейший принц, отныне и вовеки я твой слуга”.

Затем мы отправились в путь, и когда мы покинули рыночную площадь, направляясь ко дворцу принца, я услышал позади нас шум голосов, одни восхваляли, другие порицали то, что было сделано. Мы шли в тишине, нарушаемой только размеренной поступью стражников. Вскоре луна скрылась за облаком, и мир погрузился во тьму. Затем из края облака вырвался луч света, который лежал прямо и узко над нами на небесах. Сети некоторое время изучал его и сказал:

“Скажи мне, о Ана, о чем этот лунный луч наводит тебя на мысль?”

“О мече, о принц, ” ответил я, “ простертом над Египтом и удерживаемом черной рукой какого-то могущественного бога или духа. Смотри, вот клинок, с которого падают маленькие облачка, похожие на капли крови, вот золотая рукоять, и смотри! там, внизу, лик бога. Огонь струится из его бровей, а лоб у него черный и ужасный. Я боюсь, хотя и не знаю, чего я боюсь”.

“ У тебя склад ума поэтессы, Ана. Тем не менее, то, что вы видите, вижу и я, и в этом я уверен, что некий меч возмездия действительно простерт над Египтом из-за его злодеяний, символом которых может быть этот свет. Смотрите! кажется, что он обрушивается на храмы богов и дворец фараона и раскалывает их. Теперь он исчез, и ночь стала такой, какими были ночи от сотворения мира. Пойдем в мою комнату и поедим. Я устал, мне нужны еда и вино, как, должно быть, и тебе после борьбы с этим похотливым убийцей, которого я отправил в его собственное место.

Стражники отдали честь и были отпущены. Мы поднялись в личные покои принца, в одном из которых его слуги облачили меня в прекрасные льняные одежды после того, как опытный домашний врач обработал синяки на моем бедре, поверх которых он наложил повязку, смазанную бальзамом. Затем меня провели в маленькую столовую, где я обнаружил принца, ожидающего меня, как будто я был каким-то почетным гостем, а не бедным писцом, пришедшим сюда из Мемфиса со своими товарами. Он усадил меня по правую руку от себя и даже сам придвинул мне стул, отчего я смутился. До сих пор помню это кресло с кожаной обивкой. Подлокотники его заканчивались сфинксами из слоновой кости, а на спинке из черного дерева в овале было выгравировано имя великого Рамзеса, которому он действительно когда-то принадлежал. Молодой раб—нубиец с очень веселым лицом подал нам блюда — всего два, и те довольно простые, поскольку Сети не был большим гурманом, - а к ним вино, более вкусное, чем я когда-либо пробовал.

Мы ели и пили, и принц рассказывал мне о моем ремесле писца и о сочинении историй, которые, казалось, очень интересовали его. Действительно, можно было подумать, что он ученик в школе, а я учитель, так смиренно и с такой тщательностью он взвешивал все, что я говорил о своем искусстве. О государственных делах или об ужасной кровавой сцене, через которую мы только что прошли, он не произнес ни слова. Однако в конце, после небольшой паузы, во время которой он поднял кубок из алебаstra, тонкий, как яичная скорлупа, и изучал, как свет играет сквозь него на насыщенном красном вине, он сказал мне:

“Друг Ана, мы провели вместе волнующий час, возможно, первый из многих, а может быть, и последний. Кроме того, мы родились в один и тот же день и, следовательно, если только

астрологи не лгут, как и другие мужчины — и женщины - под одной и той же звездой. Наконец, если позволите это сказать, вы мне очень нравитесь, хотя я и не знаю, насколько я вам нравлюсь, и когда вы находитесь со мной в комнате, я чувствую себя непринужденно, что странно, потому что я не знаю никого другого, с кем это было бы так.

“Так вот, по чистой случайности, только сегодня утром я обнаружил в некоторых старых записях, которые изучал, что наследник египетского престола тысячу лет назад имел и, следовательно, поскольку в Египте никогда ничего не меняется, до сих пор имеет право на частного библиотекаря, за которого государство, то есть труженики страны, должны платить, как, в конце концов, они платят за всех. Кажется, прошли несколько династий с тех пор, как появился такой библиотекарь, я думаю, потому, что большинство наследников престола не умели или не умели читать. Также случайно я упомянул об этом визирю Нехези, который жалеет о каждой потраченной мной унции золота, как если бы оно было извлечено из его собственного кошелька, что, возможно, так и есть. Он ответил со своей кривой улыбкой:

“Поскольку я хорошо знаю, принц, что в Египте нет писца, которого вы потерпели бы рядом с собой хотя бы месяц, я установлю стоимость услуг библиотекаря в размере, который был указан во времена Одиннадцатой династии в списке придворных вашего высочества, и буду покрывать ее из королевской казны до тех пор, пока он не будет уволен”.

“Поэтому, Писец Ана, я предлагаю тебе эту должность на один месяц; это все, за что я могу обещать, что тебе заплатят, какой бы она ни была, ибо я забыл сумму”.

“Благодарю тебя, о принц”, - воскликнул я.

“Не благодари меня. Воистину, если ты мудр, ты откажешься. Ты встретил Памбасу. Что ж, Нехези - это Памбаса, умноженный на десять, негодяй, вор, хулиган и тот, к кому прислушивается фараон. Он превратит твою жизнь в пытку для тебя и отнимет каждое золотое колечко, которое ты в конце концов вырвешь из его хватки. Более того, это скучное место, а я причудлив и часто бываю в дурном настроении. Не благодари меня, говорю я. Откажись; возвращайся в Мемфис и пиши рассказы. Избегайте дворов и их заговоров. Сам фараон - всего лишь лицо и марионетка, через которую говорят другие голоса и сияют другие глаза, а скипетр, которым он владеет, дергают за ниточки. И если это так с фараоном, то как обстоит дело с его сыном? Тогда есть женщины, Ана. Они займутся любовью с тобой, Ана, они делают это даже со мной, и я думаю, ты говорила мне, что кое-что понимаешь в женщинах. Не соглашайся, возвращайся в Мемфис. Я пришлю тебе несколько старых рукописей для копирования и заплачу столько, сколько Нехези позволит библиотекарю”.

“ И все же я принимаю это, о принц. Что касается Нехези, то я его нисколько не боюсь, поскольку в худшем случае я могу написать о нем историю, над которой весь мир посмеется, и вместо этого он будет платить мне зарплату”.

“ В тебе больше мудрости, чем я думал, Ана. Мне никогда не приходило в голову включить Нехези в историю, хотя это правда, что я рассказываю о нем истории, что во многом одно и то же ”.

Он наклонился вперед, подперев голову рукой, и, перестав шутить, посмотрел мне в глаза и спросил:

“Почему ты соглашаешься? Дай мне подумать. Это не потому, что вы заботитесь о богатстве, если хотите завоевать его здесь; не ради пышности и показухи дворов; не ради общества великих, которые на самом деле так малы. Ко всему этому ты, Ана, не испытываешь тяги, если я правильно читаю в твоём сердце, ты - художница, не меньше и не больше. Тогда скажи мне, почему ты, свободный человек, который может зарабатывать себе на жизнь, слоняешься вокруг трона и подставляешь свою шею под каблуки принцев, чтобы тебя превратили в обычных слуг, Спутников короля и Носильщиков Скамеечки для ног?

“Я скажу тебе, принц. Во-первых, потому что троны творят историю, как история творит троны, и я думаю, что в Египте грядут великие события, в которых я хотел бы принять участие. Во-вторых, потому, что боги приносят дары людям только один или два раза в их жизни, и отказываться от них - значит оскорблять богов, которые дали им эти жизни, чтобы использовать их в целях, о которых мы ничего не знаем. И в—третьих” - тут я запнулся.

— И в-третьих, покончим с третьим, поскольку, несомненно, это настоящая причина.

И в—третьих, о принц — что ж, это слово странно звучит в устах мужчины, - но в-третьих, потому что я люблю тебя. С того момента, как мой взгляд упал на твое лицо, я полюбил тебя так, как никогда не любил ни одного другого мужчину - даже своего отца. Я не знаю почему. Конечно, это не потому, что ты принц.

Услышав эти слова, Сети погрузился в задумчивость и так замолчал, что, опасаясь, как бы я, скромный писец, не проявил излишней смелости, я поспешно добавил:

“Пусть ваше высочество простит своего слугу за его самонадеянные слова. Это говорило сердце его слуги, а не его уста.

Он поднял руку, и я остановилась.

“Ана, моя сестра-близнец в Ра, - сказал он, - ты знаешь, что у меня никогда не было друга?”

“Принц, у которого нет друга!”

“Никогда, ни одного. Теперь я начинаю думать, что нашел его. Мысль странная и согревает меня. Знаешь ли ты также, что когда мой взгляд упал на твое лицо, я тоже полюбил тебя, боги знают почему. Это было так, как будто я нашел того, кто был дорог мне тысячи лет назад, но кого я потерял и забыл. Возможно, это всего лишь глупость, или, возможно, здесь мы видим тень чего-то великого и прекрасного, обитающего в другом месте, в месте, которое мы называем Царством Осириса, загробным миром, Ана”.

“Такие мысли иногда приходили мне в голову, принц. Я имею в виду, что все, что мы видим, - это тени; что мы сами - тени и что реальности, которые их отбрасывают, живут в другом доме, который освещен неким духовным солнцем, которое никогда не заходит”.

Принц кивнул головой и снова ненадолго замолчал. Затем он взял свою красивую алебастровую чашу и, налив в нее вина, отпил немного и передал чашу мне.

“Выпей также, Ана, - сказал он, - и поклянись мне, как я обещаю тебе, в знак того, что по воле Создателя, сотворившего сердца людей, отныне наши два сердца будут одним сердцем в добре

и зле, в триумфе и поражении, пока смерть не заберет одного из нас. Отныне, Ана, если ты не покажешь себя недостойной, я не скрою от тебя никаких мыслей”.

Вспыхнув от радости, я взял чашку со словами:

Я присоединяюсь к твоим словам, о принц. Мы едины, не только для этой жизни, но и для всех будущих жизней. Смерть, о Принц, я думаю, всего лишь одна ступенька на пилонной лестнице, которая, наконец, ведет на ту головокружительную высоту, откуда мы видим лик Бога и слышим его голос, говорящий нам, кто мы и почему мы есть”.

Тогда я поклялся ему и выпил, кланяясь, и он поклонился мне в ответ.

Что нам делать с чашей, Ана, священной чашей, в которой хранилось это богатое сердечное вино? Оставить ли мне ее? Нет, она больше не принадлежит мне. Должен ли я отдать его тебе? Нет, он никогда не сможет принадлежать только тебе. Смотри, мы разобьем бесценную вещь”.

Схватив чашку за ножку, он изо всех сил ударил ею по столу. Затем произошло то, что показалось мне чудом, потому что вместо того, чтобы разлететься вдребезги, как я ожидал, она раскололась надвое от края до основания. Было ли это случайно, или художник, создавший его в каком-то ушедшем поколении, обработал две половинки по отдельности и хитро соединил их вместе, я до сих пор не знаю. По крайней мере, так оно и случилось.

“Это счастье, Ана”, - сказал принц, слегка рассмеявшись в своей обычной беспечной манере. “Теперь возьми себе половину, которая лежит ближе всего к тебе, а я возьму свою. Если ты умрешь первым, я положу свою половину тебе на грудь, и если я умру первым, ты сделаешь то же самое со мной, или, если священники запретят это, потому что я царственной крови и не могу быть осквернен, брось эту вещь в мою могилу. Что бы мы сделали, если бы алебастр разлетелся на осколки, Ана, и какое предзнаменование мы должны были прочесть в них?

“Зачем спрашивать, о принц, если все случилось иначе?”

Затем я взял свою половинку, приложил ее ко лбу и спрятал за пазуху своей мантии, и одновременно со мной это сделал Сети.

Итак, таким странным образом королевский Seti и я скрепили священный договор нашего братства, как я думаю, не в первый и не в последний раз.

ГЛАВА III. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Сети поднялся, протягивая руки.

“С этим покончено, - сказал он, - как кончается все, и на этот раз я сожалею. Что теперь дальше? Сон, я полагаю, в котором все заканчивается, или, возможно, вы бы сказали, все начинается.

Пока он говорил, занавески в конце комнаты раздвинулись, и между ними появился камергер Памбаса, церемонно держащий перед собой свой жезл с золотым наконечником.

“Что теперь, парень?” - спросил Сети. “Неужели я даже не могу поужинать спокойно? Останься, прежде чем ответить, скажи мне, все заканчивается или начинается во сне? Ученая Ана и я расходимся во мнениях по этому вопросу и хотели бы услышать твою мудрость. Имей в виду, Памбаса, что до своего рождения мы, должно быть, спали, поскольку о том времени мы ничего не помним, а после смерти нам определенно кажется, что мы спим, как знает любой, кто смотрел на мумии. А теперь отвечай.

Камергер уставился на флягу с вином, стоявшую на столе, как будто подозревал своего хозяина в том, что тот выпил слишком много. Затем твердым официальным тоном он сказал:

“Она идет! Она идет! Она идет, предлагая приветствия и поклонение Царственному Сыну Ра.

“Неужели?” - спросил Сети. “Если так, зачем повторять это три раза? И кто придет?”

- Верховная принцесса, наследница Египта, дочь фараона, сводная сестра вашего высочества, великая леди Таусерт.

“Тогда позволь ей войти. Ана, встань позади меня. Если ты устанешь и я разрешу тебе уйти, рабы покажут тебе место для сна.

Памбаса ушел, и вскоре из-за занавески появилась пышно одетая дама царственного вида. Ее сопровождали четыре ожидающие женщины, которые отступили на порог, и их больше не было видно. Принц шагнул вперед, взял обе ее руки в свои и поцеловал в лоб, затем снова отстранился, после чего они некоторое время стояли, глядя друг на друга. Пока они стояли так, я изучал ту, кто была известна по всей стране как “Прекрасная королевская дочь”, но которую до сих пор я никогда не видел. По правде говоря, я не считал ее красивой, хотя, даже если бы она была одета в крестьянскую одежду, я был бы уверен, что она королевской крови. Ее лицо было слишком суровым для красоты, а черные глаза с серым оттенком в них были слишком маленькими. Также у нее был слишком острый нос и слишком тонкие губы. Действительно, если бы не изящная женская фигура под ней, я мог бы подумать, что передо мной стоит принц, а не принцесса. В остальном во многом она походила на своего сводного брата Сети, хотя ее лицу недоставало его доброты; или, скорее, они оба походили на своего отца, Менептаха.

“Приветствую тебя, сестра,” сказал он, глядя на нее с улыбкой, в которой я уловила проблеск насмешки. “Мантия с пурпурной каймой, изумрудное ожерелье и золотая корона с эмалью, кольца и наперсница, все, кроме скипетра, — почему ты так по-королевски одета, чтобы навестить такого скромного человека, как твой любящий брат? Ты приходишь, как солнечный свет, в темноту кельи отшельника и ослепляешь бедного отшельника, или, скорее, отшельниц, - и он указал на меня.

“Прекрати свои шутки, Сети”, - ответила она полным, сильным голосом. “Я ношу эти украшения, потому что они мне нравятся. Кроме того, я ужинал с нашим отцом, и те, кто сидит за столом фараона, должны быть соответственно одеты, хотя я заметил, что иногда ты думаешь иначе.

“В самом деле. Я верю, что у благого бога, нашего божественного родителя, все хорошо сегодня вечером, раз вы покидаете его так рано.

“Я уйду от него, потому что он послал меня с сообщением к тебе.” Она помолчала, пристально глядя на меня, затем спросила: “Кто этот человек? Я его не знаю”.

“Это твое несчастье, Таусерти, но его можно исправить. Его зовут Ана-Писец, он пишет странные, очень интересные истории, которые не мешало бы прочитать тем, кто слишком много думает о внешней стороне жизни. Он из Мемфиса, и его отца звали ... я забыл как. Ана, как звали твоего отца?”

- Слишком скромный для царских ушей, принц, - ответил я, - но моим дедом был Пентаур, поэт, который писал о деяниях могущественного Рамсеса.

“Это так? Почему ты не сказал мне об этом раньше? Происхождение должно принести тебе пенсию от Суда, если ты сможешь получить ее у Нехези. Что ж, Таусерт, его деда звали Пентаур, чьи бессмертные стихи ты, несомненно, читала на стенах храма, где наш дед позаботился о том, чтобы их опубликовать.

“Я, к моему сожалению, считала их жалкими хвастунами”, — холодно ответила она.

“Честно говоря, если Ана простит меня, то и я тоже. Могу заверить вас, что его рассказы значительно улучшили их. Друг Ана, это моя сестра, Таусерт, дочь моего отца, хотя наши матери не были одинаковыми”.

- Я прошу тебя, Сети, будь так добр, назови мне мои законные титулы, когда будешь говорить обо мне с писцами и другими твоими слугами.

“ Прошу прощения, Таусерти. Это, Ана, первая Леди Египта, Царственная Наследница, Принцесса Двух Земель, Верховная жрица Амона, Любимица Богов, сводная сестра предполагаемого Наследника, Дочь Хатхор, Цветущий Лотос Любви, будущая Королева— Усерти, чьей королевой ты будешь? Ты принял решение? Что касается меня, то я не знаю никого, кто был бы достоин такой красоты, совершенства, учености и — что бы мне добавить — сладости, да, сладости.

“ Сети, - сказала она, топнув ногой, “ если тебе нравится издеваться надо мной перед незнакомцем, полагаю, я должна подчиниться. отошлите его, я хотел бы поговорить с вами.

“Смеяться над тобой! О! у меня тяжелая судьба. Когда правда изливается из колодца моего сердца, мне говорят, что я насмехаюсь, а когда я насмехаюсь, все говорят — он говорит правду. Садись, сестра, и говори свободно. Эта Ана - мой заклятый друг, которая спасла мне жизнь, но теперь, за этот поступок, возможно, он должен быть моим врагом. У него также превосходная память, и он запомнит, что вы скажете, и запишет это позже, тогда как я могу забыть. Поэтому, с вашего позволения, я попрошу его остаться здесь.

- Мой принц, - вмешалась я, - молю вас, позвольте мне уйти.

- Мой секретарь, - ответил он с ноткой приказа в голосе, - прошу вас оставаться на месте.

Итак, я сел на пол, как писец, у меня не было выбора, а принцесса уселась на кушетку в конце стола, но Сети остался стоять. Тогда принцесса сказала:

“ Поскольку такова твоя воля, Брат, чтобы я рассказывал секреты не тебе, а другим ушам, я повинуюсь тебе. И все же, — тут она гневно посмотрела на меня, — пусть язык будет осторожен, чтобы не повторить то, что слышали уши, иначе не останется ни ушей, ни языка. Брат мой, пока мы ели вместе, фараону доложили, что в этом городе неспокойно. Ему доложили, что из-за

неприятностей с каким-то низкопробным израильтянином вы обезглавили одного из его офицеров, после чего вспыхнул бунт, который продолжается до сих пор”.

“ Странно, что правда так быстро дошла до ушей фараона. Так вот, сестра моя, если бы он услышал это три луны спустя, я мог бы тебе поверить — почти.

- Значит, вы все-таки обезглавили офицера?

- Да, я обезглавил его около двух часов назад.

- Фараон потребует отчета в этом деле.

- Фараон, - ответил Сети, поднимая глаза, - не имеет права подвергать сомнению справедливость правителя Таниса на севере.

“ Ты ошибаешься, Сети. Вся власть принадлежит фараону.

- Нет, сестра, фараон - всего лишь один человек среди миллионов других людей, и хотя он говорит, его язык подвешен их духом, в то время как над этим духом стоит еще более великий дух, который предписывает им думать о целях, о которых мы ничего не знаем.

- Я не понимаю, Seti.

“Я никогда не думал, что ты согласишься, Таусерт, но когда у тебя будет свободное время, попроси Ану объяснить тебе, в чем дело. Я уверен, что он понимает”.

“О! Я вынесла достаточно”, - воскликнула Таусерт, вставая. “Внемлите приказу фараона, принц Сети. Она заключается в том, что ты должен встретиться с ним завтра на полном совете, за час до полудня, чтобы обсудить с ним вопрос об израильских рабах и офицере, которого тебе было угодно убить. Я пришел, чтобы сказать тебе и другие слова, но поскольку они предназначались для твоих личных ушей, они могут подождать более подходящего случая. Прощай, брат мой.

“ Что, ты так скоро уходишь, сестра? Я хотел рассказать вам историю об этих израильтянах, и особенно о девушке, которую зовут... как ее звали, Ана?

- Мерапи, Луна Израиля, принц, - добавил я со стоном.

“О девушке по имени Мерапи, Луна Израиля, я думаю, что она самая милая из всех, кого я когда-либо видел, чьего отца мертвый капитан убил у меня на глазах”.

“ Значит, в этом бизнесе есть женщина? Что ж, я догадался.

“ В чем только не замешана женщина, Таусерт, даже в том, что касается послания от фараона. Памбаса, Памбаса, проводи принцессу и позови ее слуг, всех женщин до единой, если только мои чувства не насмеются надо мной. Спокойной ночи тебе, о Сестра и Владычица Двух Земель, и прости меня - твоя диадема несколько сбилась.

Наконец она ушла, и я встала, вытирая лоб уголком халата и глядя на принца, который стоял у камина и тихо смеялся.

- Запиши все эти разговоры, Ана, - сказал он. - в них больше, чем кажется на первый взгляд.

“ Я не нуждаюсь в записках, принц, - ответил я. - каждое слово выжжено в моей памяти, как раскаленное железо выжигает деревянную дощечку. И не без оснований, поскольку теперь ее высочество будет ненавидеть меня всю свою жизнь.

“ Это гораздо лучше, Ана, чем притворяться, что она любит тебя, чего она никогда бы не сделала, пока ты мой друг. Женщины часто уважают тех, кого они ненавидят, и даже продвигают их по службе из-за политики, но пусть остерегаются те, кого они притворяются, что любят. Возможно, придет время, когда ты все еще будешь самым доверенным советником Таусерт.

Теперь здесь я, Писец Ана, заявлю, что в последующие дни, когда эта же самая царица была женой фараона Саптаха, я, так уж случилось, стал ее самым доверенным советником. Более того, в те времена, да, и даже в час своей смерти, она поклялась, что с того момента, как ее взгляд впервые упал на меня, она знала, что у меня честное сердце, и уважала меня как человека, не ищущего себя. Более того, я думаю, она верила в то, что говорила, забыв, что когда-то считала меня своим врагом. На самом деле я никогда не был таким, кто всегда относился к ней с большим уважением и почестями как к великой леди, любящей свою страну, хотя иногда и не отличавшейся мудростью. Но поскольку я не мог предвидеть всего этого в ту давнюю ночь, я только пристально посмотрел на принца и сказал:

“ О! почему вы не позволили мне уйти, как ваше высочество разрешили с самого начала? Рано или поздно моя голова заплатит за работу этой ночи.

“ Тогда она должна забрать с собой и мою. Послушай, Ана. Я держал тебя здесь не для того, чтобы досадить принцессе или тебе, но по уважительной причине. Ты знаешь, что в королевских династиях Египта существует обычай, по которому короли или те, кто будет королями, женятся на своих ближайших родственниках, чтобы кровь оставалась чище.

“ Да, принц, и не только среди членов королевской семьи. И все же я считаю это дурным обычаем.

“Как и я, поскольку раса, в которой это практикуется, становится все слабее телом и разумом; вот почему, возможно, мой отец не такой, каким был его отец, а я не такой, каков мой отец”.

- Кроме того, принц, трудно смешивать любовь сестры и жены.

“Очень сильно, Ана; так сильно, что при попытке оба склонны исчезнуть. Что ж, поскольку наши матери были настоящими царскими женами, хотя ее мать умерла до того, как мой отец женился на моей, фараон желает, чтобы я женился на своей сводной сестре Таусерт, и, что еще хуже, она тоже этого хочет. Более того, люди, которые опасаются, что в Египте грядут неприятности, если мы, единственные оставшиеся из истинной царской расы, рожденные от цариц, останемся порознь и она возьмет другого лорда, или я возьму другую жену, потребуют, чтобы это произошло, поскольку они верят, что тот, кто назовет Усерти Сильной своей супругой, однажды будет править страной”.

— Почему принцесса желает этого - чтобы она стала королевой?

- Да, Ана, хотя если бы она вышла замуж за моего двоюродного брата Аменмеса, сына старшего брата фараона Хаэмуаса, она все равно могла бы стать королевой, если бы я предпочел отойти в сторону, чего мне не хотелось бы делать.

- Потерпит ли это Египет, принц?

“ Я не знаю, да это и не имеет значения, поскольку она ненавидит Аменмеса, который волевой и амбициозный, и не потерпит ничего от него. Кроме того, он уже женат”.

- А нет ли другого члена королевской семьи, которого она могла бы взять с собой, принц?

“ Никаких. Более того, она желает меня одного.

-Почему, принц?

“ Из-за древнего обычая, которому она поклоняется. Также потому, что она хорошо знает меня и по-своему привязана ко мне, которого она считает мягкосердечным мечтателем, которым она может править. Наконец, поскольку я законный наследник короны и без меня могу разделить ее, она думает, что никогда не будет в безопасности на троне, особенно если я женюсь на какой-нибудь другой женщине, к которой она будет ревновать. Это трон, которого она желает и за которого вышла бы замуж, а не принц Сети, ее сводный брат, которого она берет с собой в качестве номинального мужа, как повелевает фараон. Любовь не играет никакой роли в сердце Таусерт, Ана, что делает ее еще более опасной, поскольку то, что она ищет с холодным сердцем политика, она обязательно найдет”.

“ Тогда, принц, может показаться, что клетка построена для тебя. В конце концов, это великолепная клетка, и сделана она из золота.

“ Да, Ана, но не та, в которой я хотел бы жить. И все же, как, кроме как через смерть, я могу вырваться из тройственной цепи воли фараона, Египта и Усерти? О! ” продолжал он новым голосом, в котором слышались и печаль, и страсть. - В этом деле я бы выбрал для себя того, кто во всех остальных должен быть слугой. И я не могу выбирать!”

- Может быть, есть еще какая-нибудь леди, принц?

“ Ни одного! Клянусь Хатхор, ни одного — по крайней мере, я так думаю. И все же я был бы волен найти такую женщину и взять ее, когда нашел, если бы она была всего лишь девушкой-рыбаком”.

- У египетских царей могут быть большие семьи, принц.

“ Я знаю это. Неужели нет еще десятков людей, которых я должен называть тетей и дядей? Я думаю, что мой дед Рамсес благословил Египет тремя сотнями детей, и в некотором смысле поступил мудро, поскольку таким образом он мог быть уверен, что, пока мир существует, в нем будет течь часть крови, которая когда-то принадлежала ему ”.

“ И все же, принц, как это поможет ему при жизни или смерти? Кто-то должен породить множество людей на земле, какая разница, кто это мог быть?”

“ Совсем ничего, Ана, поскольку по доброй или злой воле судьбы они рождаются. Поэтому зачем говорить о больших семьях? Хотя, как у любого человека, который может заплатить за это, у фараона может быть большое хозяйство, я ищу царицу, которая будет править в моем сердце так же, как на моем троне, а не "большое хозяйство", Ана. О! Я устал. Памбаса, иди сюда и проводи моего секретаря Ану в пустую комнату, которая находится рядом с моей, в расписную

комнату, выходящую окнами на север, и прикажи моим рабам выполнять все его желания так же, как они выполняли бы мои.

“Почему ты сказал мне, что ты писец, мой господин Ана?” - спросил Памбаса, ведя меня к моей прекрасной спальне.

- Потому что это мое ремесло, камергер.

Он посмотрел на меня, качая своей огромной головой, так что длинная белая борода развевалась у него на груди, как храмовое знамя на слабом вечернем ветерке, и ответил:

“ Ты не писец, ты волшебник, который может завоевать любовь и благосклонность его Высочества за час, чего другие не могут сделать между двумя разливами Нила. Если бы вы сказали это сразу, к вам бы по-другому отнеслись там, в зале ожидания. Поэтому прости мне то, что я сделал по неведению, и, мой господин, я молюсь, чтобы тебе было угодно не растаять ночью, иначе мои ноги ответят за это под палками ”.

Шел четвертый час после восхода солнца следующего дня, когда я впервые в жизни оказался при Дворе фараона, стоя вместе с другими членами его семьи в свите его Высочества принца Сети. Это было очень величественное место, ибо фараон восседал в зале суда, крышу которого поддерживали круглые скульптурные колонны, между которыми были установлены статуи бывших фараонов. За исключением тронного конца зала, где свет струился вниз по этажам, обширное помещение было затемнено почти до темноты; по крайней мере, так мне показалось, когда я вошел туда из яркого солнечного света. В этом мраке многие люди двигались подобно теням: капитаны, дворяне и государственные чиновники, вызванные ко Двору, и среди них одетые в белые одежды и выбритые священники. Были и другие, которых я не считал, такие как арабские вожди из пустыни, торговцы драгоценностями и другими товарами на продажу, фермеры и даже крестьяне с петициями для представления, адвокаты и их клиенты, и я не знаю, кто еще, хотя из всех них никому не было позволено продвинуться дальше определенной отметки, где начинал светать. Разговаривая шепотом, все эти люди порхали туда-сюда, как летучие мыши в могиле.

Мы ждали между двумя колоннами с головами Хатхор в одном из вестибюлей зала, когда принц Сети, одетый в расшитые пурпуром одежды и носящий на лбу золотую повязку, из которой поднимался урей, или змея в капюшоне, тоже золотая, которую могли носить только особы королевской крови, прислонился к основанию статуи, в то время как остальные из нас молча стояли позади него. Некоторое время он тоже молчал, как человек, мысли которого витали где-то далеко. Наконец он повернулся и сказал мне:

“Это утомительная работа. Если бы я попросил тебя принести эту твою новую сказку, Писец Ана, чтобы мы могли прочитать ее вместе”.

- Рассказать тебе об этом, принц?

“ Да. Я имею в виду, не сейчас, чтобы не забыть о хороших манерах, слушая тебя. Смотрите, ” и он указал на темнобрового мужчину средних лет со свирепыми глазами, который прошел по коридору, словно не замечая нас, “ вон идет мой двоюродный брат Аменмес. Ты ведь знаешь его, не так ли?

Я покачал головой.

- Тогда скажи мне, что ты о нем думаешь, немедленно, пока не рассеялось первое суждение.

- Я думаю, что он лорд королевского вида, упрямый умом и сильный телом, к тому же по-своему красивый.

“ Это все видят, Ана. Что еще?

- Я думаю, - сказал я тихо, чтобы никто не мог подслушать, - что его сердце такое же черное, как его лоб; что он стал злым от ревности и ненависти и причинит тебе зло.

“ Может ли человек стать злым, Ана? Разве он до конца не такой, каким родился? Я не знаю, и ты тоже. И все же ты права, он ревнив и причинит мне зло, если это принесет ему благо. Но скажи мне, кто из нас в конце концов восторжествует?”

Пока я колебался, что ответить, я осознал, что кто-то присоединился к нам. Оглянувшись, я увидел очень древнего человека, одетого в белое одеяние. У него было широкое лицо и лысая голова, а глаза под косматыми бровями горели, как два уголька в золе. Он опирался на посох из кедрового дерева, сжимая его обеими руками, которые из-за своей худобы походили на руки мумии. Некоторое время он рассматривал нас обоих, словно читая в наших душах, затем сказал полным веселья голосом:

- Приветствую тебя, принц.

Сети повернулся, посмотрел на него и ответил:

“ Приветствую тебя, Бакенхонсу. Как получилось, что ты все еще жив? Когда мы расставались в Фивах, я убедился...

“ Что по возвращении ты найдешь меня в моей могиле. Нет, принц, это я буду жить, чтобы посмотреть на тебя в твоей могиле, да, и на других, кому еще предстоит сесть на трон фараона. Почему бы и нет? Хо! хо! Почему бы и нет, учитывая, что мне всего сто семь лет, я, который помню первого Рамсеса и мальчиком играл с его внуком, вашим дедушкой? Почему бы мне не жить, принц, чтобы нянчить твоего внука, если боги даруют тебе того, у кого пока нет ни жены, ни ребенка?

- Потому что ты устанешь от жизни, Бакенхонсу, как и я, и боги не смогут долго щадить тебя.

“ Боги могут еще какое-то время продержаться без меня, принц, когда к их столу стекается так много народу. Действительно, они желают, чтобы в Египте остался один хороший жрец. Волшебник Ки сказал мне об этом только сегодня утром. Прошлой ночью он получил это прямо с Небес во сне.

“Зачем ты навел Ки?” - спросил Сети, пристально глядя на него. “Я должен был подумать, что, будучи обоими по профессии, вы должны были бы ненавидеть друг друга”.

“ Это не так, принц. Напротив, мы дополняем рассказы друг друга; я имею в виду, проверяем и интерпретируем видения друг друга, которые нас обоих сейчас очень беспокоят. Этот молодой человек - писец из Мемфиса?

“ Да, и мой друг. Его дедом был поэт Пентаур.

“ Действительно. Я хорошо знал Пентаура. Часто он читал мне перед сном свои длинные стихи, вонючую чушь, которая росла, как жесткая трава, на глубокой, но наполовину иссушенной почве. Ты уверен, молодой человек, что Пентаур был твоим дедом? Ты не похож на него. Это совсем другой вид травы, и вы знаете, что в этом вопросе мы должны верить женщине на слово.

Сети расхохотался, а я сердито посмотрел на старого священника, хотя теперь, когда я об этом подумал, мой отец всегда говорил, что его мать была одной из самых больших лгуний в Египте.

“Что ж, пусть будет так, ” продолжал Бакенхонсу, “ пока мы не узнаем правду раньше Тота. Ки говорил о тебе, молодой человек. Я не обратил на него особого внимания, но там было что-то о внезапном обете дружбы между вами и здешним принцем. В рассказе также была чашка, алебастровая чашка, которая показалась мне знакомой. Ки сказал, что он был сломан.

Сети вздрогнул, и я начал сердито:

“ Что ты знаешь об этой чаше? Где ты прятался, о Жрец?

“ О, в ваших душах, я полагаю, - мечтательно ответил он, - или, скорее, в них был Ки. Но я ничего не знаю и не любопытен. Если бы вы сейчас разбили чашку с женщиной, это было бы интереснее даже для старика. Будьте так добры, ответьте на вопрос принца, восторжествует ли в конце концов он или его двоюродный брат Аменмес, поскольку в этом вопросе любопытны и я, и Ки.

- Разве я провидец, - начал я еще более сердито, - чтобы читать будущее?

- Думаю, что да, немного, но именно это я и хочу выяснить.

Он заковылял ко мне, положил одну из своих когтистых лап на мою руку и сказал новым командным тоном:

- Взгляни теперь на этот трон и скажи мне, что ты там видишь.

Я повиновался ему, потому что должен, глядя в конец зала на пустой трон. Сначала я ничего не увидел. Затем вокруг него, казалось, замелькали фигуры. Среди этих фигур появилась фигура графа Аменмеса. Он восседал на троне, гордо оглядываясь по сторонам, и я заметил, что он больше не был одет как принц, а как сам фараон. Вскоре появились люди с крючковатым носом, которые стащили его с места. Он упал, как я и думал, в воду, потому что она, казалось, всплескивала над ним. Затем появился принц Сети, который взошел на трон, ведомый женщиной, спину которой я мог видеть только сзади. Я отчетливо увидел, что на нем двойная корона и в руке он держит скипетр. Он тоже растаял, и пришли другие, которых я не знал, хотя мне показалось, что один из них был похож на принцессу Таусерт.

Теперь все ушли, и я рассказывал Бакенхонсу обо всем, чему был свидетелем, как человек, который говорит во сне, а не по своей воле. Внезапно я проснулся и рассмеялся над собственной глупостью. Но двое других не рассмеялись; они смотрели на меня очень серьезно.

“Я думал, что ты в некотором роде провидец, - сказал старый священник, - или, скорее, Ки так думал. Я не могла до конца поверить Ки, потому что он сказал, что молодая особа, которую я должна найти здесь с принцем сегодня утром, будет той, кто любит его всем сердцем, а ведь

только женщина любит всем сердцем, не так ли? По крайней мере, так считает мир. Что ж, я поговорю об этом с Ки. Тише! Фараон идет”.

Пока он говорил, откуда—то издалека донесся крик:

“ Жизнь! Кровь! Сила! Фараон! Фараон! Фараон!

ГЛАВА IV. СУД ПО ОБРУЧЕНИЮ

“Жизнь! Кровь! Сила!” - эхом отозвались все в большом зале, падая на колени и припадая лбами к земле. Даже принц и престарелый Бакенхонсу пали ниц, словно перед присутствием бога. И действительно, фараон Менептах, проходивший через пятно солнечного света во главе зала, с двойной короной на голове, облаченный в царские одежды и украшения, выглядел ни много ни мало как бог, каким его считало множество народа Египта. Это был старик с лицом человека, измученного годами и заботами, но от его персоны, казалось, исходило величие.

С ним, отставая на шаг или два, шли Нехези, его визирь, сморщенный офицер с пергаментным лицом, чьи хитрые глаза бегали по залу, и Рой, Верховный жрец, и Хора, Распорядитель Стола, и Мерану, Мойщик царских рук, и Юй, личный писец, и многие другие, кого Бакенхонсу называл мне по мере их появления. Затем были веероносцы и великолепная группа лордов, которых называли Спутниками короля, и Главные Дворецкие, и я не знаю, кто еще, а за ними стражники с копьями и в шлемах, сиявших, как золото, и чернокожие воины из южной земли Кеш.

Но одна женщина сопровождала его величество, идя одна сразу за ним перед визирем и верховным жрецом. Это была королевская дочь, принцесса Таусерт, которая выглядела, как мне показалось, гордее и великолепнее всех присутствующих, хотя и несколько бледновата и встревожена.

Фараон подошел к ступеням трона. Визирь и верховный жрец выступили вперед, чтобы помочь ему подняться по ступеням, ибо он был слаб от старости. Он отмахнулся от них и, подозревая свою дочь, положил руку ей на плечо и с ее помощью взошел на трон. Я подумал, что в этом есть смысл; как будто он хотел показать всему собранию, что эта принцесса была опорой Египта.

Некоторое время он стоял неподвижно, а Таусерт села на самую верхнюю ступеньку, подперев подбородок рукой, украшенной драгоценностями. Он стоял, обшаривая помещение глазами. Он поднял свой скипетр, и все встали, сотни и сотни людей по всему залу, их одежды зашелестели, когда они поднялись, как листья на внезапном ветру. Он сел, и еще раз из всех глоток вырвалось царственное приветствие, которое принадлежало только королю, из...

“ Жизнь! Кровь! Сила! Фараон! Фараон! Фараон!

В наступившей тишине я услышал, как он сказал, кажется, принцессе:

- Я вижу Аменмеса и других наших родственников, но где мой сын Сети, принц Египта?

“ Без сомнения, наблюдает за нами из какого-нибудь вестибюля. Мой брат не любит церемоний,
- ответила Таусерт.

Затем, слегка вздохнув, Сети выступил вперед, за ним последовали Бакенхонсу и я, а на некотором расстоянии - другие члены его семьи. Когда он шел по длинному залу, все расступались в разные стороны, приветствуя его низкими поклонами. Подойдя к трону, он склонился так, что его колено коснулось земли, и сказал:

“Приветствую тебя, о царь и Отец”.

“ Приветствую тебя, о царевице и Сын. Садись, - ответил Менептах.

Сети сел в кресло, которое было приготовлено для него у подножия трона и справа от него, и в другое кресло слева, но поставленное дальше от ступеней, Аменмес тоже сел. По знаку принца я встал за его стулом.

Начались официальные заседания Суда. По знаку привратника люди всех мастей появлялись поодиночке и вручали прошения, написанные на свернутых папирусах, которые визирь Нехези брал и бросал в кожаный мешок, который держал открытым чернокожий раб. В некоторых случаях ответ на его прошение, содержание которого было лишь формальным вручением, возвращался просителю, который касался своего лба свитком, который, возможно, значил для него все, и с поклоном удалялся, чтобы узнать свою судьбу. Затем появились шейхи пустынных племен, и капитаны крепостей в Сирии, и торговцы, пострадавшие от врагов, и даже крестьяне, пострадавшие от насилия со стороны офицеров, каждый из которых вознес свою молитву. Все эти мольбы писцы записывали, а на некоторые визирь и советники давали ответы. Но фараон пока ничего не сказал. Там он молча восседал на своем великолепном троне из слоновой кости и золота, словно каменный бог над алтарем, глядя в длинный зал и через открытые двери, как будто хотел разгадать тайны небес за ними.

“ Я говорил тебе, что суды утомительны, друг Ана, ” прошептал мне принц, не поворачивая головы. - Разве ты уже не начинаешь жалеть, что не вернулся писать рассказы в Мемфис?

Прежде чем я успел ответить, какое-то движение в толпе в конце зала привлекло внимание принца и всех нас. Я оглянулся и увидел приближающегося к трону высокого бородатого мужчину, уже немолодого, хотя его черные волосы были лишь тронуты сединой. Он был одет в белую льняную мантию, поверх которой висел шерстяной плащ, какие носят пастухи, а в руке держал длинный посох из тернового дерева. Лицо его было великолепным и очень красивым, а черные глаза сверкали, как огонь. Он медленно шел вперед, не глядя ни влево, ни вправо, и толпа расступалась перед ним, как перед принцем. Действительно, я думал, что они боялись его больше, чем любого другого принца, поскольку шарахались от него, когда он появлялся. И он был не один, потому что за ним шел другой человек, который был очень похож на него, но, как я рассудил, еще старше, потому что его борода, свисавшая до пояса, была белоснежной, как и волосы на голове. Он также был одет в плащ из овчины и держал в руке посох. Теперь среди людей поднялся шепот, и этот шепот гласил:

“Пророки людей Израиля! Пророки людей Израиля!”

Эти двое стояли перед тронном и смотрели на фараона, не кланяясь. Фараон смотрел на них и молчал. Долгое время они стояли так посреди великой тишины, но фараон не произносил ни слова, и никто из его военачальников, казалось, не осмеливался открыть рот. Наконец первый из пророков заговорил ясным, холодным голосом, как это мог бы сделать какой-нибудь завоеватель.

- Ты знаешь меня, фараон, и мое поручение.

“ Я знаю тебя, - медленно ответил фараон, - насколько это возможно, учитывая, что мы играли вместе, когда были маленькими. Ты тот еврей, которого моя сестра, та, что спит в Осирисе, считала своим сыном, дав тебе имя, которое означает "извлеченный", потому что она извлекла тебя младенцем из тростниковых зарослей Нила. Да, я также знаю тебя и твоего брата, но о твоём поручении я не знаю.

“Это мое поручение, фараон, или, скорее, поручение Яхве, Бога Израиля, от имени которого я говорю. Разве ты не слышал этого раньше? Это значит, что ты должен отпустить его народ принести ему жертву в пустыне”.

“Кто такой Яхве? Я не знаю Яхве, который служит Амону и богам Египта, и почему я должен отпускать твой народ?”

“Яхве - Бог Израиля, великий Бог всех богов, чью силу ты узнаешь, если не послушаешь, фараон. Что же касается того, почему вы должны отпускать людей, спросите об этом принца, вашего сына, который сидит вон там. Спросите его о том, что он видел на улицах этого города прошлой ночью, и о некоем приговоре, который он вынес одному из приближенных фараона. Или, если он не скажет тебе, узнай это из уст девушки по имени Мерапи, Луны Израиля, дочери Нафана Левита. Выйди вперед, Мерапи, дочь Натана.

Затем из толпы в задней части зала выступила Мерапи, одетая в белое одеяние и с черной вуалью, наброшенной на голову в знак траура, но не для того, чтобы скрыть лицо. Она скользнула по залу и поклонилась фараону, при этом бросив один быстрый взгляд на Сети, где он сидел. Затем она остановилась, выглядя, как мне показалось, удивительно красивой в этом простом белом одеянии и черной вуали.

- Говори, женщина, - сказал фараон.

Она повиновалась, рассказав всю историю своим низким и медоточивым голосом, и никому, похоже, она не показалась длинной или утомительной. Наконец она закончила, и фараон сказал:

- Скажи, Сети, сын мой, это правда?

“Это истина, о мой Отец. В силу моих полномочий губернатора этого города я приказал казнить капитана Хуаку за преступление, совершенное им на моих глазах на улицах города”.

“Возможно, ты поступил правильно, а возможно, и неправильно, Сын Сети. По крайней мере, ты лучший судья, и из-за того, что он ударил твою королевскую особу, этот Хуака заслужил смерть.

Он снова немного помолчал, глядя через открытые двери на небо за ними. Затем он сказал:

Чего бы вы хотели еще, пророки Яхве? Правосудие свершилось над моим офицером, который убил человека из вашего народа. Жизнь была отнята за жизнь в соответствии со строгой буквой закона. Дело закончено. Если вам нечего сказать, проваливайте”.

“По повелению Господа, Бога нашего, “ ответил пророк, ” мы должны это сказать тебе, о фараон. Снимите тяжелое ярмо с шеи народа Израиля. Прикажите, чтобы они прекратили работу по изготовлению кирпичей для строительства ваших стен и городов”.

- А если я откажусь, что тогда?

“Тогда проклятие Яхве падет на тебя, фараон, и язвой за язвой поразит он эту землю Египет”.

Теперь внезапный гнев охватил Менептаха.

“Что?! - воскликнул он. “Неужели ты осмеливаешься угрожать мне в моем собственном дворце и хочешь заставить все множество народа Израиля, растолстевшего на земле, прекратить свои труды? Внимайте, слуги мои, и, писцы, запишите мой указ. Идите вы в страну Гесем и скажите израильтянам, что кирпичи, которые они сделали, они будут делать так же, как и прежде, и больше работы они будут выполнять, чем прежде, во времена моего отца Рамсеса. Только соломы им больше не давать для изготовления кирпичей. Поскольку они бездельничают, пусть сами выходят и собирают солому; пусть они собирают ее с лица полей”.

На некоторое время воцарилась тишина. Затем оба пророка заговорили в один голос, указывая своими жезлами на фараона:

“Именем Господа Бога мы проклинаем тебя, фараон, который скоро умрет и ответит за этот грех. Народ Египта мы также проклинаем. Разорение будет их уделом; смерть будет их хлебом, и кровь будут они пить в великой тьме. Более того, в конце концов фараон отпустит народ”.

Затем, не дожидаясь ответа, они повернулись и зашагали прочь бок о бок, и никто не помешал им идти. Снова в зале воцарилась тишина, тишина страха, ибо это были ужасные слова, сказанные пророками. Фараон понял это, потому что его подбородок опустил на грудь, а лицо, побагровевшее от ярости, побелело. Таусерт прикрыла глаза рукой, словно отгоняя какое-то дурное видение, и даже Сети, казалось, стало не по себе, как будто это ужасное проклятие поселилось в его сердце.

По мановению руки фараона визирь Нехези трижды ударил о землю своим служебным жезлом и указал на дверь, подавая таким образом обычный знак, что Суд окончен, после чего все люди повернулись и ушли, опустив головы, не говоря друг другу ни слова. Вскоре большой зал опустел, за исключением офицеров, стражи и тех, кто сопровождал фараона. Когда все ушли, принц Сети встал и склонился перед троном.

“О фараон, - сказал он, - будь добр выслушать меня. Мы слышали очень злые слова, сказанные этими еврейскими людьми, слова, которые угрожают твоей божественной жизни, о фараон, и призывают проклятие на Верхнюю и Нижнюю Землю. Фараон, эти люди Израиля считают, что они страдают от несправедливости и подвергаются угнетению. Теперь дай мне, твоему сыну, бумагу, заверенную твоей рукой и печатью, благодаря которой я буду иметь право отправиться в Землю Гесем и расследовать это дело, а затем сообщить тебе правду. Тогда, если вам кажется, что с народом Израиля обращаются несправедливо, вы можете облегчить их бремя и свести на нет проклятие их пророков. Но если тебе кажется, что сказки, которые они рассказывают, пустые, то твои слова останутся в силе”.

Теперь, слушая это, я, Ана, подумала, что фараон снова рассердится. Но это было не так, потому что, когда он заговорил снова, это был голос человека, раздавленного горем или усталостью.

“Будь по-твоему, сынок”, - сказал он. “Только возьми с собой большую охрану из солдат, чтобы эти крючконосые собаки не причинили тебе вреда. Я не доверяю им, которые, подобно гиксосам, чья кровь течет во многих из них, всегда были врагами Египта. Разве они не

сговорились с девятилучевыми варварами, которых я сокрушил в великой битве, и разве теперь они не угрожают нам от имени своего запредельного бога? Тем не менее, пусть письмо будет подготовлено, и я запечатаю его. И оставайся. Я думаю, Сети, что у тебя, который всегда был добродушным, слишком мягкое сердце по отношению к этим рабам-пастухам. Поэтому я не отправлю тебя одного. Аменмес, твой двоюродный брат, отправится с тобой, но под твоим командованием. Так сказано.

“ Жизнь! Кровь! Сила! - воскликнули Сети и Аменмес, признавая таким образом приказ царя.

Теперь я думал, что все кончено. Но это было не так, ибо вскоре фараон сказал:

“ Пусть стражники отойдут в конец зала, а с ними и слуги. Пусть останутся королевские советники и придворные.

Все немедленно отдали честь и удалились за пределы слышимости. Я тоже собрался уходить, но принц сказал мне:

- Останься, чтобы иметь возможность следить за тем, что происходит.

Фараон, наблюдая, видел, не услышал ли он.

- Кто этот человек, сынок? - спросил он.

“ Это Ана, мой личный писец и библиотекарь, о фараон, которому я доверяю. Именно он спас меня от беды прошлой ночью.

“ Скажи это ты, Сынок. Позволь ему оставаться при тебе, зная, что если он предаст наш совет, то умрет.

Таусерт подняла глаза, нахмурившись, как будто собиралась заговорить. Если так, то она передумала и промолчала, возможно, потому, что однажды сказанное слово фараона изменить было невозможно. Бакенхонсу оставался также советником короля в соответствии со своим правом.

Когда все ушли, фараон, пребывавший в задумчивости, поднял голову и заговорил медленно, но голосом человека, выносимого суждение, которое не подлежит сомнению, сказав:

“Принц Сети, ты мой единственный сын, рожденный от царицы Аст-Неферт, царственной Сестры, царственной Матери, которая спит на лоне Осириса. Это правда, что ты не мой первенец, поскольку граф Рамессу, — тут он указал на полного мужчину с мягким лицом приятной, довольно глуповатой внешности, — старше тебя на два года. Но, как он хорошо знает, его мать, которая все еще с нами, сирийка по происхождению и не царской крови, и поэтому он никогда не сможет сесть на трон Египта. Разве это не так, сын мой Рамессу?”

“Это так, о фараон, - ответил граф приятным голосом, - и я никогда не стремился воссесть на этот трон, поскольку вполне доволен должностями и богатством, которыми фараону было угодно наградить меня, своего первенца”.

“Пусть слова графа Рамессу будут записаны, - сказал фараон, - и помещены в храме Птаха в этом городе, а также в храмах Птаха в Мемфисе и Амона в Фивах, чтобы впредь они никогда не подвергались сомнению”.

Присутствовавшие при этом писцы записали эти слова, и по знаку принца Сети я тоже записал их, положив папирус, который был у меня с собой, на колено. Когда с этим было покончено, фараон продолжил.

“Следовательно, о принц Сети, ты наследник Египта и, возможно, как говорили еврейские пророки, вскоре будешь призван занять мое место на его троне”.

“Пусть король живет вечно!” - воскликнул Сети, - “ибо он хорошо знает, что я не ищу его короны и почестей”.

“Я действительно хорошо знаю это, сын мой; настолько хорошо, что хотел бы, чтобы ты больше думал об этой короне и тех достоинствах, которые, если богам будет угодно, должны достаться тебе. Если они этого не захотят, следующим в порядке наследования будет твой кузен, граф Аменмес, который также имеет королевскую кровь как по отцовской, так и по материнской линии, а после него я не знаю, кто, если только это не моя дочь и твоя сводная сестра, царственная принцесса Таусерт, владычица Египта”.

Теперь заговорила Таусерт, очень серьезно, сказав:

“О фараон, несомненно, мое право наследования, согласно древнему прецеденту, предшествует праву моего двоюродного брата, графа Аменмеса”.

Аменмес собирался ответить, но фараон поднял руку, и он замолчал.

“Это дело тех, кто сведущ в подобных знаниях, которые следует обсуждать”, - ответил Менептах несколько неуверенным голосом. “Я молю богов, чтобы никогда не возникло необходимости рассматривать этот важный вопрос на Совете. Тем не менее, пусть слова королевской принцессы будут записаны. Итак, принц Сети, - продолжил он, когда с этим было покончено, - ты все еще не женат, и если у тебя есть дети, то они не королевской крови.

- У меня их нет, о фараон, - ответил Сети.

“Неужели это так?” - равнодушно ответил Менептах. - Я знаю, что у графа Аменмеса есть дети, потому что я их видел, но от его жены Унури, которая тоже принадлежит к королевской линии, у него нет ни одного.

Тут я услышал, как Аменмес пробормотал: “В том, что ты моя тетя, нет ничего странного”, - и Сети улыбнулся.

“Моя дочь, принцесса, тоже не замужем. Так что, похоже, фонтан королевской крови иссякает...”

“Теперь это приближается”, - прошептал Сети себе под нос так, чтобы слышал только я.

“Поэтому, - продолжал фараон, - как ты знаешь, принц Сети, поскольку царственная принцесса Египта по моему приказу отправилась поговорить с тобой по этому поводу прошлой ночью, я издаю указ...”

“Прости, о фараон, - прервал его принц, - моя сестра не говорила мне вчера вечером ни о каком указе, кроме того, что я должен присутствовать при здешнем дворе сегодня”.

- Потому что я не могла, Сети, видя, что рядом с тобой был другой человек, которого ты отказался уволить, - и она остановила свой взгляд на мне.

“Это не имеет значения, ” сказал фараон, - поскольку теперь я произнесу это своими собственными устами, что, возможно, лучше. Такова моя воля, принц, чтобы ты немедленно женился на королевской принцессе Таусерт, чтобы могли родиться дети истинной крови Рамессидов. Слушай и повинуйся.

Теперь Таусерт перевела взгляд с меня на Сети, очень внимательно наблюдая за ним. Сидя рядом с ним на земле с моим свитком для записей, разложенным на коленях, я тоже внимательно наблюдал за ним и заметил, что его губы побелели, а лицо стало неподвижным и странным.

“Я слышу приказ фараона”, - сказал он тихим голосом, делая поклон, и заколебался.

- Ты хочешь что-нибудь добавить? - резко спросил Менептах.

“Только то, о фараон, что, хотя этот брак будет заключен по государственным соображениям, все же есть женщина, которую нужно выдать замуж, и это моя сводная сестра, которая до сих пор любила меня только как родственника. Поэтому я хотел бы узнать из ее уст, есть ли у нее воля взять меня в мужа”.

Теперь все посмотрели на Таусерт, которая ответила холодным голосом:

- В этом вопросе, принц, как и во всех других, у меня нет иной воли, кроме воли фараона.

“Ты слышал, ” нетерпеливо перебил Менептах, “и поскольку в нашем Доме всегда было принято, чтобы родственники женились на родственницах, почему бы ей не исполнить свою волю? Кроме того, за кого еще ей выйти замуж? Аменмесес уже женат. Остается только Саптах, его брат, который моложе ее...”

“Я тоже, - пробормотал Сети, - на два долгих года”, но, к счастью, Таусерт его не услышала.

- Нет, отец мой, - решительно заявила она, - я никогда не возьму в мужа уродливого мужчину.

Теперь из тени с дальней стороны трона, где я не мог его видеть, выступил, прихрамывая, молодой аристократ, невысокого роста, светловолосый, как Сети, и с острым, умным лицом, которое напомнило мне лицо шакала (действительно, по этой причине простые люди называли его Тотом, в честь бога с головой шакала). Он был очень зол, потому что его щеки покраснелись, а маленькие глазки сверкали.

“Должен ли я слушать, фараон, - сказал он тихим голосом, - как моя двоюродная сестра, Царственная принцесса, публично упрекает меня в том, что я хромаю на ногу, потому что моя кормилица уронила меня, когда я был еще на руках?”

“Тогда его няня тоже уронила его дедушку, потому что он тоже был косолап, и я, видевший его голым в колыбели, могу засвидетельствовать”, - прошептал старый Бакенхонсу.

“Похоже на то, граф Саптах, если только ты не заткнешь уши”, - ответил фараон.

“Она говорит, что не выйдет за меня замуж, - продолжал Саптах, - за меня, который с детства был рабом только у нее и ни у какой другой женщины”.

“Не по моему желанию, Саптах. На самом деле, я молю тебя пойти и стать рабом любой женщины, которую ты пожелаешь”, - воскликнула Таусерт.

“Но я говорю, - продолжал Саптах, - что однажды она выйдет за меня замуж, ибо принц Сети не будет жить вечно”.

“Откуда ты это знаешь, кузен?” - спросил Сети. “Здесьшний Верховный жрец расскажет тебе другую историю”.

Теперь некоторые из присутствующих отвернули головы, чтобы скрыть улыбку на своих лицах. И все же в этот день какой-то бог заговорил голосом Сапты, сделав его пророком, поскольку через год она действительно вышла за него замуж, чтобы остаться на троне в трудные времена, когда Египет не потерпит единоличного правления женщины на земле.

Но фараон не улыбался, как придворные; на самом деле он рассердился.

“Успокойся, Саптах!” - сказал он. “Кто ты такой, что пререкаешься передо мной, говоришь о смерти королей и заявляешь, что женишься на Королевской принцессе?” Еще одно такое слово, и ты будешь изгнан. Слушай сейчас. Я почти готов объявить свою дочь, Королевскую принцессу, единственной наследницей трона, видя, что в ней больше силы и мудрости, чем в ком-либо другом из нашего Дома”.

“Если такова воля фараона, пусть исполнится воля фараона”, - смиренно сказал Сети. - Что ж, я знаю, что недостойн занимать столь высокое положение, и всеми богами клянусь, что моя любимая сестра не найдет более верного подданного, чем я.

“ Ты хочешь сказать, Сети, - перебила Таусерт, - что вместо того, чтобы выйти за меня замуж, ты отказался бы от своего права на двойную корону. Поистине, для меня это честь. Сети, правишь ли ты или я, я не выйду за тебя замуж”.

“ Что это за слова, которые я слышу? ” воскликнул Менептах. “Действительно ли есть кто-нибудь в этой земле Египетской, кто осмелится сказать, что указ фараона будет нарушен? Запишите это, Писцы, а вы, о Военачальники, пусть будет провозглашено от Фив до моря, что на третий день, начиная с этого момента, ровно в полдень в храме Хатхор в этом городе Принц, Царский Наследник Сети Менептах, Возлюбленный Ра, женится на Царственной принцессе Египта, Лилии Любви, Возлюбленной Хатхор, Таусерт, Дочери меня, бога”.

“ Жизнь! Кровь! Сила! - кричали все Придворные.

Затем, ведомый каким-то высшим офицером, принц Сети предстал перед тронном, а принцесса Таусерт была поставлена рядом с ним, или, скорее, лицом к нему. По древнему обычаю принесли большую золотую чашу и наполнили ее красным вином, мне оно показалось похожим на кровь. Таусерт взяла чашу и, опустившись на колени, подала ее принцу, который выпил и вернул ей, чтобы она тоже могла выпить в торжественный знак их помолвки. Разве эта сцена не выгравирована на широких золотых браслетах, которые в последующие дни носил Сети, восседая на троне, - тех самых браслетах, которые в будущем я собственными руками надел на запястья мертвой Таусерт?

Затем он протянул руку, которой она коснулась губами, и, наклонившись, поцеловал ее в лоб. Наконец, фараон, спустившись на нижнюю ступеньку трона, возложил свой скипетр сначала на голову Принца, а затем на голову Принцессы, благословляя их обоих от своего имени, от своего Ка, или Двойника, и от духов и Кас всех их предков, царей и цариц Египта, таким образом назначая их следовать за ним, когда он будет взят в лоно богов.

Покончив с этим, он торжественно отбыл, окруженный своим двором, впереди и за ним следовали его охранники, опираясь на руку принцессы Таусерт, которую он любил больше всех на свете.

Некоторое время спустя я стоял наедине с принцем в его личных покоях, где я впервые увидел его.

- С этим покончено, ” сказал он веселым голосом, “ и я говорю тебе, Ана, что я чувствую себя очень, очень счастливым. Вы когда-нибудь дрожали зимним утром на берегу реки, боясь войти в нее, и все же, когда вы все-таки вошли, разве вам не было приятно обнаружить, что ледяная вода освежила вас и вам стало не холодно, а жарко?”

“ Да, принц. Когда человек выходит из воды, если дует ветер и не светит солнце, он чувствует себя еще холоднее, чем раньше”.

“ Верно, Ана, и поэтому никто не должен выходить. Человек должен оставаться там, пока не утонет или не будет съеден крокодилом. Но, скажи, хорошо ли я это сделал?”

“ Старый Бакенхонсу сказал мне, принц, что он присутствовал на многих королевских помолвках, кажется, он сказал, на одиннадцати, и никогда не видел, чтобы хоть одна проводилась с таким изяществом. Он добавил, что то, как вы поцеловали в лоб ее высочество, было безупречно, как и все ваше поведение после первой ссоры”.

И так бы все и оставалось, Ана, если бы от меня не требовалось ничего большего, чем поцеловать ее в лоб, к чему я привык с детства. О! Ана, Ана, - добавил он с криком, - ты уже становишься придворной, как и все остальные, придворной, которая не может говорить правду. Что ж, я тоже не могу, так почему я должен винить тебя? Расскажи мне еще раз все о твоём браке, Ана, о том, как это началось и чем закончилось.

ГЛАВА V. ПРОРОЧЕСТВО

Видел ли принц Сети Таусерт еще раз до того, как они поженились, я не могу сказать, потому что он никогда мне об этом не говорил. Действительно, я не присутствовал на бракосочетании по той причине, что мне было предоставлено разрешение вернуться в Мемфис, чтобы уладить там свои дела и продать свой дом после вступления в должность личного писца его Высочества. Так получилось, что с момента проведения Суда по обручению прошло целых четырнадцать дней, прежде чем я обнаружил, что снова стою у ворот княжеского дворца в сопровождении слуги, который вел осла, на котором были навьючены все мои рукописи и некоторые пожитки, перешедшие ко мне от моих предков вместе с документами на право собственности на их могилы. Действительно, по-другому был встречен мой второй приход. Не успел я подняться по ступенькам, как появился старый камергер Памбаса, сбежавший по ступенькам так быстро, что его белые одежды и борода развевались в воздухе.

“Приветствую тебя, самый ученый писец, самая уважаемая Ана”, - задыхаясь, произнес он.

“ Я действительно рад видеть вас, поскольку каждый час его высочество спрашивает, вернулись ли вы, и обвиняет меня в том, что вы не пришли. Поистине, я верю, что если бы ты

задержался на дороге еще на день, меня послали бы искать тебя, а мне наговорили резких слов за то, что я не договорился о том, чтобы тебя сопровождала охрана, как будто визирь Нехези оплатил бы расходы на охрану без прямого приказа фараона. О превосходнейшая Ана, дай мне заклинание, которым ты, несомненно, пользовалась, чтобы завоевать любовь нашего царственного повелителя, и я хорошо заплачу тебе за это, тому, кому легче навлечь на себя его гнев”.

“ Я так и сделаю, Памбаса. Вот оно — напиши истории получше, чем я, вместо того, чтобы рассказывать их, и он полюбит тебя больше, чем меня. Но скажите, как прошла свадьба? По дороге я слышал, что она была великолепна.

“ Великолепно! О! это было в десять раз больше, чем просто великолепно. Это было так, как если бы бог Осирис снова сочетался браком с богиней Исидой в самых небесных чертогах. Действительно, его Высочество, жених, был одет как бог, да, на нем были одежды и священные украшения Амона. И процессия! И пир, который устроил фараон! Я говорю вам, что принц был так переполнен радостью и всей этой тяжестью славы, что, прежде чем все закончилось, взглянув на него, я увидел, что его глаза были закрыты, ослепленные блеском золота и драгоценностей и красотой его царственной невесты. Он сказал мне, что так было и с ним самим, возможно, опасаясь, как бы я не подумал, что он спит. Затем были подарки, что-нибудь каждому из нас в соответствии с его степенью. Я понял — ну, это не имеет значения. И, знающая Ана, я не забыл тебя. Прекрасно зная, что к твоему возвращению все будет кончено, я произнес твое имя на ухо его высочеству, предлагая сохранить твой подарок.

- В самом деле, Памбаса, и что же он сказал?

“ Он сказал, что хранит его сам. Когда я уставился, гадая, что бы это могло быть, поскольку я ничего не видел на нем, он добавил: ‘Это здесь’, - и коснулся личной печати стража, которую он всегда носил, древнего золотого кольца, но, я бы сказал, не очень ценного, с вырезанной на нем надписью "Возлюбленный Тота и Короля". Похоже, он должен снять его, чтобы освободить место для другого, гораздо более красивого кольца, которое подарила ему ее высочество.

К этому времени, когда рабы разгрузили осла и увели его, мы прошли через зал, где, как всегда, многие бездельничали, и оказались в личных покоях дворца.

“ Сюда, ” сказал Памбаса. “ Мне приказано отвести вас к принцу, где бы он ни находился, и как раз сейчас он сидит в больших покоях с ее Высочеством, где они принимали почести и делегации из дальних городов. Последний ушел около получаса назад.

- Сначала я подготовлюсь, достойный Памбаса, - начал я.

“ Нет, нет, приказы отданы незамедлительно, я не смею их ослушаться. Входите”, - и изысканным жестом задернул богатую портьеру.

“Клянусь Амоном”, - раздался усталый голос, в котором я узнал голос принца, - “сюда идут еще советники или жрецы. Готовься, сестра моя, готовься!”

“Я молю тебя, Сети, ” ответил другой голос, принадлежащий Таусерт, “ научись называть меня моим настоящим именем, которое больше не сестра. Как, впрочем, и я тебе не родная сестра.

“Я прошу у тебя прощения”, - сказал Сети. “Готовься, царственная супруга, готовься!”

К этому времени занавеска была полностью задернута, и я стоял в дверях, запачканный дорожными пятнами, одинокий и, по правде говоря, слегка дрожащий, потому что боялся ее Высочества, не решаясь переступить порог. За дверью была великолепная комната, полная света, в центре которой на резном золотом стуле, одном из двух, стоявших там, восседала ее Высочество в великолепном наряде, безупречно красивая и спокойная. Она была занята изучением раскрашенного свитка, без сомнения, оставленного последней депутацией, поскольку другие, похожие на него, были аккуратно разложены рядышком на столе.

Второе кресло пустовало, потому что принц беспокойно расхаживал взад и вперед по комнате, его церемониальная мантия была несколько растрепана, а золотой обруч урея, который он носил, сдвинут на затылок из-за его привычки проводить пальцами по каштановым волосам. Пока я все еще стоял в темной тени, поскольку Памбаса покинул меня, и поэтому оставался невидимым, разговор продолжался.

“ Я готова, муж мой. Прости меня, это ты выглядишь иначе. Зачем тебе понадобилось увольнять писцов и домочадцев до окончания церемонии?

“Потому что они утомили меня, - сказал Сети, - своими постоянными поклонами, восхвалениями и формальностями”.

“ В которых я не увидел ничего необычного. Теперь их нужно отозвать.

“Пусть войдет тот, кто это был”, - воскликнул он.

Затем я шагнул вперед, на свет, и простерся ниц.

“ Ого! ” воскликнул он. “ Это Ана вернулась из Мемфиса! Приблизься, Ана, и тысяча приветствий тебе. Знаешь, я думал, что ты еще один верховный жрец или правитель какого-нибудь Нома, о котором я никогда не слышал.

“Ана! Кто такая Ана?” - спросила принцесса. “О! Я помню этого писца...” Что ж, совершенно очевидно, что он вернулся из Мемфиса, - и она посмотрела на мою запыленную одежду.

- О царица, ” смущенно пробормотал я, - не вини меня за то, что я вхожу в твое присутствие таким образом. Памбаса привел меня сюда против моей воли по прямому приказу принца.

“ Так ли это? Скажи, Сети, этот человек привез из Мемфиса такие важные вести, что тебе понадобилось его присутствие в такой спешке?

“ Да, Таусерт, по крайней мере, я так думаю. Записи в безопасности, не так ли, Ана?

“В полной безопасности, ваше высочество”, - ответил я, хотя не знал, о каких произведениях он говорил, если только это не были рукописи моих рассказов.

- Тогда, мой господин, я оставлю вас и расскажу о новостях из Мемфиса и об этих записях, - сказала принцесса.

“ Да, да. Мы должны поговорить о них, Таусерт. А также о путешествии в страну Гесем, в которое Ана отправляется со мной завтра.

“ Завтра! Почему сегодня утром ты сказал мне, что все решено на три дня вперед.

- А я, сестра— я имею в виду Жена? Если так, то это потому, что я не был уверен, вернется ли Ана, которая будет моей спутницей в колеснице”.

“ Писцом, твоим спутником в колеснице! Конечно, было бы более уместно, если бы твой кузен Аменмесес...

“ Сидеть с Аменмесесом! ” воскликнул он. - Ты хорошо знаешь, Таусерт, что этот человек ненавистен мне своими хитрыми, но пустыми разговорами.

“ Воистину! Мне горько это слышать, потому что, когда ты ненавидишь, ты это показываешь, а Аменмес может быть плохим врагом. Тогда, если не наш двоюродный брат Аменмес, который мне не ненавистен, то есть Саптах.

- Благодарю вас, я не собираюсь путешествовать в клетке с шакалом.

“ Шакал! Я не люблю Саптаха, но представитель королевской крови Египта - шакал! Затем есть визирь Нехези или командир эскорта, чье имя я забыл.

- Ты думаешь, Таусерт, что я хочу говорить об экономике государства с этим старым денежным мешком или слушать хвастовство подвигами, которых он никогда не совершал на войне, от полукровки нубийца-мясника?

“Я не знаю, муженек. И все же, о чем ты будешь говорить с этой Аной? О стихах, я полагаю, и глупостях. Или, возможно, это будет Мерапи, Луна Израиля, которую, как я понимаю, вы оба считаете такой красивой. Что ж, будь по-вашему. Ты говоришь мне, что я не должна сопровождать тебя в этом путешествии, я, твоя новоиспеченная жена, и теперь я обнаруживаю, что это потому, что ты хочешь, чтобы мое место занял писатель сказок, которого ты подцепил на днях, — твой "близнец в Ра", несомненно! Прощайте, милорд, - и она поднялась со своего места, обеими руками подбирая мантию.

Тогда Сети разозлился.

“Таусерт, ” сказал он, топая по полу, “ тебе не следует употреблять такие слова. Ты хорошо знаешь, что я не беру тебя с собой, потому что там, среди евреев, может быть опасность. Более того, это не желание фараона.

Она повернулась и ответила с холодной вежливостью:

Тогда я прошу у вас прощения и благодарю вас за вашу добрую мысль о моей безопасности. Я не знал, что эта миссия настолько опасна. Будь осторожен, Сети, чтобы писцу Ане не причинили вреда.

С этими словами она поклонилась и исчезла за занавесками.

“Ана, - сказал Сети, - скажи мне, поскольку я никогда не умел быстро считать, сколько минут осталось с сегодняшнего дня до четвертого часа завтрашнего утра, когда я прикажу приготовить мою колесницу?” Кроме того, знаете ли вы, возможно ли проехать из Гесема через болота и вернуться через Сирию? Или, если это не удастся, отправиться через пустыню в Фивы и весной поплыть вниз по Нилу?”

“О! мой принц, мой принц, - сказала я, - прошу вас уволить меня. Позвольте мне уйти куда угодно, подальше от языка ее высочества.

“Странно, Ана, насколько одинаково мы думаем обо всем, даже о Мерапи и о языках придворных дам. Слушай мой приказ. Ты не должна уходить. Если речь идет об уходе, есть другие, которые уйдут первыми. Более того, ты не можешь уйти, но должен остаться и нести свое бремя, как я несу свое. Помни о разбитой чашке, Ана.

- Я помню, мой принц, но скорее готов подвергнуться порке розгами, чем такими словами, к которым я должен прислушаться.

Однако в ту самую ночь, когда я покинула принца, мне было суждено услышать еще больше приятных слов от той же переменчивой или, возможно, политической особы королевской крови. Она послала за мной, и я пошел, сильно напуганный. Я нашел ее в маленькой комнате одну, если не считать одной пожилой почтенной дамы, которая сидела в конце комнаты и казалась глухой, возможно, поэтому ее и выбрали. Таусерт очень вежливо пригласила меня сесть перед ней и заговорила со мной таким образом, то ли из-за какого-то разговора, который у нее состоялся с принцем, то ли нет, я не знаю.

“Писец Ана, я прошу у тебя прощения, если, будучи раздосадованным и уставшим, я сказал тебе и о тебе сегодня то, что теперь жалею, что не сказал. Я хорошо знаю, что в тебе течет благородная египетская кровь, и ты никому не расскажешь о том, что услышал за этими стенами.

“Пусть сначала мне отрежут язык”, - ответил я.

“Похоже, Писец Ана, что мой господин принц очень полюбил тебя. Как и почему это произошло так внезапно, ведь вы мужчина, я не понимаю, но я уверена, что раз так, то это должно быть потому, что в вас есть много такого, что стоит любить, поскольку я никогда не видела, чтобы принц проявлял глубокое уважение к тому, кто не был самым благородным и достойным. Теперь, когда все обстоит так, очевидно, что вы станете фавориткой его высочества, человека, который не меняет своего мнения в таких вопросах, и что он поделится с вами всеми своими тайными мыслями, возможно, теми, которые он скрывает от государственных советников или даже от меня. Короче говоря, ты станешь могущественным человеком в стране и, возможно, однажды станешь величайшим в ней — после фараона, — хотя ты все еще можешь казаться всего лишь частным писцом.

“Я не стану притворяться перед вами, что хотела бы, чтобы это было так, я, которая предпочла бы, чтобы у моего мужа был только один настоящий советник — я. И все же, видя, что это так, я склоняю голову, надеясь, что все обернется к лучшему. Если когда-нибудь какая-нибудь ревность одолеет меня в этом вопросе и я буду говорить с вами резко, как я сделал сегодня, я заранее прошу у вас прощения за то, чего не произошло, как я просил его за то, что произошло. Я молюсь о тебе, Писец Ана, чтобы ты сделал все возможное, чтобы повлиять на разум принца во благо, поскольку он легко идет на поводу у любого, кого любит. Я молюсь также, чтобы вы, будучи быстрыми и вдумчивыми, как я вижу, изучили государственное управление и политику нашего королевского Дома, приходя ко мне, если это будет необходимо, за наставлениями в этом, чтобы вы могли правильно направлять принца, если он обратится к вам за советом”.

“ Все это я сделаю, ваше высочество, если это будет в моих силах, хотя кто я такой, чтобы надеяться проложить тропу для ног королей? Более того, я бы добавила вот что: хотя у него такой мягкий характер, я думаю, что в конце концов принц - это тот, кто всегда выбирает свой собственный путь ”.

“ Может быть, и так, Ана. По крайней мере, я благодарю тебя. Я молю вас также быть уверенными, что во мне вы всегда будете иметь друга, а не врага, хотя временами быстрота моего характера, который никогда не поддавался контролю, может заставить вас думать иначе. Теперь я скажу еще одну вещь, которая останется между нами в секрете. Я знаю, что принц любит меня скорее как друга и родственницу, чем как жену, и что он сам не стал бы добиваться этого брака, что, возможно, естественно. Я также знаю, что в его жизни появятся другие женщины, хотя их может быть меньше, чем у большинства королей, потому что ему труднее угодить. На это я не могу жаловаться, поскольку это соответствует обычаям нашей страны. Я боюсь только одного, а именно, что какая—нибудь женщина, перестав быть его игрушкой, может завладеть сердцем Сети и сделать его полностью своим. В этом вопросе, Писец Ана, как и в других, я прошу твоей помощи, поскольку я хотела бы быть царицей Египта во всех отношениях, а не только номинально”.

“ Ваше высочество, как я могу сказать принцу: "Ты будешь любить ту или иную женщину так сильно, и не больше"? Более того, почему ты боишься того, чего нет и, возможно, никогда не будет?”

“Я не знаю, как ты можешь говорить такие вещи, Писец, и все же я прошу тебя сказать это, если сможешь. Что касается причины, по которой я боюсь, так это потому, что мне кажется, я чувствую близкую тень какой-то женщины, лежащую на мне холодно и возводящую черную стену между его Высочеством и мной.

- Это всего лишь сон, принцесса.

“ Возможно. Я надеюсь на это. И все же я думаю иначе. О! Ана, неужели ты, изучающая сердца мужчин и женщин, не можешь понять мой случай? Я вышла замуж там, где никогда не смогу надеяться быть любимой, как другие женщины, я, которая жена, и в то же время не жена. Я прочитала твою мысль; она такова— почему тогда ты вышла замуж? Поскольку я так много вам рассказал, я скажу вам и это. Во-первых, это потому, что принц отличается от других мужчин и по-своему выше их, да, намного выше любого, с кем я могла бы сочетаться браком как наследница египетского царя. Во-вторых, потому что, будучи отрезанным от любви, что мне остается, кроме амбиций? По крайней мере, я была бы великой царицей, какой была Хатшепу в свое время, и вытащила бы свою страну из множества бед, в которые она ввергнута, и вписала бы свое имя в книги истории, что я могла бы сделать, только взяв в мужа наследника фараона, как это мой долг ”.

Она немного поразмыслила, затем добавила: “Теперь я высказала тебе все свои мысли. Мудро ли я поступила, поступив так, знают одни боги, и время покажет мне”.

“Принцесса, ” сказал я, “ я благодарю вас за доверие ко мне и помогу вам, если смогу. И все же я обеспокоен. Я, скромный человек, хотя и хорошей крови, который совсем недавно был всего лишь писцом и студентом, мечтателем, познавшим и неприятности, внезапно, по воле случая или какого-то божественного указа, был высоко поднят в глазах наследника Египта и, кажется,

даже завоевал ваше доверие. Теперь я задаюсь вопросом, как мне вести себя в этом новом месте, которое, по правде говоря, я никогда не искал”.

“Я не знаю людей, которые находят настоящее и его проблемы достаточными, чтобы нести их. Но, несомненно, в указе, о котором вы говорите, который отправил вас туда, также записано, чем все закончится. Между тем, у меня есть для вас подарок. Скажи, Писец, ты когда-нибудь держал в руках какое-нибудь оружие, кроме пера?

“Да, ваше высочество, в детстве я был искусен во владении мечом. Более того, хотя я не люблю войну и кровопролитие, несколько лет назад я участвовал в великой битве между Девятилучевыми варварами, когда фараон призвал молодых людей Мемфиса внести свой вклад. Своими собственными руками я убил двоих в честном бою, хотя один едва не довел меня до конца, ” и я указал на шрам, который краснел сквозь мои седые волосы, там, где глубоко вонзилось копье.

“Хорошо, по крайней мере, я так думаю, что те, кто любит солдат больше, чем красильщиков сердцевин папируса”.

Затем, подойдя к раскрашенному сундуку из тростника, она достала из него чудесную кольчугу, сделанную из бронзовых колец, и короткий меч, тоже бронзовый, с золотой рукоятью, конец которой имел форму головы льва, и собственноручно подарила их мне, сказав:

“ Это трофеи, которые мой дед, великий Рамсес, взял в юности у принца Кхиты, которого он собственными руками сразил в Сирии в той битве, о которой твой дед написал поэму. Надень рубашку, которую не пробьет ни одно копье, под своей одеждой и опоясись мечом, когда пойдешь туда, к израильтянам, которым я не доверяю. Я подарил такой же плащ принцу. Пусть вашим долгом будет следить за тем, чтобы он был при его священной особе днем и ночью. Пусть твоим долгом также будет, если возникнет необходимость, защищать его этим мечом до смерти. Прощай.

“Пусть все боги отвергнут меня с Полей Благословенных, если я не оправдаю этого доверия”, - ответил я и, удивленный, отправился на поиски сна, которого, как оказалось, мне не суждено было найти некоторое время.

Ибо, когда я шел по коридору в сопровождении одной из придворных дам, которую я должен был найти ожидающей в конце коридора, но старая Памбаса со множеством поклонов сообщила мне, что принц нуждается в моем присутствии. Я спросил, как это могло случиться, учитывая, что он отпустил меня на ночь. Он ответил, что не знает, но ему было приказано проводить меня в личные покои, в ту самую комнату, в которой я впервые увидел его Высочество. Я пошел туда и нашел его греющимся у огня, потому что ночь была холодная. Подняв глаза, он велел Памбасе впустить тех, кто ждал, затем, заметив кольчугу и меч, который я держал в руке, сказал:

“ Вы были с принцессой, не так ли, и ей, должно быть, было что вам сказать, потому что ваша беседа была долгой? Что ж, думаю, я могу догадаться, кто с детства знал ее мысли. Она просила тебя внимательно следить за моим телом, сердцем и всем, что исходит от сердца — о! и за многим другим. Также она дала тебе это сирийское снаряжение для ношения среди евреев, как дала подобное мне, будучи человеком осторожного ума, который все предвидит. А теперь послушай, Ана; мне жаль отрывать тебя от отдыха, ты, должно быть, устала и от разговоров, и от

путешествия. Но старый Бакенхонсу, которого вы знаете, ждет снаружи, и с ним Ки, великий волшебник, которого, я думаю, вы не видели. Он человек замечательных знаний и в некотором смысле не совсем человек. По крайней мере, он совершает странные магические подвиги, и временами и прошлое, и будущее, кажется, открыты его взору, хотя, поскольку мы не знаем ни того, ни другого, кто может сказать, действительно ли он их читает. Несомненно, у него есть или думает, что есть, какое-то послание ко мне с небес, которое, я подумал, вы, возможно, захотите услышать.

- Я очень желаю этого, принц, если я буду достоин, и ты защитишь меня от гнева этого волшебника, которого я боюсь.

“ Гнев иногда превращается в доверие, Ана. Разве ты только что не обнаружила, что в случае с ее Высочеством это именно так, как я тебе говорил, вполне может случиться? Тише! Они приближаются. Садитесь и приготовьте свои таблички, чтобы записать то, что они говорят”.

Занавеси были задернуты, и из-за них вышел пожилой Бакенхонсу, опирающийся на свой посох, и с ним еще один мужчина, сам Ки, одетый в белое одеяние и с выбритой головой, ибо он был потомственным жрецом Амона Фиванского и посвященным Исиды, Матери Мистерий. Также его должность была должностью Херхеба, или главного мага Египта. На первый взгляд в этом человеке не было ничего странного. Действительно, по внешности он вполне мог бы сойти за торговца средних лет; телом он был невысок и коренаст; лицом толст и улыбчив. Но на этом веселом лице выделялись два очень странных глаза, скорее серого, чем черного оттенка. В то время как остальная часть лица, казалось, улыбалась, эти глаза смотрели прямо в никуда, как у статуи. Действительно, они были похожи на глаза или, скорее, на глазные впадины каменной статуи, настолько глубоко они были посажены на голове. Со своей стороны, я могу только сказать, что считал их ужасными и по их виду заключил, что каким бы Ки ни был, он не был мошенником.

Эта странная пара поклонилась принцу и уселась по его знаку: Бакенхонсу на табурет, потому что ему было трудно подняться, а Ки, который был моложе, сел на землю.

- Что я тебе говорил, Бакенхонсу? - спросил Ки полным, сочным голосом, закончив слова странным смешком.

“Ты сказал мне, Волшебник, что мы должны найти принца в этой комнате, которую ты описал мне во всех деталях, такой, какой я вижу ее сейчас, хотя ни один из нас не входил в нее раньше. Ты сказал также, что там, на земле, будет сидеть писец Ана, которого я знаю, а ты нет, с восковыми табличками в руках и пером, а при нем необычная кольчуга и меч с львиной рукоятью.

“ Это странно, ” перебил принц, “ но, простите меня, Бакенхонсу видит подобные вещи. Если бы ты, О Ки, рассказала нам, что написано на табличках Аны, которые никто из вас не может видеть, это было бы еще более странно, если бы там что-нибудь было написано.

Ки улыбнулся и уставился в потолок. Через некоторое время он сказал:

“Писец Ана использует собственную стенографию, которую нелегко расшифровать. И все же я вижу написанную на табличках цену, которую он получил за какой—то дом в городе, название которого не называется, - это так много. Также я вижу суммы, которые он потратил на себя, слугу

и корм для осла в двух гостиницах, где он останавливался по пути. Это так много, так много. Также есть список свитков папируса и слова "синий плащ", а затем стирание.

- Это правда, Ана? - спросил принц.

"Совершенно верно, - ответил я с благоговением, - только слова "синий плащ", которые я действительно написал на табличке, тоже были стерты".

Ки усмехнулся и перевел взгляд с потолка на мое лицо.

"Не желает ли ваше высочество, чтобы я рассказал вам что-нибудь о том, что написано на табличках памяти этого писца, а также на восковых табличках, которые он держит в руке? Их легче расшифровать, чем другие, и я вижу на них много интересного. Например, тайные слова, которые, кажется, были сказаны ему кем-то Великим в течение часа, вопросы высокой политики, я думаю. Например, я думаю, что у вашего высочества есть одно высказывание о дрожи у кромки воды в холодный день, которая при входе в воду вызывает жар, и ответ на него. Например, слова, которые были произнесены в этом дворце, когда разбили алебастровую чашу. Кстати, Писец, ты выбрал очень удачное место, чтобы спрятать половинку чашки на ложном дне сундука в твоей комнате, сундука, который завязан шнуром и запечатан скарабеем времен второго Рамзеса. Я думаю, что вторая половина чаши несколько ближе, - и, повернувшись, он уставился на стену, где я не мог разглядеть ничего, кроме плит из алебаstra.

Теперь я сидел с открытым ртом, ибо откуда этот человек мог знать все это, а принц откровенно рассмеялся, сказав:

"Ана, я начинаю думать, что ты плохо держишь язык за зубами. По крайней мере, я бы так думал, если бы у тебя не было времени рассказать, что, возможно, сказала тебе вон та принцесса, и вряд ли ты знаешь, как устроена раздвижная панель в этой стене, которую я тебе никогда не показывал.

Ки снова хихикнул, и на широком морщинистом лице старого Бакенхонсу появилась улыбка.

"О принц, - начал я, - клянусь тебе, что никогда ни одно слово не слетало с моих уст..."

"Я знаю это, друг, " вмешался принц, - но, похоже, есть такие, кто не ждет слов, а может читать Книгу Мыслей. Поэтому нехорошо встречаться с ними слишком часто, поскольку у всех есть мысли, которые должны быть известны только им и Богу. Маг, какое у тебя ко мне дело? Говори так, как будто мы одни.

"Вот что, принц. Ты отправляешься в путешествие среди евреев, как все слышали. Теперь, Бакенхонсу и я, также два провидца из моего Колледжа, видя, что мы все любим вас и что ваше благополучие очень важно для Египта, отдельно спросили о будущем в отношении цели этого путешествия. Хотя то, что мы узнали, отличается в некоторых вопросах, в других оно одинаковое. Поэтому мы сочли своим долгом рассказать вам о том, что мы узнали".

- Продолжай, Керхеб.

- Значит, во-первых, жизнь вашего высочества будет в опасности.

"Жизнь всегда в опасности, Ки. Я потеряю ее? Если да, не бойся сказать мне.

“Мы не знаем, но думаем, что нет, из-за остального, что нам открыто. Мы узнаем, что в опасности будет не только ваше тело. В этом путешествии ты встретишь женщину, которую полюбишь. Мы думаем, что эта женщина принесет тебе много горя, а также много радости”.

“Тогда, возможно, путешествие стоит того, чтобы его совершить, Ки, поскольку многие проделывают долгий путь, прежде чем найдут то, что смогут полюбить. Скажи мне, встречал ли я эту женщину?”

— Вот тут—то мы и встревожены, принц, ибо может показаться - если только мы не обманываемся, - что вы встречались с ней часто-часто; что вы знаете ее тысячи лет, как тысячи лет вы знаете этого человека рядом с вами.

Лицо Сети стало очень заинтересованным.

“Что ты имеешь в виду, Волшебник?” спросил он, пристально глядя на него. “Как я, все еще молодой, могу знать женщину и мужчину тысячи лет?”

Ки посмотрел на него своими странными глазами и ответил:

“У тебя много титулов, принц. Разве один из них не ‘Повелитель перерождений’, и если да, то как вы его получили и что это значит?”

“Да. Что это значит, я не знаю, но оно было дано мне из-за какого-то сна, который приснился моей матери в ночь перед моим рождением. Ты расскажешь мне что это значит, раз уж ты, похоже, так много знаешь.”

“Я не могу, принц. Секрет не в том, что мне показали. И все же был один пожилой человек, такой же волшебник, как и я, у которого я многому научился в юности — Бакенхонсу хорошо знал его, — который изучил этот вопрос. Он сказал мне, что уверен, потому что ему было открыто, что люди не живут только один раз, а потом уходят отсюда навсегда. Он сказал, что они живут много раз и во многих формах, хотя и не всегда в этом мире, и что между каждой жизнью стоит стена тьмы”.

“Если так, то какая польза от жизней, о которых мы не помним после того, как смерть захлопнула дверь за каждой из них?”

- Возможно, наконец, двери снова откроются, принц, и покажут нам все покои, по которым наши ноги бродили с самого начала.

“Наша религия учит нас, Ки, что после смерти мы вечно живем где-то в наших собственных телах, которые мы снова обретаем в день воскресения. Теперь вечность, не имеющая конца, не может иметь и начала; это круг. Следовательно, если верно одно, а именно то, что мы продолжаем жить, то, по-видимому, верно и другое, а именно то, что мы жили всегда”.

“Это хорошо аргументировано, принц. В первые дни, до того, как жрецы заморозили мысль человека в каменных блоках и построили из них святилища тысяч богов, многие считали, что это рассуждение верно, как тогда они считали, что есть только один бог”.

“Как и эти израильтяне, которых я навещаю. Что ты скажешь об их божестве, Ки?”

- Что *он* такой же, как наши боги, принц. В глазах людей у Бога много лиц, и каждый клянется, что тот, кого он видит, - единственный истинный бог. И все же они ошибаются, ибо все истинны”.

“Или, возможно, ложь, Ки, если только даже ложь не является частью правды. Что ж, ты рассказал мне о двух опасностях, одна для моего тела, другая для моего сердца. Открылась ли твоей мудрости какая-нибудь другая?”

“ Да, принц. В-третьих, это путешествие может в конечном итоге стоить тебе трона.

- Если я умру, это наверняка будет стоить мне трона.

- Нет, принц, если ты останешься в живых.

“ Тем не менее, Ки, я думаю, что мог бы вынести жизнь, сидя более смиренно, чем на троне, хотя сможет ли ее Высочество вынести это - другой вопрос. Значит, ты говоришь, что если я отправлюсь в это путешествие, то вместо меня фараоном будет другой”.

“ Мы так не говорим, принц. Это правда, что наше искусство показало нам другого, занявшего твое место во времена волшебства и чудес и гибели тысяч людей. И все же, когда мы смотрим снова, мы видим не того, другого, а тебя, снова занимающего твое собственное место ”.

Тут я, Ана, вспомнила о своем видении в зале фараона.

“Дело обстоит даже хуже, чем я думал, Ки, поскольку, однажды оставив корону, я думаю, что у меня не возникнет желания носить ее больше”, - сказал Сети. “Кто показывает тебе все эти вещи и как?”

- Наши *Ка*, которые являются нашими тайными "я", показывают их нам, принц, и разными способами. Иногда это сны или видения, иногда рисунки на воде, иногда письма на песке пустыни. Всеми этими и другими способами наши *Ка*, черпающие из бесконечного источника мудрости, который скрыт в существе каждого человека, дают нам проблески истины, поскольку они дают нам, обученным, силу творить чудеса”.

“ Об истине. Значит, все, что ты мне рассказываешь, правда?

- Мы верим в это, принц.

“ Значит, должна произойти правда. Так какой смысл тебе предостерегать меня от того, что должно произойти? Двух истин быть не может. Что ты хочешь, чтобы я сделал? Не отправиться в это путешествие? Почему ты сказал мне, что я не должен ехать, ведь если бы я не поехал, правда стала бы ложью, чего не может быть? Ты говоришь, что мне суждено уйти, и потому что я уйду, произойдут такие-то и такие-то вещи. И все же ты говоришь мне не уходить, потому что именно это ты имеешь в виду. О! Керхеб Ки и Бакенхонсу, несомненно, вы великие маги и сильны мудростью, но есть более могущественные, чем вы, те, кто правит миром, и есть мудрость, по сравнению с которой ваша - всего лишь капля воды в Ниле. Я благодарю вас за ваши предупреждения, но завтра я отправляюсь в землю Гесем, чтобы выполнить приказ фараона. Если я вернусь снова, мы еще поговорим об этих вопросах здесь, на земле. Если я не вернусь, возможно, мы поговорим о них в другом месте. Прощайте.

ГЛАВА VI.

ЗЕМЛЯ ГЕСЕМ

Принц Сети и вся его свита, очень многочисленное войско, благополучно добрались до земли Гесем, и я, Ана, ехал с ним в его колеснице. Тогда, как и сейчас, это была богатая земля, довольно плоская после последней линии пустынных холмов, через которые мы проезжали по узкой, извилистой тропинке. Повсюду он был орошен каналами, между которыми лежали хлебные поля, где только что были посеяны семена. Были и другие поля зеленого корма, на которых сотнями были привязаны животные, а за ними, на более сухой почве, паслись отары овец. Город Гошен, если его можно так назвать, был всего лишь бедным местом, состоящим из множества глинобитных хижин, не более, в центре которого стояло здание, тоже глинобитное, с двумя кирпичными колоннами перед ним, которое, как нам сказали, было храмом этого народа, во внутренние помещения которого никто не мог входить, кроме их Верховного жреца. Я рассмеялся при виде этого, но принц упрекнул меня, сказав, что я не должен судить о духе по телу или о боге по его дому.

Мы разбили лагерь за пределами этого города и вскоре узнали, что людей, живущих в нем или где-либо еще в других городах, должно быть, около десяти тысяч, потому что больше, чем я мог сосчитать, бродило вокруг лагеря, чтобы посмотреть на нас. У мужчин были свирепые глаза и крючковатые носы; молодые женщины хорошо сложены и приятны на вид; женщины постарше по большей части были полноваты и несколько неповоротливы, а дети очень красивы. Все они были грубо одеты в одежды из свободной ткани темного цвета, под которыми на женщинах были одежды из белого льна. Несмотря на богатство, которое мы видели вокруг в виде кукурузы и крупного рогатого скота, их украшений, казалось, было мало, или, возможно, они были скрыты от нашего взора.

Было легко видеть, что они ненавидели нас, египтян, и даже осмеливались презирать. Ненависть светила в их сверкающих глазах, и я слышал, как они называли нас друг перед другом "идолопоклонниками" и спрашивали, где наш бог, Бык, ибо, будучи невежественными, они думали, что мы поклоняемся Апису (как, возможно, делают некоторые простые люди), вместо того чтобы смотреть на священное животное как на символ сил Природы. На самом деле они сделали больше, ибо в первую ночь после нашего прихода они зарезали быка, помеченного так же, как Апис, и утром мы нашли его лежащим у ворот лагеря, а к его шкуре острыми шипами было приколото множество еще живых жуков-скарабеев. Ибо, опять же, они не знали, что у нас, египтян, этот жук - не бог, а эмблема Творца, потому что он катает шарик грязи между своими лапками и откладывает в нем яйца для вылупления, подобно тому как Творец катает мир, который кажется круглым, и заставляет его производить жизнь.

Теперь все были разгневаны этими оскорблениями, кроме принца, который рассмеялся и сказал, что шутка показалась ему грубой, но умной. Но должно было случиться и худшее. Похоже, что солдат, в котором было много вина, оскорбил еврейскую девушку, которая пришла одна набрать воды в канал. Новость распространилась среди людей, и несколько тысяч из них бросились в лагерь, крича и требуя мести в такой угрожающей манере, что пришлось формировать гвардейские полки.

Вызванный принц приказал впустить девушку и ее родственников и изложить их дело. Она пришла, плача и причитая, разрывая на себе одежду, посыпая голову пылью, хотя оказалось,

что солдат, от которого она убежала, не причинил ей большого вреда. Принц попросил ее указать на этого мужчину, если она сможет его увидеть, и она показала нам одного из телохранителей графа Аменмеса, чье лицо было исцарапано, как будто женскими ногтями. На допросе он сказал, что мало что помнит об этом деле, но признался, что видел девушку у канала при восходе луны и шутил с ней.

Родственники этой девушки требовали, чтобы его убили, потому что он нанес оскорбление высокородной даме Израиля. На это Сети отказался, заявив, что преступление не влечет за собой смертной казни, но что он прикажет публично избить его. Вслед за этим Аменмес, который любил солдата, достаточно хорошего человека, когда не был пьян, вскочил в ярости, заявив, что нельзя трогать ни одного его слугу, потому что он предложил приласкать какую-то легкомысленную израильтянку, которой не пристало бродить одной по ночам. Он добавил, что если этого человека выпорют, то он и все, кто находится под его командованием, покинут лагерь и отправятся обратно с докладом к фараону.

Теперь принц, посоветовавшись с советниками, сказал женщине и ее родственникам, что, поскольку к фараону обратились, он должен рассудить этот вопрос, и приказал им явиться к его двору в течение месяца и изложить свое дело против солдата. Они ушли очень недовольные, сказав, что Аменмес оскорбил их дочь еще сильнее, чем это сделал его слуга. Кончилось это дело тем, что на следующую ночь этот солдат был обнаружен мертвым, пронзенным насквозь ударами ножа. Девочку, ее родителей и братьев найти не удалось, так как они убежали в пустыню, и не было никаких свидетельств, указывающих на то, кем был убит солдат. Поэтому в бизнесе ничего нельзя было сделать, кроме как похоронить жертву.

На следующее утро Дознание началось с подходящих церемоний: принц Сети и граф Аменмес заняли свои места во главе большого павильона, члены совета расположились позади них, а писцы, среди которых был и я, сели у их ног. Затем мы узнали, что двух пророков, которых я видел при дворе фараона, не было в земле Гесем, поскольку они ушли до нашего прибытия “принести жертву Богу в пустыне”, и никто не знал, когда они вернутся. Однако появились другие старейшины и священники и начали излагать свое дело, что они делали очень подробно и яростно и сбивчиво, часто говоря все сразу, что затрудняло переводчикам передачу их слов, поскольку они делали вид, что не знают египетского языка.

Более того, они рассказали свою историю с самого начала, когда сотни лет назад прибыли в Египет и получили помощь от визиря фараона того времени, некоего Юсуфа, могущественного и умного человека их расы, который запасал зерно во времена голода и низкого уровня Нила. Этот фараон был из народа гиксосов, одним из царей-пастухов, которых мы, египтяне, ненавидели и после многих войн изгнали из Хема. При этих царях-пастухах, к которым присоединилось много их соплеменников, израильтяне разбогатели и стали могущественными, так что фараоны, пришедшие после них и не любившие их, начали бояться их.

На этом история закончилась в первый день.

На второй день начался рассказ об их угнетении, под которым, однако, они все еще размножались, как мошки на Ниле, и стали такими сильными и многочисленными, что в конце концов великий Рамсес совершил злой поступок, приказав предать смерти их детей мужского пола. Этот приказ так и не был выполнен, потому что его дочь, та, что нашла Моисея среди камышей у реки, умоляла за них.

В этот момент принц, утомленный шумом и жарой в этом многолюдном месте, прервал заседание до завтра. Приказав мне сопровождать его, он приказал приготовить колесницу, не его собственную, и, хотя я умолял его не делать этого, отправился в путь без охраны, кроме меня и возничего, сказав, что он собственными глазами увидит, как трудятся эти люди.

Взяв в качестве проводника мальчика-еврея, который бежал впереди лошадей, мы поехали на берег канала, где израильтяне делали кирпичи из глины, которые после высыхания на солнце грузили в лодки, которые ждали их на канале, и увозили в другие части Египта для использования на работах фараона. Тысячи людей были задействованы в этой работе, работая группами под командованием египетских надсмотрщиков, которые вели подсчет кирпичей, записывая их количество на счетных палочках или иногда на черепках. Эти надсмотрщики были жестокими людьми, по большей части из низшего класса, которые обращались к рабам с мерзкими выражениями. Они не довольствовались и словами. Заметив толпу, собравшуюся в одном месте, и услышав крики, мы пошли посмотреть, что происходит. Здесь мы нашли парня, распростертого на земле, которого жестоко избивали кожаными кнутами, так что по нему текла кровь. По знаку принца я спросил, что он сделал, и мне грубо ответили, поскольку надсмотрщики и их охрана не знали, кто мы такие, что за последние шесть дней он изготовил только половину отведенного ему количества кирпичей.

- Освободи его, - тихо сказал принц.

“Кто ты такой, что отдаешь мне приказы?” - спросил главный надсмотрщик, который помогал удерживать парня, пока стражники пороли его. - Убирайся, чтобы я не служил тебе так, как служу этому бездельнику.

Сети посмотрел на него, и при этом взгляде его губы побелели.

“Скажи ему”, - обратился он ко мне.

“ Ты собака! - Ахнул я. - Ты знаешь, с кем ты смеешь так разговаривать? - спросил я

“ Нет, и не волнуйся. Лежи, охраняй.

Принц, чьи одежды были скрыты под плащом с широкими рукавами из обычной ткани и пошива, распахнул плащ, обнажив под ним наперсницу, которую он носил при Дворе, красивую золотую вещицу, на которой черной и красной эмалью были выгравированы его королевские имена и титулы. Также он поднял свою правую руку, на которой была печатка фараона, которую он носил как своего уполномоченного. Мужчины уставились на него, затем один из них, более образованный, чем остальные, воскликнул:

“ Клянусь богами! это его Высочество принц Египта! - при этих словах все они пали ниц.

- Встань, - сказал Сети парню, который смотрел на него, забыв о боли в изумлении, - и скажи мне, почему ты не рассказал мне свою историю о кирпичах.

“ Сэр, ” всхлипнул мальчик на плохом египетском, “ по двум причинам. Во-первых, потому, что я калека, понимаете, ” и он поднял свою левую руку, иссохшую и тонкую, как у мумии, “ и поэтому не могу работать быстро. Во-вторых, потому что моя мать, чьим единственным ребенком я являюсь, овдовела и лежит больная в постели, так что в нашем доме нет женщин или детей, которые могли бы выйти собирать для меня солому, как повелел нам фараон. Поэтому я должен

тратить много часов на поиски соломы, поскольку у меня нет средств, чтобы заплатить другим, чтобы они сделали это за меня”.

“Ана, ” сказал принц, “запиши имя этого юноши и место его жительства, и, если его рассказ окажется правдой, позаботься о том, чтобы его нужды и нужды его матери были удовлетворены до того, как мы покинем Гесем. Запишите также имена этого надсмотрщика и его товарищей и прикажите им явиться в мой лагерь завтра на рассвете, когда будет рассмотрено их дело. Скажи также юноше, что фараон, как человек, пораженный богами, освобождает его от изготовления кирпичей и всех других государственных работ”.

Пока я делал все это, надсмотрщик и его товарищи бились головами о землю и молили о пощаде, будучи такими же трусами, какими всегда бывают жестокие. Его высочество не ответил им ни слова, а только посмотрел на них холодными глазами, и я заметил, что его лицо, которое было таким добрым, стало ужасным. Так думали и те люди, ибо в ту ночь они убежали в Сирию, оставив свои семьи и все свое имущество, и больше их никогда не видели в Египте.

Когда я закончил писать, принц повернулся и, подойдя к тому месту, где ждала колесница, велел вознице перейти канал по мосту, который был здесь. Некоторое время мы ехали молча, следуя по тропинке, которая пролегла между возделанной землей и пустыней. Наконец я указал на заходящее солнце и спросил, не пора ли возвращаться.

“Почему?” - спросил принц. “Солнце умирает, но восходит полная луна, чтобы дать нам свет, и чего нам бояться, когда у нас на поясе мечи, а под одеждами кольчуги ее Высочества Таусерт? О! Ана, я устал от людей с их жестокостью, криками и борьбой, и я нахожу эту пустыню местом отдыха, потому что в ней я, кажется, становлюсь ближе к своей собственной душе и Небесам, откуда она пришла, по крайней мере, я так надеюсь”.

“Вашему высочеству повезло, что у него есть душа, к которой он стремится приблизиться; это не так со всеми нами”. Я ответил, смеясь, потому что стремился изменить ход его мыслей, спровоцировав спор того рода, который он любил.

Однако как раз в этот момент лошади, которые были не из лучших, остановились на склоне с тяжелым песком. Сети также не позволил водителю выпороть их, но приказал ему дать им немного отдохнуть. Пока они это делали, мы спустились с колесницы и пошли вверх по пустынному склону, он опирался на мою руку. Достигнув вершины, мы услышали рыдания и тихий голос, говоривший с другой стороны. Кто это говорил и рыдал, мы не могли разглядеть из-за ряда кустов тамариска, которые когда-то были забором.

“Больше жестокости или, по крайней мере, больше горя”, - прошептал Сети. “Давайте посмотрим”.

Итак, мы подкрались к тамарискам и, заглянув сквозь их пушистые верхушки, увидели очень милое зрелище в чистых лучах пустынной луны. Там, менее чем в пяти шагах от меня, стояла женщина, одетая в белое, молодая и стройная. Ее лица мы не могли видеть, потому что оно было отвернуто от нас, к тому же его скрывали длинные темные волосы, струившиеся по ее плечам. Она молилась вслух, говоря то на иврите, о котором мы оба кое-что знали, то по-египетски, как это делает человек, привыкший думать на обоих языках, и время от времени останавливаясь, чтобы всхлипнуть.

“О Бог моего народа, - сказала она, - пошли мне помощь и верни меня в целости домой, чтобы Твое дитя не осталось одно в пустыне и не стало добычей диких зверей или людей, которые хуже зверей”.

Затем она зарыдала, опустилась на колени на большую вязанку, которая, как я понял, была жнивией соломой, и снова начала молиться. На этот раз это было по-египетски, как будто она боялась, что иврит может быть подслушан и понят.

“О Боже, - сказала она, - о Боже моих отцов, помоги моему бедному сердцу, помоги моему бедному сердцу!”

Мы уже собирались удалиться или, вернее, спросить ее, что у нее болит, как вдруг она повернула голову, так что свет упал прямо ей на лицо. Это было так прекрасно, что у меня перехватило дыхание, а Принц, стоявший рядом со мной, вздрогнул. Действительно, это было более чем прекрасно, ибо, как лампа сияет сквозь алебастровую вазу или жемчужную раковину, так и дух внутри этой женщины сиял сквозь ее заплаканное лицо, делая его таинственным, как ночь. Тогда я поняла, возможно, впервые, что именно дух придает истинную красоту как девушке, так и мужчине, а не плоть. Белая ваза из алебастра, какой бы формы она ни была, все равно остается вазой; это скрытый внутри светильник, который придает ей блеск звезды. И эти глаза, эти большие, мечтательные глаза, полные слез и цвета роскошнейшего лазурита, о! какой мужчина мог бы смотреть на них и не волноваться?

“ Мерапи! - Прошептал я.

- Луна Израиля! - прошептал Сети. - наполненная луной, прекрасная, как луна, таинственная, как луна, и поклоняющаяся луне, своей матери.

“Она в беде, давайте поможем ей”, - сказал я.

- Нет, подожди немного, Ана, потому что никогда больше мы с тобой не увидим такого зрелища, как это.

Мы говорили вполголоса, и я думаю, леди услышала нас. По крайней мере, ее лицо изменилось и стало испуганным. Она поспешно встала, подняла большую охапку соломы, на которой стояла на коленях, и положила ее себе на голову. Она пробежала несколько шагов, затем споткнулась и упала с тихим стоном боли. В одно мгновение мы оказались рядом с ней. Она испуганно уставилась на нас, потому что не могла разглядеть, кто мы такие, из-за широких капюшонов наших обычных плащей, которые делали нас похожими на ночных воров или бедуинов-работорговцев.

“ О! Господа, - пролепетала она, - не причиняйте мне вреда. У меня нет с собой ничего ценного, кроме этого амулета.

“Кто ты и что ты здесь делаешь?” - спросил принц, изменив голос.

- Господа, я Мерапи, дочь Натана Левита, того, кого проклятый египетский военачальник Хуака убил в Танисе.

“Как ты смеешь называть египтян проклятыми?” - спросил Сети грубым тоном, чтобы скрыть смех.

“О! Господа, потому что они ... я имею в виду, потому что я думал, что вы арабы, которые ненавидят их, как и мы. По крайней мере, этот египтянин был проклят, потому что верховный принц Сети, наследник фараона, приказал обезглавить его за это преступление.

- И ты ненавидишь верховного принца Сети, наследника фараона, и называешь его проклятым?

Она поколебалась, затем с сомнением в голосе произнесла:

- Нет, я не испытываю к нему ненависти.

- Почему бы и нет, учитывая, что ты ненавидишь египтян, среди которых он один из первых и, следовательно, вдвойне достоин ненависти, будучи сыном твоего притеснителя, фараона?

“ Потому что, хотя я и старался изо всех сил, у меня не получается. Кроме того, - добавила она с радостью человека, нашедшего вескую причину, - он отомстил за моего отца.

“ Это не повод, девочка, поскольку он сделал только то, к чему его принудил закон. Говорят, что этот пес сына фараона находится здесь, в Гесеме, с какой-то миссией. Это правда, и вы видели его? Отвечай, ибо мы, жители пустыни, желаем знать.

- Я верю, что это правда, сэр, но я его не видел.

- Почему бы и нет, если он здесь?

“ Потому что я не желаю этого, сэр. Почему дочь Израиля должна желать видеть лицо принца Египта?

“По правде говоря, я не знаю”, - ответил Сети, забыв о своем притворном голосе. Затем, заметив, что она пристально посмотрела на него, он добавил грубым тоном:

“Брат, либо эта женщина лжет, либо она не кто иная, как девушка, которую они называют Мун Исраэль, которая живет со старым Иависом Левитом, своим дядей. Что ты думаешь?”

“Я думаю, брат, что она лжет, и по трем причинам”, - ответил я, переходя к шутке. - Во-первых, она слишком белокурая, чтобы быть чернокожей еврейкой.

“О! Господин, - простонала Мерапи, - моя мать была горной сирийкой, с кожей белой, как молоко, и глазами голубыми, как небеса.

- Во-вторых, - продолжал я, не обращая на нее внимания, “ если великий принц Сети действительно находится в Гесеме и она живет там, то неестественно, что она не пошла посмотреть на него. Будучи женщиной, только две вещи удержали бы ее на расстоянии: первая — то, что она боялась и ненавидела его, что она отрицает, и вторая — то, что он ей слишком нравился, и, будучи благоразумной, она сочла разумнее не смотреть на него больше ”.

Услышав первое из этих слов, Мерапи подняла голову, приоткрыв губы, как будто собираясь ответить. Вместо этого она опустила глаза и внезапно, казалось, поперхнулась, в то время как даже в лунном свете я увидел, как красная кровь прилила к ее лбу и белым рукам.

“ Сэр, ” выдохнула она, - зачем вам оскорблять меня? Клянусь, что никогда до этого момента я не думала ничего подобного. Конечно, это было бы государственной изменой.

- Без сомнения, - перебил Сети, - но из тех, кого короли могли бы простить.

- В-третьих, - продолжал я, как будто не слышал ни того, ни другого, “ если бы эта девушка была той, за кого себя выдает, она не бродила бы ночью одна по пустыне, учитывая, что я слышал от арабов, что Мерапи, дочь левита Нафана, - женщина незаурядной крови среди евреев и что ее семья богата. И все же, сколько бы она ни лгала, мы сами видим, что она прекрасна”.

- Да, брат, в этом нам повезло, поскольку, без сомнения, ее продадут за высокую цену работорговцам за пределами пустыни.

“О! Господин, ” воскликнула Мерапи, хватая его за подол одежды, “ конечно, ты, в ком я чувствую, сама не знаю почему, что ты не злой вор, ты, у кого есть мать и, возможно, сестры, не обрек бы девушку на такую участь. Не судите обо мне превратно, потому что я одинок. Фараон приказал, чтобы мы нашли солому для изготовления кирпичей. Этим утром я проделал долгий путь, чтобы найти ее по поручению соседа, жена которого больна при родах. Но ближе к закату я поскользнулся и порезался об острый камень. Смотрите, - и, подняв ногу, она показала рану под подъемом, из которой все еще капала кровь, зрелище, которое немало взволновало нас обоих, - и теперь я не могу ходить и нести эту тяжелую солому, которую я с таким трудом собирала”.

“ Может быть, она говорит правду, брат“ ” сказал принц, - и если мы отвезем ее домой, то сможем получить немалую награду от Левита Иависа. Но сначала скажи мне, Девушка, что это была за молитва, которую ты вознесла луне, чтобы Хатхор помогла твоему сердцу?

“Господин, - ответила она, - только египтяне-идолопоклонники молятся Хатхор, Госпоже Любви”.

“ Я думал, что весь мир молится Госпоже Любви, Дева. Но что насчет молитвы? Есть ли какой-нибудь мужчина, которого ты желаешь?

- Никаких, - сердито ответила она.

“Тогда почему твоему сердцу так нужна помощь, что ты просишь ее у воздуха? Может быть, есть кто-то, кого ты *не* желаешь?”

Она опустила голову и ничего не ответила.

“Пойдем, брат, - сказал принц, “ эта леди устала от нас, и я думаю, что если бы она была настоящей женщиной, то с большей готовностью ответила бы на наши вопросы. Давайте уйдем и оставим ее. Поскольку она не может ходить, мы можем забрать ее позже, если захотим.

“ Господа, - сказала она, - я рада, что вы уезжаете, поскольку гиены будут более безопасной компанией, чем двое мужчин, которые могут угрожать продать беспомощную женщину в рабство. И все же, поскольку мы расстаемся, чтобы больше не встречаться, я отвечу на твой вопрос. В молитве, которую ты не постыдился слушать, я не молилась ни о каком любовнике, я молилась о том, чтобы избавиться от одного”.

- А теперь, Ана, - сказал принц, заливаясь смехом и откидывая назад свой темный плащ, - узнаешь ли ты имя того несчастного человека, от которого госпожа Мерапи желает избавиться, ибо я не смею.

Она посмотрела ему в лицо и тихонько вскрикнула.

“Ах!” воскликнула она. - Я думала, что снова узнаю этот голос, когда ты забываешь свою роль. Принц Сети, неужели ваше высочество думает, что это была добрая шутка - попрактиковаться в одиночестве и страхе?

“Госпожа Мерапи,” ответил он с улыбкой, “ не сердитесь, потому что, по крайней мере, это было хорошо, и вы не рассказали нам ничего такого, чего бы мы не знали. Возможно, ты помнишь, что в Танисе ты сказал, что обручен, и это было слышно в твоём голосе. Позволь мне теперь обработать твою рану.

Затем он опустил на колени, оторвал полоску от своего церемониального одеяния из тонкого льна и начал перевязывать ей ногу, довольно умело, будучи человеком, полным странных и неожиданных знаний. Пока он работал над этой задачей, наблюдая за ними, я увидел, как их взгляды встретились, увидел также, как густой румянец снова прилил ко лбу Мерапи. Тогда я начал думать, что неприлично, чтобы принц Египта приставал пиявкой к ранам женщины, и удивляться, почему он не оставил эту скромную задачу мне.

Вскоре перевязка была закончена и закреплена королевским скарабеем на золотой булавке, которую принц носил в своей одежде. На нем была вырезана корона урея, а под ней были знаки с надписью “Владыка Нижней и Верхней Земли”, что соответствовало стилю и титулу фараона.

“Смотри теперь, госпожа, - сказал он, - у тебя под ногами Египет”, и когда она спросила его, что он имеет в виду, он прочитал ей надпись на драгоценном камне, отчего она в третий раз покраснела до глаз. Затем он поднял ее, велел опереться на его плечо, сказав, что боится, как бы скарабей, которым он дорожил, не сломался.

Так мы и двинулись в путь, я нес вязанку соломы позади, как он мне велел, поскольку, по его словам, собранная с таким трудом, она не должна пропасть. Добравшись до колесницы, где мы обнаружили, что проводник ушел, а возница спит, он усадил ее в нее на свой плащ и завернул в мой, который позаимствовал, сказав, что мне это не понадобится, так как я должен нести солому. Затем он тоже сел в седло, и они уехали шагом. Пока я шел за колесницей с соломой, упавшей мне на уши, я ничего не слышал из их дальнейшего разговора, если они вообще разговаривали, чего, учитывая присутствие возницы, они, возможно, и не слышали. И, по правде говоря, я не слушал тех, кто был занят мыслями о тяжелой участи этих бедных евреев, которые должны собирать эту грязь и нести ее так далеко, какой бы тяжелой она ни была из-за глины, налипшей на корни.

Так случилось, что даже сейчас мы добрались до Гошена не без дальнейших неприятностей. Как только мы перешли мост через канал, я, тащившийся позади, увидел в ясном лунном свете молодого человека, бегущего к нам. Это был еврей, высокий, хорошо сложенный и по-своему очень красивый. Глаза у него были темные и свирепые, нос крючковатый, зубы правильные и белые, а длинные черные волосы массой ниспадали на плечи. В руке он держал деревянный посох, а за поясом у него был обнаженный нож. Увидев колесницу, он остановился и взглянул на нее, затем спросил на иврите, видели ли те, кто путешествовал, что-нибудь о пропавшей молодой израильтянке.

“Если ты ищешь меня, Лаван, я здесь”, - ответила Мерапи, выступая из тени плаща.

- Что ты делаешь там наедине с египтянкой, Мерапи? - свирепо спросил он.

Что последовало за этим, я не знаю, потому что они так быстро заговорили на своем незнакомом языке, что я не мог их понять. Наконец Мерапи повернулась к принцу и сказала:

“Господин, это Лаван, мой нареченный, который приказывает мне сойти с колесницы и сопровождать его, насколько это в моих силах”.

“ И я, госпожа, приказываю тебе оставаться в нем. Лаван, твой суженый, может сопровождать нас.

Теперь Лаван разозлился, как я мог видеть, он был склонен к этому, и протянул руку, как бы для того, чтобы оттолкнуть Сети в сторону и схватить Мерапи.

- Будь осторожен, человек, - сказал принц, в то время как я, отбросив солому, выхватил меч и бросился между ними, крича:

- Рабыня, хочешь ли ты поднять руки на принца Египта?

- Принц Египта! - воскликнул он, удивленно отшатнувшись, затем угрюмо добавил: - Ну и что делает принц Египта с моей невестой?

- Он помогает той, кто пострадал, вернуться домой, найдя ее беспомощной в пустыне с этой проклятой соломой, - ответил я.

- Вперед, возница, - сказал принц, и Мерапи добавила: - Успокойся, Лаван, и поддержи соломинку, которую спутник его Высочества так утомительно нес.

Он мгновение поколебался, затем схватил сверток и водрузил себе на голову.

Пока мы шли бок о бок, его злобный нрав, казалось, брал верх. Не переставая, он ворчал, потому что Мерапи была в колеснице наедине с египтянином. Наконец я больше не мог этого выносить.

“ Помолчи, парень, ” сказал я. - Меньше всего на свете ты должен жаловаться на то, что делает его высочество, учитывая, что он уже отомстил за убийство отца этой леди, а теперь спас ее от того, чтобы она не пролежала всю ночь среди диких зверей и людей в пустыне.

“ О первом я слышал более чем достаточно, ” ответил он, - и о втором, несомненно, тоже услышу более чем достаточно. С тех пор как моя невеста встретила этого принца, она смотрела на меня другими глазами и говорила со мной другим голосом. Да, и когда я настаиваю на браке, она говорит, что это не займет много времени, потому что она оплакивает своего отца; своего отца, которого она так и не простила, потому что он обручил ее со мной по обычаю нашего народа ”.

“ Может быть, она любит какого-нибудь другого мужчину? - Спросил я, желая узнать об этой даме все, что только можно.

“ Она никого не любит, по крайней мере, не любила некоторое время назад. Она любит только себя.

“Обладательница такой красоты может высоко выглядеть в браке”.

“Высоко!” яростно ответил он. “Как она может казаться выше меня, который является лордом из рода Иуды и, следовательно, намного более великим, чем выскочка-принц или любой другой египтянин, будь то сам фараон?”

“Конечно, ты, должно быть, трубач своего племени”, - усмехнулся я, потому что мое раздражение нарастало.

“Почему? - спросил он. “Разве евреи не больше египтян, как скоро узнают эти угнетатели, и разве господь Израиля не больше любого идолопоклонника среди вашего народа?”

Я смотрел на человека, одетого в убогую одежду, запачканную работой на кирпичном заводе, поражаясь его наглости. Не было никаких сомнений, что он верил в то, что говорил; я видел это по его гордым глазам и осанке. Он думал, что его племя имеет большее значение в мире, чем наша великая и древняя нация, и что он, безвестный юноша, равен или превзошел самого фараона. Тогда, придя в ярость от этих оскорблений, я ответил:

“Ты так говоришь, но давай докажем это. Я всего лишь писец, но я видел войну. Задержишься немного, чтобы мы могли узнать, лучше ли владыка Израиля египетского писца”.

“Я бы с радостью отчитал тебя, Писатель,” ответил он, “если бы не видел твоего замысла. Ты хочешь задержать меня здесь и, возможно, убить каким-нибудь подлым способом, пока твой хозяин купается в улыбках Луны Израиля. Поэтому я не останусь, но в другой раз все будет так, как ты пожелаешь, и, возможно, вскоре.

Теперь я думаю, что мне следовало ударить его по лицу, хотя я не из тех, кто любит драки. Но в этот момент появился отряд египетской конницы, возглавляемый не кем иным, как графом Аменмесом. Увидев принца в колеснице, они остановились и отдали честь. Аменмес спрыгнул на землю.

“Мы вышли на поиски вашего высочества, - сказал он, - опасаясь, как бы с вами не случилось чего-нибудь плохого”.

“Благодарю тебя, кузен, - ответил принц, - но боль постигла другого, не меня”.

“Это хорошо, ваше высочество,” сказал граф, с улыбкой разглядывая Мерапи. “Где ранена леди? Надеюсь, не в грудь.

- Нет, кузен, в ногу, вот почему она едет со мной в этой колеснице.

“Ваше высочество всегда были добры к несчастным. Прошу вас, позвольте мне занять ваше место или позвольте мне посадить эту девушку на лошадь.

- Поезжай дальше, - сказал Сети.

Итак, в сопровождении солдат, которые, как я слышал, подшучивали друг над другом по поводу принца и леди, как, я думаю, и еврей Лаван, потому что он свирепо оглядывался по сторонам и скрипел зубами, мы наконец добрались до города. Здесь, ведомая Мерапи, колесница была остановлена у дома ее дяди Джабеза, седобородого старого еврея с хитрым взглядом, который выбежал из дверей своего глинобитного жилища, крича, что он не причинил никакого вреда, раз за ним пришли солдаты.

“Египтяне хотят захватить в плен не тебя, а твою племянницу и мою невесту”, - крикнул Лаван, на что солдаты рассмеялись, как и несколько женщин, собравшихся вокруг. Тем временем принц помогал Мерапи спуститься с колесницы, с которой действительно поднял ее. Это зрелище, казалось, свело с ума Лавана, который бросился вперед, чтобы вырвать ее из его объятий, и при попытке толкнул его Высочество. Начальник солдат — он был офицером телохранителей фараона — в ярости поднял свой меч и нанес Лавану такой удар плоской стороной лезвия по голове, что тот упал ничком и лежал, стоная.

“Уберите этого еврейского пса и выпорите его плетью!” крикнул капитан. - Разве царская кровь Египта может иметь дело с такими, как он?

Солдаты бросились вперед, чтобы выполнить его приказ, но Сети тихо сказал:

“Оставьте парня в покое, друзья; ему не хватает манер, вот и все. Он ранен?”

Пока он говорил, Лаван вскочил на ноги и, опасаясь худшего, убежал прочь, изрыгая проклятия и бросая на принца взгляд, полный ненависти.

“Прощайте, леди,” сказал Сети. - Желаю вам скорейшего выздоровления.

“Благодарю вас, ваше высочество,” ответила она, смущенно оглядываясь по сторонам. - Будьте любезны подождать немного, чтобы я мог вернуть вам вашу драгоценность.

- Нет, храни это, госпожа, и если когда-нибудь ты окажешься в нужде или в какой-нибудь беде, пришли это мне, кто хорошо это знает, и ты не будешь испытывать недостатка в помощи.

Она взглянула на него и разрыдалась.

“Почему ты плачешь?” спросил он.

“О! ваше высочество, потому что я боюсь, что беда близка. У моего жениха, Лавана, мстительное сердце. Помогите мне дойти до дома, дядя.

“Послушай, Иврит,” сказал Сети, повышая голос. “если с твоей племянницей случится что-нибудь ужасное или если ее заставят идти туда, куда она не хотела идти, горе постигнет тебя и всех, с кем тебе придется иметь дело. Ты слышишь?”

“О мой Господь, я слышу, я слышу. Ничего не бойся. Ее будут тщательно охранять, как... как она, несомненно, будет охранять эту безделушку у себя на ноге.

“Ана, - сказал мне принц той ночью, когда я разговаривал с ним перед тем, как он лег спать, - не знаю почему, но я боюсь этого человека, Лавана; у него дурной глаз”.

- Я тоже думаю, что было бы лучше, если бы ваше высочество оставили его на растерзание солдатам, после чего ему нечего было бы бояться в этом мире.

“Ну, я этого не делал, так что на этом все. Ана, она честная женщина и милая”.

“Прекраснейшая и милейшая из всех, что я когда-либо видела, мой принц”.

“Будь осторожна, Ана. Молю тебя, будь осторожна, чтобы не влюбиться в того, кто уже помолвлен.

Я только посмотрел на него в ответ, и пока я смотрел, мне вспомнились слова Волшебника Ки. То же самое, я думаю, сделал и принц; по крайней мере, он не рассмеялся печально и отвернулся.

Что касается меня, то я плохо спал той ночью, и когда наконец заснул, мне приснилась Мерапи, творящая свою молитву в лучах луны.

ГЛАВА VII. ЗАСАДА

Прошло целых восемь дней, прежде чем мы покинули землю Гесем. История, которую должны были рассказать израильтяне, была длинной и печальной. Более того, они дали показания о многих жестоких вещах, которым они подверглись, и когда это было закончено, должны были быть вызваны показания охранников и других лиц, все из которых необходимо было записать. Наконец, принц, казалось, не спешил уходить, как он сказал, потому что надеялся, что два пророка вернутся из пустыни, чего они так и не сделали. За все это время Сети больше не видел Мерапи и даже не заговаривал о ней, даже когда граф Аменмес подшутил над ним по поводу его спутницы в колеснице и спросил, ездил ли он снова по пустыне при лунном свете.

Я, однако, видел ее однажды. Однажды, когда я бродил по городу ближе к закату, я встретил ее, идущую со своим дядей Джабезом с одной стороны и своим возлюбленным Лаваном - с другой, как пленницу между двумя стражниками. Мне показалось, что она выглядела несчастной, но ее нога, казалось, снова была в порядке; по крайней мере, она двигалась, не хромя.

Я остановился, чтобы поприветствовать ее, но Лаван нахмурился и поспешил увести ее. Джабез остался и разговорился со мной. Он сказал мне, что она оправилась от своей раны, но что между ней и Лаваном были неприятности из-за всего, что произошло в тот вечер, когда она пришла сюда, закончившиеся его столкновением с капитаном.

- Этот молодой человек, похоже, ревнивый по натуре, - сказал я. - из него выйдет суровый муж для любой женщины.

- Да, ученый писец, ревность была его проклятием с юности, как и у многих наших людей, и я благодарю Бога, что я не та женщина, на которой он должен жениться.

- Почему же тогда ты позволяешь ей выйти за него замуж, Джейбиз?

“ Потому что ее отец обручил ее с этим львенком, когда она была едва ли больше ребенка, и среди нас эту связь трудно разорвать. Что касается меня, - добавил он, понизив голос и оглядываясь по сторонам бегающими глазами, - то я хотел бы видеть свою племянницу в каком-нибудь другом месте, отличном от места жены Лавана. С ее необычайной красотой и умом она могла бы стать кем угодно - кем угодно, если бы у нее была такая возможность. Но по нашим законам, даже если Лаван умрет, что могло случиться с таким жестоким человеком, она не сможет выйти замуж ни за кого, кто не был бы евреем”.

- Мне казалось, она говорила нам, что ее мать была сирийкой.

“ Это так, Писец Ана. Она была прекрасной пленницей на войне, которую Натан полюбил и сделал своей женой, и дочь пошла в нее. Тем не менее, она еврейка, принадлежит к еврейской вере и общине. Если бы это было не так, она могла бы сиять как звезда, нет, как та самая луна, в честь которой она названа, возможно, при дворе самого фараона”.

“Как поступила великая царица Тайя, та, что изменила религию Египта на поклонение единому богу в ушедшем поколении”, - предположил я.

“ Я слышал о ней, Писец Ана. Она была удивительной женщиной, к тому же красивой благодаря своим статуям. Если бы вы, египтяне, могли найти такого другого, который обратил бы ваши сердца к более чистой вере и смягчил бы их по отношению к нам, бедным пришельцам. Когда его Высочество покидает землю Гесем?

- На рассвете третьего дня после этого.

“ В дорогу понадобится провизия, много провизии для такого большого поезда. Я торгую овцами и другими продуктами, писец Ана.

- Я сообщу об этом его высочеству и визирю Джабизу.

“Я благодарю тебя, Писец, и буду ждать в лагере завтра утром. Смотри, Лаван возвращается с Мерапи. Одно слово, пусть его высочество остерегается Лавана. Он очень мстителен и не забыл тот удар мечом по голове.

“Пусть Лаван будет осторожен”, - ответил я. “Если бы не его высочество, солдаты убили бы его прошлой ночью, потому что он посмел оскорбить королевскую кровь. Во второй раз ему не сбежать. Более того, фараон отомстил бы народу Израиля за все, что он сделал”.

“ Я понимаю. Было бы печально, если бы Лавана убили, очень печально. Но у народа Израиля есть Тот, кто может защитить их даже от фараона и всего его воинства. Прощай, ученый Писец. Если я когда-нибудь приеду в Танис, с твоего позволения мы еще поговорим вместе.

В ту ночь я рассказал принцу обо всем, что произошло. Он выслушал и сказал:

“Я скорблю о госпоже Мерапи, потому что у нее, похоже, тяжелая судьба. И все же, - добавил он, смеясь, - возможно, для тебя лучше, друг, что ты больше не видишь ее, которая, несомненно, принесет неприятности, куда бы она ни пошла. У этой женщины лицо, которое преследует ум, как Ка преследует могилу, и я, со своей стороны, не желаю смотреть на него снова ”.

“ Я рад это слышать, принц, и, со своей стороны, я покончил с женщинами, какими бы милыми они ни были. Я скажу этому Джабезу, что провизию для путешествия купят в другом месте.

“ Нет, купи их у него, и если Нехези будет ворчать из-за цены, заплати за мой счет. Путь к сердцу еврея лежит через его сумки с сокровищами. Если с Джабизом будут хорошо обращаться, это может сделать его добрее к своей племяннице, о которой у меня всегда останутся приятные воспоминания, за что я благодарен этому кислому народу, который ненавидит нас, и не без оснований ”.

Итак, овцы и все припасы для путешествия были куплены у Джабиза по его собственной цене, за что он горячо поблагодарил меня, и на третий день мы тронулись в путь. В последний момент принц, чье настроение, казалось, было испорчено в тот вечер, отказался ехать с хозяином на

следующий день из-за шума и пыли. Напрасно граф Аменмес урезонивал его, а Нехези и высшие военачальники умоляли его чуть ли не на коленях, говоря, что они должны отвечать за его безопасность перед фараоном и принцессой Таусерт. Он велел им убираться восвояси, ответив, что присоединится к ним в их лагере следующей ночью. Я также умолял его выслушать, но он резко сказал мне, что то, что он сказал, он уже сказал, и что мы с ним поедem в его колеснице одни, с двумя вооруженными посыльными и не более, добавив, что если я считаю, что существует опасность, я могу отправиться вперед с войсками. Тогда я прикусила губу и замолчала, после чего, видя, что он причинил мне боль, он повернулся и смиренно попросил у меня прощения, как учило его его доброе сердце.

“Я больше не могу выносить Аменмеса и этих офицеров, - сказал он, - и я люблю бывать в пустыне один. В прошлый раз, когда мы путешествовали туда, нас ждали приятные приключения, Ана, а в Танисе, несомненно, я найду и другие, не слишком приятные. Впусти того еврейского священника, который ждет, чтобы посвятить меня в тайны своей веры, которые я желаю понять”.

Поэтому я поклонился и оставил его докладывать, что мне не удалось поколебать его волю. Однако, рискуя навлечь на себя его гнев, я сделал это — ведь разве я не поклялся принцессе, что буду защищать его? Вместо бегунов я выбрал двух лучших и храбрейших солдат, чтобы они сыграли свою роль. Более того, я приказал тому военачальнику, который сразил Лавана, спрятаться с десятком отборных людей и достаточным количеством колесниц, чтобы перевезти их, и следовать за принцем, держась вне поля зрения.

Итак, на следующее утро войска, знать и офицеры отправились в путь на рассвете вместе с носильщиками багажа; и мы последовали за ними только по прошествии многих часов. Часть этого времени принц провел, разъезжая по городу и обращая внимание на состояние людей. Они, как я видел, смотрели на нас достаточно угрюмо, больше, чем раньше, подумал я, возможно, потому, что мы были без охраны. Действительно, обернувшись, я увидел человека, грозящего кулаком, и старую каргу, плюющую нам вслед, и пожалел, что мы не в земле Гесем. Но когда я доложил об этом принцу, он только рассмеялся и не обратил на это внимания.

“Все видят, что они ненавидят нас, египтян”, - сказал он. “Что ж, пусть нашей задачей будет попытаться превратить их ненависть в любовь”.

“Этого ты никогда не сделаешь, принц, это слишком глубоко укоренилось в их сердцах; на протяжении поколений они впитывали это с молоком матери. Более того, это война богов Египта и Израиля, и люди должны идти туда, куда ведут их боги”.

“Ты так думаешь, Ана? Тогда люди - не что иное, как пыль, уносимая небесными ветрами, уносимая из тьмы, которая царит перед рассветом, чтобы быть наконец и навсегда унесенной во тьму могилы ночи?”

Он немного поразмыслил, затем продолжил.

“И все же, если бы я был фараоном, я бы отпустил этих людей, ибо, без сомнения, их бог обладает большой властью, и я говорю вам, что я боюсь их”.

“Почему он их не отпустит? - Спросил я. “Они являются слабостью, а не силой Египта, как это было показано во время вторжения варваров, на сторону которых они перешли. Более того,

ценность их богатой земли, которую они не могут забрать с собой, выше, чем стоимость всего их труда”.

“ Я не знаю, друг. Мой отец держит этот вопрос при себе, даже от принцессы Таусерт. Возможно, это потому, что он не изменит политику своего отца Рамсеса; возможно, потому, что он непреклонен к тем, кто идет наперекор его воле. Или, может быть, его удерживает на этом пути безумие, посланное каким-то богом, чтобы принести потери и позор Египту”.

- Тогда, принц, все священники и знать тоже сумасшедшие, начиная с графа Аменмеса.

“Куда ведет фараон, туда следуют жрецы и знать. Вопрос в том, кто ведет фараона? Вот храм этих евреев; давайте войдем”.

Итак, мы сошли с колесницы, где, со своей стороны, я бы остался, и прошли через ворота в окружающей глинобитной стене во внешний двор храма, который в этот священный седьмой день евреев был полон молящихся женщин, которые притворялись, что не замечают нас, но наблюдали за нами краешком глаза. Пройдя через них, мы подошли к дверному проему, через который вошли в другой двор, крытый крышей. Здесь было много мужчин, которые зашептались при нашем появлении. Они были заняты слушанием проповедника в белом одеянии, который носил шапочку странной формы и какие-то украшения на груди. Я знал этого человека; это был священник Кохат, который посвятил принца во многие тайны еврейской веры, которые тот пожелал раскрыть. Увидев нас, он внезапно прервал свою речь, произнес какое-то торопливое благословение и двинулся нам навстречу.

Я ждал позади принца, думая, что будет лучше прикрыть ему спину среди всех этих свирепых людей, и не слышал, что сказал ему священник шепотом в том святом месте. Кохат повел его вперед, как я подумал, чтобы освободить от толпы, пока они не подошли ко входу в маленький храм, отмеченный несколькими ступенями, над которыми висел толстый занавес. Принц, продолжая идти, не увидел нижнюю из этих ступеней в глубоком мраке. Его нога зацепилась за нее; он упал вперед и, чтобы спастись, ухватился за занавес в том месте, где сходились две его половины, и отдернул его, открыв за ним простую и маленькую комнату, в которой находился алтарь. Это было все, что я успел увидеть, потому что в следующее мгновение воздух сотряс яростный рев, и во мраке сверкнули ножи.

“египтянин оскверняет скинию!” - закричал один. “Вытащите его и убейте!” - завопил другой.

- Друзья, - сказал Сети, поворачиваясь, когда они устремились к нему, - если я и сделал что-то плохое, то это было случайно...

Он больше ничего не мог добавить, видя, что они нацелились на него, вернее, на меня, прыгнувшего перед ним. Они уже схватили меня за одежду, а моя рука легла на рукоять меча, когда жрец Кохат крикнул:

“ Мужи Израиля, вы с ума сошли? Неужели вы навлекете на нас месть фараона?

Они немного остановились, и их представитель крикнул:

“Мы бросаем вызов фараону! Наш Бог защитит нас от фараона. Вытащите его и убейте за стеной!”

Они снова пришли в движение, когда мужчина, в котором я узнал Джабиза, дядю Мерапи, громко позвал:

“ Прекрати! Если этот принц Египта нанес оскорбление Яхве по своей воле, а не случайно, несомненно, что он отомстит ему. Должны ли люди взять суд Божий в свои руки? Отойдите и подождите некоторое время. Если Яхве будет оскорблен, египтянин упадет замертво. Если он не упадет замертво, позволь ему уйти отсюда невредимым, ибо такова воля Яхве. Отойди, говорю я, пока я насчитаю шестьдесят”.

Они отошли на некоторое расстояние, и Джейбиз медленно начал считать.

Хотя в то время я ничего не знал о могуществе бога Израиля, скажу, что меня переполнял страх, когда он считал одно за другим, останавливаясь на каждом десятке. Сцена была очень странной. Там, у ступенек, на фоне занавеса стоял принц, скрестив руки на груди, и на его лице была легкая улыбка удивления, смешанного с презрением, но без малейшего признака страха. По одну сторону от него был я, который хорошо знал, что разделю его судьбу, какой бы она ни была, и действительно не желал ничего другого; а по другую - священник Кохат, руки которого дрожали, а глаза вылезали из орбит. Перед нами старый Джабез считал, наблюдая за свирепыми лицами прихожан, которые в мертвом молчании ждали исхода. Счет продолжался. Тридцать. Сорок. Пятьдесят—о! казалось, прошла целая вечность.

Наконец шестьдесят слетело с его губ. Он подождал немного, и все смотрели на принца, не сомневаясь, что он упадет замертво. Но вместо этого он повернулся к Кохату и тихо спросил, закончено ли теперь это испытание, поскольку он желает сделать подношение храму, посетить который его пригласили, и удалиться.

“Наш Бог дал свой ответ”, - сказал Иавис. “Примите это, мужи Израиля. То, что сделал этот принц, он сделал случайно, а не преднамеренно”.

Они повернулись и ушли, не сказав ни слова, и после того, как я положил подношение, причем немалое, в условленном месте, мы последовали за ними.

“Похоже, твой бог не из добрых”, - сказал принц Кохату, когда мы наконец вышли из храма.

“ По крайней мере, он справедлив, ваше высочество. Если бы это было иначе, ты, нарушивший его святилище, хотя и случайно, был бы уже мертв”.

- Значит, ты считаешь, священник, что Яхве обладает властью убивать нас, когда он разгневан?

“Без сомнения, ваше Высочество, поскольку, если наши Пророки говорят правду, я думаю, что Египет узнает об этом раньше, чем все будет сделано”, — мрачно добавил он.

Сети посмотрел на него и ответил:

“ Может быть, и так, но все боги или их жрецы претендуют на власть мучить и убивать тех, кто поклоняется другим богам. Кохат, ревнуют не только женщины, по крайней мере, так кажется. И все же я думаю, что вы несправедливы к своему богу, видя, что даже если эта сила принадлежит ему, он оказался более милосердным, чем его поклонники, которые хорошо знали, что я схватился за завесу только для того, чтобы спастись от падения. Если я когда-нибудь снова

посещу твой храм, то только в компании тех, кто может помериться силой с силой духа или меча. Прощай.

Так мы добрались до колесницы, рядом с которой стоял Иавис, тот, кто спас нас.

“ Принц, - прошептал он, взглянув на толпу, которая стояла невдалеке, молчаливая и сердитая. - Я молю тебя поскорее покинуть эту землю, ибо здесь твоя жизнь небезопасна. Я знаю, это было случайно, но ты осквернил святилище и увидел то, на что не могут смотреть глаза, кроме глаз первосвященников, оскорбление, которого не может простить ни один израильтянин”.

- И ты или твои люди, Джабиз, осквернили бы это святилище моей жизни, пролив кровь моего сердца, и не случайно. Несомненно, вы странный народ, который стремится сделать врагом того, кто пытался быть вашим другом.

“Я не ищу этого”, - воскликнул Иавис. “Я хотел бы, чтобы уста и уши фараона, который вскоре сам станет фараоном, были на нашей стороне. О принц Египта, не гневайся на всех сынов Израилевых за то, что их обиды сделали некоторых из них упрямыми и жестокосердными. А теперь уходи, и по своей доброте помни мои слова”.

“Я запомню”, - сказал Сети, делая знак вознице ехать дальше.

Но принц все еще оставался в городе, говоря, что он ничего не боится и узнает все, что сможет, об этом народе и их обычаях, чтобы сообщить фараону о лучших из них. Со своей стороны, я полагал, что было одно лицо, которое он хотел бы снова увидеть перед отъездом, но об этом я счел разумным промолчать.

Наконец, около полудня мы отправились в путь и поехали на восток по следу Аменмеса и нашего отряда. Так мы ехали всю вторую половину дня, впереди нас шли два солдата, переодетые бегунами, а за ними, как подсказало мне далекое облако пыли, следовал военачальник со своими колесницами, которым я тайно приказал держать нас в поле зрения.

Ближе к вечеру мы добрались до перевала в каменистых холмах, окаймлявших землю Гесем. Здесь Сети сошел с колесницы, и мы поднялись в сопровождении двух солдат, которым я сделал знак следовать за нами, на гребень одного из этих холмов, усыпанного огромными валунами и окаймленного грядами песчаника, между которыми тысячелетними ветрами были прорезаны овраги.

Прислонившись к одному из этих гребней, мы оглянулись на чудесное зрелище. Вдали, на плодородной равнине, показался город, который мы покинули, и за ним зашло солнце. Казалось, будто там разразилась какая-то буря, хотя небосвод над нами был чистым и голубым. По крайней мере, перед городом два огромных облачных столба тянулись от земли к небу, как колонны каких-то могучих ворот. Одна из этих колонн была словно сделана из черного мрамора, а другая - из расплавленного золота. Между ними пролегла дорога света, оканчивающаяся великолепиями, и посреди этого великолепия круглый шар Ра, Солнца, горел подобно Божьему оку. Зрелище было столь же устрашающим, сколь и великолепным.

“ Ты когда-нибудь видел такое небо в Египте, принц? - Спросил я.

- Никогда, - ответил он, и хотя говорил тихо, в этой великой тишине его голос показался мне громким.

Еще некоторое время мы смотрели, пока внезапно солнце не зашло, и осталось только великолепие вокруг него и вверху, которое приобрело очертания дворцов и храмов города на небесах, далекого города, добраться до которого ни один смертный не мог, кроме как во сне.

“Я не знаю почему, Ана, - сказал Сети, - но впервые с тех пор, как я был мужчиной, я чувствую страх. Мне кажется, что на небе есть предзнаменования, но я не могу их прочесть. Если бы Ки был здесь, чтобы рассказать нам, что означают столп тьмы справа и столп огня слева, и что за дом бога находится в городе славы позади, и как ноги человека могут ступать по сияющей дороге, ведущей к его воротам-пилонам. Я говорю вам, что я боюсь; это как если бы Смерть была совсем рядом со мной и все его чудеса открылись моему смертному взору”.

“ Я тоже боюсь, ” прошептал я. “ Смотри! Колонны движутся. Тот, что из огня, идет впереди; тот, что из черного облака, следует за ним, и между ними я, кажется, вижу бесчисленное множество, марширующее бесконечными отрядами. Посмотри, как свет сверкает на их копьях! Несомненно, бог евреев уже на ногах ”.

“ Он, или какой-то другой бог, или вообще никакого бога нет, кто знает? Пойдем, Ана, пойдем, если хотим добраться до лагеря засветло.

Итак, мы спустились с хребта и, снова сев в колесницу, поехали дальше, к горловине перевала. Теперь этот перешеек был очень узким, не более четырех шагов в ширину на определенном расстоянии, и по обе стороны дороги были нагроможденные валуны из песчаника, между которыми росли пустынные растения, и овраги, прорезанные ливневыми водами, в то время как за ними возвышались склоны горы. Здесь лошади перешли на шаг к повороту тропинки, и в этот момент земля снова начала осыпаться.

Когда мы были примерно в половине броска копья от этого поворота, я внезапно услышал какой-то звук и, взглянув направо, увидел женщину, скачущую к нам по склону холма. Возничий тоже увидел это и остановил лошадей, а двое бегущих стражников обернулись и обнажили мечи. Менее чем через полминуты женщина добралась до нас, выйдя из тени, так что свет упал на ее лицо.

“Мерапи!” - воскликнули мы с принцем, говоря как бы на одном дыхании.

Это действительно была Мерапи, но в дьявольском обличье. Ее длинные волосы растрепались и рассыпались вокруг нее, плащ, который она носила, был разорван, а на губах виднелись кровь и пена. Она стояла, задыхаясь, поскольку говорить не могла из-за одышки, держась одной рукой за борт колесницы, а другой указывая на поворот дороги. Наконец прозвучало слово, единственное. Это было:

“Убийство!”

“Она имеет в виду, что ее собираются убить”, - сказал мне принц.

“ Нет, ” выдохнула она, - ты— ты! Евреи. Возвращайся!

“ Поворачивай лошадей! - Крикнул я вознице.

Он начал повиноваться с помощью двух охранников, но из-за узости дороги и крутизны берегов это было нелегко. Действительно, они были всего лишь наполовину окружены, так что

перегораживали тропу из стороны в сторону, когда дикий вопль ‘Яхве’ донесся до наших ушей, и из-за поворота, в нескольких шагах от нас, выскочила орда свирепых крюконосых мужчин, размахивающих ножами и мечами. Едва мы успели спрыгнуть под прикрытие колесницы и приготовиться, как они были на нас.

“Послушай, - сказал я вознице, когда они подъехали, - беги так, как ты никогда раньше не бегал, и веди охрану сзади!”

Он отскочил в сторону, как стрела.

“Отойди, леди”, - крикнул Сети. “Это не женское дело, и смотри, вот идет Лаван искать тебя”, - и он указал мечом на предводителя убийц.

Она подчинилась, сделав, пошатываясь, несколько шагов к камню на обочине дороги, за которым присела на корточки. Позже она сказала мне, что у нее нет сил идти дальше, да и желания тоже, потому что, если нас убьют, было бы лучше, если бы та, кто предупреждала нас, тоже была убита.

Теперь они добрались до нас, целая толпа, тридцать или сорок человек. Первый, кто подошел, заколол испуганных лошадей, и они, отбиваясь, полетели к берегу. На колесницу вскочили евреи, стремясь напасть на нас, и мы встретили их, как могли, сорвав с себя плащи и перекинув их через левую руку, чтобы они служили нам щитами.

О! что это была за драка. На открытом месте, или если бы мы не были готовы, нас бы убили сразу, но, как бы то ни было, место и барьер колесницы давали нам некоторое преимущество. Дорога была такой узкой, стены которой были здесь слишком крутыми, чтобы на них можно было взобраться, что не более четырех евреев могли напасть на нас одновременно, и эти четверо должны были сначала преодолеть колесницу или еще живых лошадей.

Но нас тоже было четверо, и благодаря Таусерт, двое из нас были одеты в кольчуги под мантиями — четверо сильных мужчин, сражающихся за свои жизни. Против нас выступили четверо евреев. Один спрыгнул с колесницы прямо на Сети, который принял его на острие своего железного меча, рукоять которого звякнула о его грудную кость, того самого знаменитого железного меча, который сегодня похоронен вместе с ним в могиле.

Он упал замертво, сбросив принца на землю тяжестью своего тела. Напавший на меня еврей зацепился ногой за столб колесницы и упал вперед, поэтому я легко убил его ударом по голове, что дало мне время снова поднять принца на ноги, прежде чем за ним последовал другой. Двое охранников также, оба крепкие бойцы, убили или смертельно ранили своих людей. Но другие напирали сзади так плотно и быстро, что я не мог сосчитать всего, что произошло потом.

Вскоре я увидел, как упал один из стражников, сраженный Лаваном. Удар в грудь отбросил меня назад; если бы не кольчуга, я бы ускорился. Другой охранник убил того, кто хотел убить меня, а затем сам был убит сразу двумя нападавшими на него.

Теперь остались только принц и я, сражавшиеся спина к спине. Он сошелся с одним человеком, очень крупным парнем, и ранил его в руку, так что тот выронил меч. Этот человек схватил его за талию, и они вместе покатались по земле. Появился Лаван и ударил принца ножом в спину, но кривой нож, которым он пользовался, задел сирийскую кольчугу. Я ударил Лавана и ранил его в голову, оглушив так, что он отшатнулся и, казалось, упал с колесницы. Затем на меня бросились

другие, и, если бы не доспехи Таусерт, я, по крайней мере, трижды был бы мертв. Отчаянно сражаясь, я прислонился к скале и, ожидая нового нападения, увидел, что Сети, раненный ударом Лавана, теперь был под великим евреем, который держал его за горло и душил, выбивая из него жизнь.

Я увидел и кое—что еще - женщину, держащую меч обеими руками и наносящую удар сверху вниз, после чего хватка иврита на горле Сети ослабла.

“ Предательница! ” крикнул один из них и ударил ее так, что она больно отшатнулась. Затем, когда все, казалось, закончилось, и под градом ударов мои чувства угасали, я услышал топот лошадиных копыт и крик “*Египет! Египет!*” - вырывается из горла солдат. Блеск бронзы ослепил мои затуманенные глаза, и под грохот битвы в ушах я, казалось, заснул как раз в тот момент, когда погас дневной свет.

ГЛАВА VIII.

СЕТИ ДАЕТ СОВЕТЫ ФАРАОНУ

Сон за сном. Сны о голосах, сны о лицах, сны о солнечном и лунном свете и о том, как меня несут вперед, всегда вперед; сны о кричащих толпах и, прежде всего, сны о глазах Мерапи, смотрящих на меня сверху вниз, как две наблюдающие звезды с небес. Затем, наконец, пробуждение, а вместе с ним пульсации боли и приступы тошноты.

Сначала я подумал, что умер и лежу в могиле. Затем постепенно я понял, что нахожусь не в гробнице, а в хорошо знакомой мне затемненной комнате, моей собственной комнате во дворце Сети в Танисе. Должно быть, так оно и было, потому что там, рядом с кроватью, на которой я лежал, стоял мой собственный сундук, набитый рукописями, которые я привез из Мемфиса. Я попытался поднять левую руку, но не смог и, посмотрев вниз, увидел, что рука забинтована, как у мумии, что снова заставило меня подумать, что я, должно быть, мертв, если мертвые могут испытывать такую сильную боль. Я закрыл глаза и задумался или немного поспал.

Лежа так, я услышал голоса. Один из них, похоже, принадлежал врачу, который сказал: “Да, он будет жить и скоро поправится. Удар по голове, который лишил его чувств на столько дней, был худшей из его ран, но кость была всего лишь ушиблена, а не раздроблена или вошла в мозг. Порезы на его руках хорошо заживают, а кольчуга, которую он носил, защищала его жизненно важные органы от проколов.

“ Я рад, лекарь, - ответил голос, который, как я узнал, принадлежал Таусерт, “ поскольку, без сомнения, если бы не Ана, его Высочество погиб бы. Странно, что тот, кого я считал всего лишь мечтательным писцом, проявил себя таким храбрым воином. Принц говорит, что этот Ана собственными руками убил трех из этих собак и ранил других.

“Это было хорошо сделано, ваше высочество, - ответил врач, - но еще лучше была его предусмотрительность в обеспечении арьергарда и отправке возничего вызвать его. Похоже, именно еврейская дама действительно спасла жизнь его высочеству, когда, забыв о своем поле, ударила ножом убийцу, державшего его за горло.

“ Это история принца, по крайней мере, так я понимаю, ” холодно ответила она. - И все же кажется странным, что слабая и измученная девушка могла проткнуть гиганта насквозь, от спины до груди.

- По крайней мере, она предупредила его о засаде, ваше высочество.

“ Так они говорят. Возможно, Ана скоро расскажет нам правду об этих делах. Ухаживай за ним хорошо, лекарь, и у тебя не будет недостатка в награде.

Затем они ушли, все еще разговаривая, а я лежал тихо, преисполненный благодарности и удивления, потому что теперь все вернулось ко мне.

Некоторое время спустя, когда я лежал с закрытыми глазами, потому что даже этот слабый свет, казалось, причинял им боль, я услышал мягкие женские шаги, крадущиеся вокруг моей кровати, и почувствовал аромат, который исходит от женской одежды и волос. Я посмотрел и увидел звездообразные глаза Мерапи, смотрящие на меня сверху вниз точно так же, как я видел их в своих снах.

“Приветствую тебя, Луна Израиля”, - сказал я. “По правде говоря, мы встретились снова при странных обстоятельствах”.

“ О! ” прошептала она. - Ты наконец проснулся? Я благодарю Бога, Писец Ана, который в течение трех дней думал, что ты должен умереть”.

“Как, если бы не вы, леди, я, несомненно, поступил бы - я и еще кто-то. Теперь, похоже, мы все трое будем жить”.

“ Если бы в живых остались только двое, принц и ты, Ана. Если бы я умерла, - ответила она, тяжело вздыхая.

“Почему?”

“ Неужели ты не догадываешься? Потому что я изгой, предавший свой народ. Потому что между мной и ними течет их кровь. Потому что я убил этого человека, а он был моим родственником, ради египтянина — я имею в виду египтянок. Следовательно, проклятие Яхве лежит на мне, и поскольку мой родственник умер, я, несомненно, умру в грядущий день, а потом — что?”

“После этого мир и великая награда, если будет справедливость на земле или небесах, о благороднейшая из женщин”.

“Если бы я мог так думать! Тише, я слышу шаги. Выпей это; я старшая из твоих нянек, Писец Ана, почетная должность, поскольку сегодня весь Египет любит и восхваляет тебя”.

“Несомненно, это вас, госпожа Мерапи, должен любить и восхвалять весь Египет”, - ответил я.

Затем вошел принц Сети. Я попытался поприветствовать его, подняв свою менее поврежденную руку, но он поймал мою ладонь и нежно пожал ее.

“Приветствую тебя, возлюбленный Менту, бога войны”, - сказал он со своим приятным смехом.

“Я думал, что нанял писца, и вот! в этом писце я нахожу солдата, которым могла бы похвастаться целая армия”.

В этот момент он заметил Мерапи, которая отступила в тень.

“Приветствую и тебя, Луна Израиля”, - сказал он, кланяясь. “Если я назову Ану здесь лучшим воином, какое имя мы оба можем подобрать для тебя, которому мы обязаны нашими жизнями? Нет, не смотри вниз, но отвечай”.

“Принц Египта, ” смущенно ответила она, “ я почти ничего не сделала. Заговор дошел до моих ушей через Джабеза, моего дядю, и я сбежал и, с детства зная короткие пути, подросел как раз вовремя. Если бы я остался, чтобы подумать, возможно, я бы не осмелился.

“ А что насчет остального, леди? Что насчет еврея, который душил меня, и определенного удара мечом, который навсегда развязал ему руки?

- Об этом, ваше высочество, я ничего не могу вспомнить, или очень мало, - затем, несомненно вспомнив, что она только что сказала мне, она поклонилась и вышла из комнаты.

“ Она умеет лгать так же мило, как и все остальное, ” сказал Сети, проводив ее взглядом. “ О! что за женщина у нас здесь, Ана. Совершенная по красоте, совершенная по мужеству, совершенная по уму. Интересно, в чем ее недостатки? Пусть это будет твоей частью - искать их, раз уж я ничего не нахожу.

“ Спроси их у Ки, о принц. Он великий волшебник, настолько великий, что, возможно, его искусство поможет даже обнаружить то, что женщина пытается скрыть. Также ты, возможно, помнишь, что он дал тебе определенные предупреждения перед тем, как мы отправились в Гесем.

“Да— он сказал мне, что моя жизнь будет в опасности, что, несомненно, и было. В этом он был прав. Он также сказал мне, что я должен увидеть женщину, которую я должен полюбить. Тут он ошибался. Я не видел такой женщины. О! Я хорошо знаю, что происходит в твоих мыслях. Поскольку я считаю леди Мерапи красивой и храброй, ты думаешь, что я люблю ее. Но это не так. Я не люблю ни одну женщину, кроме, конечно, ее Высочества. Ана, суди обо мне по себе.

“ Ки сказал: "Приди к любви", принц. Время еще есть.

“ Это не так, Ана. Если кто-то любит, то любит сразу. Скоро я состарюсь, а она станет толстой и уродливой, и как тогда можно любить? Поправляйся поскорее, Ана, потому что я хочу, чтобы ты помогла мне с отчетом фараону. Я скажу ему, что, по-моему, эти израильтяне сильно угнетены и что он должен загладить свою вину и отпустить их”.

- Что скажет на это фараон после того, как они только что попытались убить его наследника?

“Я думаю, фараон будет разгневан, как и народ Египта, который плохо рассуждает. Он не увидит, что, веря в то, что они делают, Лаван и его банда были правы, пытаюсь убить меня, который, пусть и невольно, осквернил святилище их бога. Поступи они иначе, из них не вышло бы хороших евреев, и я, со своей стороны, не могу выносить их злобы. И все же весь Египет охвачен этим делом и кричит, что израильтяне должны быть уничтожены”.

— Мне кажется, принц, что, как бы ни обстояло дело со вторым пророчеством Ки, его третье находится на пути к исполнению, а именно, что это путешествие в Гошен может заставить тебя рискнуть своим тронном.

Он пожал плечами и ответил:

“ Даже ради этого, Ана, я не скажу фараону того, что у меня на уме. Но оставь это до тех пор, пока ты не станешь сильнее.

- Что произошло в конце боя, принц, и как я сюда попал?

Стража убила большинство евреев, которые остались в живых. Несколько человек обратились в бегство и скрылись в темноте, среди них Лаван, их предводитель, хотя ты ранил его, и шестеро были взяты живыми. Они ожидают суда. Я почти не пострадал, а ты, которого мы считали мертвым, был всего лишь без чувств, и без чувств или блуждающий ты оставался до этого часа. Мы несли тебя на носилках, и вот ты здесь уже три дня”.

- А госпожа Мерапи?

“Мы посадили ее в колесницу и привезли в город, так как, если бы мы оставили ее, она наверняка была бы убита своим народом. Когда фараон услышал, что она сделала, поскольку я не считал благом, что она должна жить здесь, он дал ей маленький домик в этом саду, чтобы ее охраняли, а вместе с ним и рабынь для ухода за ней. Итак, она живет там, пользуясь свободой дворца, и все это время замещала твою сиделку.

В этот момент я почувствовала слабость и закрыла глаза. Когда я открыла их снова, принца уже не было. Прошло еще шесть дней, прежде чем мне разрешили встать с постели, и за это время я часто виделся с Мерапи. Она была очень грустной и жила в страхе быть убитой евреями. Кроме того, в глубине души она была встревожена, потому что считала, что предала свою веру и народ.

“По крайней мере, ты избавился от Лавана”, - сказал я.

“Я никогда не избавлюсь от него, пока мы оба живы”, - ответила она. “Я принадлежу ему, и он не разорвет мои узы, потому что его сердце привязано ко мне”.

“ И твое сердце привязано к нему? - Спросил я.

Ее прекрасные глаза наполнились слезами.

“У женщины может не быть сердца. О! Ана, я несчастна”, - ответила она и ушла.

Также я видел других. Принцесса пришла навестить меня. Она очень поблагодарила меня за то, что я выполнил данное ей обещание и охранял принца. Более того, она принесла мне в дар золото от фараона и другие дары в виде прекрасных одежд от себя самой. Она подробно расспрашивала меня о Мерапи, к которой, как я видел, она уже ревновала, и была рада, когда узнала, что помолвлена с евреем. Старый Бакенхонсу тоже пришел и много расспрашивал меня о принце, евреях и Мерапи, особенно о Мерапи, о деяниях которой, по его словам, говорил весь Египет, на вопросы, на которые я отвечал, как мог.

“Вот она, та женщина, о которой нам рассказывал Ки, - сказал он, - та, кто принесет столько радости и столько горя принцу Египта”.

“Почему так?” Я спросил. “Он не приводил ее в свой дом, и я не думаю, что он собирается это делать”.

“И все же он это сделает, Ана, хочет он того или нет. Ради него она предала свой народ, что среди израильтян является смертельным преступлением. Дважды она спасала ему жизнь, один раз предупредив о засаде, а второй раз заколов собственными руками одного из своих родственников, который убивал его. Разве это не так? Скажи мне, ты был там.

“Это так, но что тогда?”

- Вот что: что бы она ни говорила, она любит его; если только на самом деле она не любит тебя, - и он проницательно посмотрел на меня.

“Когда у женщины есть принц, и такой принц у нее под рукой, стала бы она утруждать себя установкой силков, чтобы поймать писца?” - Спросил я с некоторой горечью.

“Ого!” - сказал он с одним из своих громких смешков. “Значит, дела обстоят таким образом, не так ли? Что ж, я так и думал, но, друг Ана, будь вовремя предупрежден. Не пытайтесь заколдовать Луну, чтобы она стала вашим домашним светильником, иначе она сядет, а Солнце, ее повелитель, разгневается и сожжет вас дотла. Что ж, она любит его, и поэтому рано или поздно она заставит его полюбить себя такой, какая она есть”.

- Каким образом, Бакенхонсу?

“С большинством мужчин, Ана, это было бы просто. Вздох, несколько полускрытых слез в нужный момент, и дело сделано, как я знала, это делалось тысячу раз. Но поскольку этот принц такой, какой он есть, все может быть иначе. Она может показать ему, что ее имя исчезло из-за него; что из-за него ее ненавидит ее народ и отвергает ее бог, и таким образом возбудить в нем жалость, которая является родной сестрой Любви. Или, может быть, будучи также, как мне сказали, мудрой, она даст ему совет по всем этим вопросам израильтян и таким образом проникнет в его сердце под видом дружбы, и тогда ее нежность и красота сделают все остальное естественным путем. По крайней мере, этой дорогой или той, вверх или вниз по течению, она придет именно туда”.

“Если так, что из этого? У царей Египта в обычае иметь больше жен, чем одну.

“Это, Ана, Сети, я думаю, человек, у которого на самом деле будет только один ребенок, и им будет этот иврит. Да, еврейская женщина будет править Египтом и обратит его к поклонению своему богу, ибо она никогда не будет поклоняться нашему. Действительно, когда они увидят, что она потеряна для них, ее народ будет использовать ее таким образом. Или, возможно, сам ее бог использует ее для достижения своей цели, как, возможно, он уже использовал ее.

- А что потом, Бакенхонсу?

“Потом — кто знает? Я не волшебник, по крайней мере, ни в чем не разбирающийся, спроси об этом Ки. Но я очень, очень стар, и я наблюдал за миром, и я говорю вам, что эти вещи произойдут, если только... - и он сделал паузу.

“Если только что?”

Он понизил голос.

Если только Таусерт не окажется смелее, чем я думаю, и не убьет ее первой или, что еще лучше, не наймет какого-нибудь еврея, чтобы тот убил ее, — скажем, ее брошенного любовника. Если бы ты хотела быть другом фараону и Египту, ты могла бы прошептать это ей на ухо, Ана.

“Никогда! - Серdito ответил я.

“Я не думал, что ты согласишься, Ана, ведь ты тоже бьешься в этой сети лунных лучей, которая прочнее и реальнее любой сети, сплетенной из пальмы или льна. Что ж, и я тоже, кто в моем возрасте любит наблюдать за подобными человеческими забавами и, находясь так близко к ним, боится помешать планам богов. Позволь этому свитку разворачиваться самому, а когда он будет открыт, прочти его, Ана, и запомни, что я сказал тебе сегодня. Это будет красивая история, написанная в конце кровью вместо чернил. Ого! О-хо-хо! - и, смеясь, он заковылял из комнаты, оставив меня в испуге.

Более того, принц навещал меня каждый день и еще до того, как я встал с постели, начал диктовать мне свой отчет фараону, поскольку он не хотел нанимать другого писца. Суть этого заключалась в том, что он предсказал, а именно в том, что народу Израиля, много страдавшему на протяжении поколений от рук египтян, теперь должно быть позволено уйти, как требовали их пророки, и отправиться туда, куда они пожелают, невредимыми. О нападении на нас на перевале он отмахнулся, сказав, что это было злое дело нескольких зелотов, вызванное воображаемым оскорблением их бога, деяние, за которое не должен страдать весь народ. Последними словами отчета были:

“Помни, о фараон, молю тебя, что Амон, бог египтян, и Яхве, бог израильтян, не могут править вместе на одной земле. Если оба останутся в Египте, начнется война богов, в которой смертные могут быть стерты в порошок. Поэтому, я молю тебя, отпусти Израиль”.

После того, как я встал и пришел в себя, я переписал этот отчет своим самым аккуратным почерком, отказываясь раскрывать что-либо о его содержании, хотя все просили, в том числе визирь Нехези, который предложил мне взятку за раскрытие его секрета. Не знаю, как это дошло до ушей Сети, и он был очень доволен мной по этому поводу, сказав, что рад узнать, что в Египте есть один писец, которого нельзя купить. Таусерт тоже расспрашивала меня, и когда я отказался отвечать, как ни странно, не рассердилась, потому что, как она заявила, я всего лишь выполнял свой долг.

Наконец свиток был закончен и запечатан, и принц собственноручно, но без лишних слов, положил его на колени фараону при публичном Дворе, поскольку никому другому он не доверил бы это сделать. Аменмес также представил свой отчет, как и визирь Нехези и капитан стражи, которая спасла нас от смерти. Восемь дней спустя принц был вызван на большой Государственный совет, как и все остальные члены королевского дома вместе с высшими офицерами. Я тоже получил повестку, как человек, имевший отношение к этим делам.

Принц в сопровождении принцессы подъехал ко дворцу в золотой колеснице фараона, запряженной двумя молочно-белыми лошадьми тех самых знаменитых скакунов, которые спасли жизнь великому Рамсесу во время сирийской войны. По всем улицам, которые были заполнены тысячами людей, их встречали приветственными криками.

“Смотрите, ” сказал старый советник Бакенхонсу, который был моим спутником во второй колеснице, “Египет горд и рад. Оно считало, что его Принц - всего лишь мечтатель. Но теперь

оноуслышало рассказ о засаде на перевале и узнало, что он человек войны, воин, который может сражаться с лучшими. Поэтому оно любит его и радуется”.

- Тогда, согласно тому же правилу, Бакенхонсу, мясник должен быть более великим, чем мудрейший из писцов.

“ Так оно и есть, Ана, особенно если мясник - один из мужчин. Писатель творит, но убийца убивает, и в мире, где правит смерть, тот, кто убивает, имеет больше чести, чем тот, кто создает. Слушайте, теперь они выкрикивают ваше имя. Это потому, что вы автор определенных произведений? Говорю вам, нет. Это потому, что вы убили трех человек там, на перевале. Если ты хочешь стать знаменитой и любимой, Ана, прекрати писать книги и займись перерезанием горла”.

“И все же писатель продолжает жить, даже когда он мертв”.

“Ого!” - рассмеялся Бакенхонсу, - “Ты еще глупее, чем я думал. Какую пользу приносит человеку то, что происходит после его смерти? Ведь сегодня этот слепой нищий, скулящий на ступенях храма, значит для Египта больше, чем все мумии всех фараонов, если только их нельзя ограбить. Бери то, что может дать тебе жизнь, Ана, и не беспокойся о подношениях, которые лежат в гробницах и со временем рассыпаются.

- Это подлая вера, Бакенхонсу.

“ Очень подлая, Ана, как и все остальное, что мы можем попробовать и с чем можем справиться. Подлая вера, подходящая для подлых сердец, среди которых должны быть все, кроме одного на каждую тысячу. И все же, если ты хочешь преуспеть, следуй этому, и когда ты умрешь, я приду, посмеюсь над твоей могилой и скажу: ”Здесь покоится тот, от кого я надеялся на более высокие свершения, как я надеюсь на них от твоего учителя”.

- И не напрасно, Бакенхонсу, что бы ни случилось со слугой.

“ Это мы узнаем, и, я думаю, очень скоро. Интересно, кто поедет рядом с ним до следующего разлива Нила? К тому времени, возможно, он сменит золотую колесницу фараона на повозку, запряженную волами, и вы будете подгонять волов и говорить с ним о звездах — или, может быть, о луне. Что ж, вы оба могли бы быть счастливее, а лунная богиня - ревнивая богиня, которая любит поклонение. Ого-го! Вот и дворцовые ступени. Помоги мне спуститься, Жрец Владычицы Луны.

Мы вошли во дворец, и нас провели через большой зал в комнату поменьше, где фараон, не надевший парадных одежд, ожидал нас, сидя в кедровом кресле. Взглянув на него, я увидел, что его лицо было суровым и озабоченным; кроме того, мне показалось, что он постарел. Принц и принцесса поклонились ему, как и мы, простые люди, но он не обратил на это внимания. Когда все собрались и двери закрылись, фараон сказал:

“ Я прочитал твой отчет, сын Сети, о твоём визите к израильтянам и обо всем, что с тобой произошло; а также отчеты о тебе, племянник Аменмес, и о вас, Офицерах, сопровождавших принца Египта. Прежде чем я расскажу о них, пусть Писец Ана, который сопровождал его высочество в колеснице, когда евреи напали на него, выйдет вперед и расскажет мне все, что произошло ”.

Итак, я подошел и, склонив голову, повторил свой рассказ, опустив, насколько это было возможно, только какие-либо упоминания о себе. Когда я закончил, фараон сказал:

“Тот, кто говорит лишь половину правды, иногда более коварен, чем лжец. Сидел ли ты тогда в колеснице, Писец, ничего не делая, пока принц сражался за свою жизнь? Или ты сбежал? Говори, Сети, и скажи, какую роль сыграл этот человек, хорошую или плохую.

Затем принц рассказал о моем участии в битве словами, от которых кровь бросилась мне в лицо. Он рассказал также, что это я, рискуя навлечь на себя его гнев, приказал охране из двадцати человек незаметно следовать за нами, замаскировал двух опытных солдат под возниц и думал отослать возницу позвать на помощь в начале схватки; что я тоже был ранен и только недавно оправился. Когда он закончил, фараон сказал:

“То, что эта история правдива, я знаю от других. Писец, ты хорошо поработал. Если бы не вы, сегодня его Высочество лежал бы на столе бальзамировщиков, чего он и заслуживает за свою глупость, и Египет скорбел бы от Фив до устьев Нила. Иди сюда.

Я подошел дрожащими шагами и преклонил колени перед его Величеством. На шее у него висела прекрасная цепь из кованого золота. Он взял его и набросил мне на голову, говоря:

“Поскольку ты показал себя храбрым и мудрым, вместе с этим золотом я дарю тебе титул советника и спутника короля, а также право начертать его на твоей погребальной стеле. Пусть это будет отмечено. Удаляйся, Писец Ана, советник и спутница короля.

Поэтому я в замешательстве удалился, и когда проходил мимо Сети, он прошептал мне на ухо:

- Я молю вас, милорд, не переставайте быть Спутником принца, потому что вы стали спутником короля.

Затем фараон приказал повысить в звании начальника стражи, раздать подарки каждому солдату и выделить средства для детей тех, кто был убит, с двойным пособием семьям двух мужчин, которых я передел в бегунов.

Покончив с этим, фараон снова заговорил, медленно и многозначительно, предварительно приказав всем слугам и страже покинуть помещение. Я тоже собирался уйти, но старый Бакенхонсу схватил меня за мантию, сказав, что в моем новом звании советника я имею право остаться.

“Принц Сети, ” сказал он, - после всего, что я услышал, я нахожу этот ваш отчет странным. Более того, его содержание действительно отличается от содержания графа Аменмеса и офицеров. Вы советуете мне позволить этим израильтянам идти, куда они пожелают, из-за определенных трудностей, которые они перенесли в прошлом, которые, однако, сделали их многочисленными и богатыми. Этому совету я не намерен следовать. Скорее я намерен послать армию в землю Гесем с приказом отправить этот народ, замышлявший убийство принца Египта, через Врата Запада, чтобы он поклонялся своему богу на небесах или в аду. Да, чтобы убить их всех, от седобородого до грудного младенца.

- Я слышу фараона, - тихо сказал Сети.

“Такова моя воля, ” продолжал Менептах, “ и те, кто сопровождал тебя в твоём деле, и все мои советники думают так же, как я, ибо поистине Египет не может вынести такой отвратительной измены. Тем не менее, согласно нашим законам и обычаям, необходимо, прежде чем будут предприняты такие великие военные и политические действия, чтобы тот, кто стоит рядом с тронem и кому суждено занять его, дал на это согласие. Ты согласен, принц Египта?”

“ Я не согласен, фараон. Я думаю, было бы злодеянием, если бы десятки тысяч были убиты по той причине, что несколько дураков подстерегли человека королевской крови, потому что по неосторожности он осквернил их святилище”.

Теперь я видел, что этот ответ разгневал фараона, ибо никогда прежде его воля не нарушалась таким образом. Все же он взял себя в руки и спросил:

- Значит, ты согласен, принц, на более мягкий приговор, а именно на то, что еврейский народ должен быть разделен; что наиболее опасные из них должны быть отправлены на работу в пустынные рудники и каменоломни, а остальные распределены по всему Египту, чтобы жить там в качестве рабов?

“ Я не согласен, фараон. Мой скромный совет записан в этом свитке и не может быть изменен.

Глаза Менептаха вспыхнули, но он снова овладел собой и спросил:

- Если ты придешь занять мое место, принц Сети, скажи нам, собравшимся здесь, какую политику ты будешь проводить по отношению к этим евреям?

“Такова политика, о фараон, которую я изложил в свитке. Если когда-нибудь я займу трон, я позволю им идти, куда они пожелают, забрав с собой их имущество”.

Теперь все присутствующие уставились на него и зашептались. Но фараон поднялся, дрожа от гнева. Схватив свою рясу за то место, где она была застегнута на груди, он разорвал ее и закричал страшным голосом:

“Услышьте его, вы, боги Египта! Услышьте моего сына, который бросает мне вызов в лицо и готов подставить ваши шеи под пята чужого бога. Принц Сети, в присутствии этих членов королевской семьи и этих моих советников я...”

Он больше ничего не сказал, потому что принцесса Таусерт, которая до сих пор хранила молчание, подбежала к нему и, обняв, начала что-то шептать ему на ухо. Он выслушал ее, затем сел и заговорил снова:

“ Принцесса напомнила мне, что это важное дело, к которому не следует подходить поспешно. Может случиться так, что, когда Принц посоветуется с ней и со своим собственным сердцем и, возможно, обратится за мудростью к богам, он изменит слова, слетевшие с его губ. Я приказываю тебе, принц, ждать меня здесь в этот же час на третий день после этого. Тем временем я приказываю всем присутствующим под страхом смерти ничего не говорить о том, что произошло в этих стенах”.

- Я слышу фараона, - сказал принц, кланяясь.

Менептах поднялся, чтобы показать, что Совет окончен, когда к нему подошел визирь Нехези и спросил:

“А что с еврейскими пленниками, о фараон, с теми убийцами, которые были схвачены на перевале?”

“Их вина доказана. Пусть их бьют розгами до смерти, а если у них есть жены или дети, пусть их схватят и продадут в рабство”.

“Да будет воля фараона!” - сказал визирь.

ГЛАВА IX. СОКРУШЕНИЕ АМОНА

В тот вечер я неловко сидел в своей рабочей комнате во дворце Сети, притворяясь, что пишу, я, который чувствовал, что моему господину принцу угрожает великое зло, и не знал, что сделать, чтобы отвлечь его от него. Дверь открылась, и появился старый камергер Памбаса и обратился ко мне по моим новым титулам, сказав, что еврейская леди Мерапи, которая была моей сиделкой во время болезни, желает поговорить со мной. Вскоре она подошла и встала передо мной.

- Писец Ана, - сказала она, - я только что видела моего дядю Джабиза, который пришел или был послан ко мне с сообщением, - и она заколебалась.

“Зачем его послали, госпожа? Сообщить тебе новости о Лаване?”

“Это не так. Лаван сбежал, и никто не знает, где он, а Джабез избежал больших неприятностей только как дядя предательницы, взяв на себя эту миссию”.

“В чем заключается миссия?”

- Просить меня, если я хочу спастись от смерти и Божьего возмездия, воздействовать на сердце его Высочества, чего я не знаю, как сделать...

- И все же я думаю, ты могла бы найти способ, Мерапи.

“... кроме тебя, его друга и советчика, ” продолжала она, отворачивая лицо. “Джабез узнал, что на уме у фараона полное уничтожение народа Израиля”.

- Откуда он это знает, Мерапи?

“Я не могу сказать, но я думаю, что все евреи знают. Я знал это сам, хотя никто мне не говорил. Он также узнал, что по закону Египта это не может быть сделано без согласия принца, являющегося наследником престола и достигшего совершеннолетия. Теперь я пришел просить вас умолять принца не соглашаться”.

“Почему бы тебе самой не помолиться принцу, Мерапи...” - начала я, когда из тени позади себя услышала голос Сети, который вошел через отдельную дверь с какими-то письменами в руке и сказал:

“И какую молитву леди Мерапи хочет вознести ко мне? Нет, восстань и говори, Луна Израиля.

“О принц, - взмолилась она, - я молюсь о том, чтобы ты спас евреев от смерти от меча, поскольку ты один в силах это сделать”.

В этот момент двери открылись, и в комнату влетела королевская Усерти.

“Что здесь делает эта женщина?” - спросила она.

“Я думаю, что она пришла повидать Ану, жену, как это сделал я и как, несомненно, делаешь ты. Также, находясь здесь, она молит меня спасти ее народ от меча”.

- И я молю тебя, муж мой, предать ее народ мечу, который они заслужили, который убил бы тебя.

“И каждому из них заплатили, Усерти, если только кто-то еще не застрял под розгами”, - добавил он с содроганием. “Остальные невиновны — почему они должны умирать?”

“Потому что на этом держится твой трон, Сети. Я говорю, что если ты продолжишь препятствовать воле фараона, что по закону Египта ты можешь сделать, он лишит тебя наследства и поставит на твое место твоего кузена Аменмеса, что он может сделать по закону Египта”.

“Я так и думал, Таусерти. И все же, почему я должен отворачиваться от правых из-за вопроса о моей личной судьбе? Вопрос в том, правильно ли это?”

Она устала на него в изумлении, она, которая никогда не понимала Сети и не могла мечтать, что он откажется от величайшего трона во всем мире, чтобы спасти подвластный народ, просто потому, что считал, что они не должны умереть. И все же, повинувшись какому-то инстинкту, она оставила первый вопрос без ответа, обратившись только ко второму.

“Это правильно,” сказала она, - по многим причинам, из которых мне нужно назвать только одну, ибо в ней кроются все остальные. Боги Египта - это истинные боги, которым мы должны служить и повиноваться, или погибнем здесь и в будущей жизни. Бог израильтян - ложный бог, а те, кто поклоняется ему, - еретики, и за свою ересь они приговорены к смертной казни. Поэтому совершенно справедливо, чтобы те, кого осудили истинные боги, умерли от мечей их слуг”.

“Это хорошо аргументировано, Таусерт, и если это так, то, возможно, мое мнение в этом вопросе совпадет с твоим, так что я больше не буду стоять между фараоном и его желаниями. Но так ли это? Вот в чем проблема. Я не буду спрашивать вас, почему вы говорите, что боги египтян - истинные боги, потому что я знаю, что вы ответили бы, или, скорее, что вы не смогли бы дать ответа. Но я спрошу эту леди, является ли ее бог ложным богом, и если она ответит, что это не так, я попрошу ее доказать мне это, если она сможет. Если она сможет это доказать, тогда я думаю, что то, что я сказал фараону сегодня, я повторю через три дня. Если она не сможет это доказать, тогда я очень серьезно рассмотрю этот вопрос. Отвечай сейчас, Луна Израиля, помня, что от того, что ты скажешь, могут зависеть многие тысячи жизней”.

“О ваше высочество”, - начала Мерапи. Затем она сделала паузу, сложила руки и посмотрела вверх. Я думаю, что она молилась, потому что ее губы шевелились. Пока она стояла так, я увидел, и, думаю, Сети тоже увидел, как на ее лице разгорается чудесный свет, который собирается в ее глазах, своего рода божественный огонь вдохновения и решимости.

“Как я могу, бедная еврейская девушка, доказать вашему высочеству, что мой Бог - истинный Бог, а боги Египта - ложные боги? Я не знаю, и все же, есть ли какой-нибудь один бог среди всего того множества, которому вы поклоняетесь, которого вы готовы противопоставить ему?”

“Конечно, Израэлитянин”, - ответила Таусерт. “Есть Амон-Ра, Отец богов, от которого происходят все другие боги и от которого они черпают свою силу. Вон его статуя стоит в святилище его древнего храма. Пусть твой бог сдвинет его с места! Но что ты выдвинешь против величия Амона-Ра?”

- У моего Бога нет статуй, принцесса, и его место в сердцах людей, по крайней мере, так меня учили его пророки. Мне нечего предложить в этой войне, кроме того, что должно быть предложено во всех войнах — моей жизни”.

- Что вы имеете в виду? - изумленно спросил Сети.

“Я имею в виду, что я, лишенный друзей и одинокий, предстану перед Амоном-Ра в избранном им святилище и во имя моего Бога брошу ему вызов убить меня, если он сможет”.

Мы уставились на нее, и Таусерт воскликнула:

“ Если он сможет! Выслушай сейчас эту богохульницу, и принимаешь ли ты, Сети, ее вызов как наследственного верховного жреца бога Амона? Пусть она жизнью заплатит за свое святотатство”.

“А если великий бог Амон не сможет или не соизволит убить тебя, Госпожа, как это докажет, что твой бог сильнее его?” - спросил принц. “Возможно, он улыбнулся бы и в своей жалости пропустил оскорбление мимо ушей, как это сделал со мной твой бог”.

“ Так будет доказано, ваше высочество. Если со мной ничего не случится, или если я буду защищен от всего, что случится, тогда я осмелюсь призвать моего бога сотворить знамение и чудо и смирить Амона-Ра перед твоими глазами”.

“И если ваш бог тоже улыбнется и оставит все как есть, Госпожа, как он сделал со мной на днях, когда его жрецы призвали его, что мы узнаем о его силе или о силе Амона-Ра?”

“О принц, ты ничему не научишься. И все же, если я спасусь от гнева Амона и мой Бог останется глух к моей молитве, тогда я готов быть переданным в руки жрецов Амона, чтобы они могли отомстить мне за святотатство”.

“В этом говорит великое сердце, - сказал Сети. - и все же я не возражаю, чтобы эта леди посвятила свою жизнь такому вопросу. Я не верю, что ни верховный бог Египта, ни бог Израиля пошевелиятся, но я совершенно уверен, что жрецы Амона отомстят за святотатство, и притом достаточно жестоко. Ставки против вас, леди. Вы не должны доказывать свою веру кровью.

“Почему бы и нет?” - спросила Таусерт. “ Что тебе за дело до этой девушки, Сети, что ты стоишь между ней и плодом ее злодеяний, ты, который, по крайней мере, номинально, являешься верховным жрецом бога, которого она богохульствует, и который надевает его одежды на храмовые праздники? Она верит в своего бога, предоставьте ее богу помочь ей, как она осмелилась сказать, он поможет ”.

“ Ты веришь в Амона, Таусерт. Ты готова поставить свою жизнь против ее в этом состязании?”

“Я не настолько безумен и тщеславен, Сети, чтобы верить, что бог всего мира спустится с небес, чтобы спасти меня по моей молитве, как эта нечестивая девчонка притворяется, что верит”.

“Ты отказываешься. Тогда, Ана, что скажешь ты, верная поклонница Амона?”

- Я говорю, о принц, что с моей стороны было бы самонадеянно брать верх над его верховным жрецом в таком вопросе.

Сети улыбнулся и ответил:

- И первосвященник говорит, что с его стороны было бы самонадеянно так далеко заходить в прерогативах высокого поста, к которому он никогда не стремился.

“Ваше высочество, ” вмешалась Мерапи своим сладким, умоляющим голосом, “я молю вас быть милостивыми ко мне и позволить мне пройти это испытание, которого я добивалась, сама не знаю почему. Слова, подобные тем, что я произнес, не могут быть отозваны. Они уже занесены в книги Вечности и рано или поздно, тем или иным способом, должны исполниться. На карту поставлена моя жизнь, и я желаю немедленно узнать, будет ли она потеряна”.

Теперь даже Таусерт посмотрела на нее с восхищением, но ответила только:

“По правде говоря, Израильтянин, я верю, что это мужество не покинет тебя, когда ты будешь передан на милость Ки, Приносящего Жертву Амону, и жрецов в подземельях храма, который ты хотел осквернить”.

“Я также верю, что этого не случится, ваше высочество, если такова будет моя судьба. Ваше слово, принц Египта.

Сети посмотрел на нее, стоящую перед ним так спокойно, со склоненной головой и скрещенными на груди руками. Затем он посмотрел на Таусерт, на лице которой играла насмешливая улыбка. Она поняла значение этой улыбки так же, как и я. Дело было в том, что она не верила, что он позволит этой красивой женщине, спасшей ему жизнь, рисковать своей жизнью ради какой-либо или всех сил небес или ада. Некоторое время он ходил взад и вперед по комнате, затем остановился и внезапно сказал, обращаясь не к Мерапи, а к Таусерт:

“Будь по-твоему, помни, что если эта храбрая женщина потерпит неудачу и умрет, ее кровь будет на твоих руках, и что если она восторжествует и останется жива, я буду считать ее одной из благороднейших представительниц своего пола и изучу все эти религиозные вопросы. Мун Израэль, как титульный первосвященник Амона-Ра, я принимаю твой вызов от имени бога, хотя я не знаю, примет ли он это к сведению. Суд состоится завтра вечером в святилище храма, в час, который будет сообщен вам. Я буду присутствовать, чтобы убедиться, что вы предстанете перед правосудием, как и некоторые другие. Запиши мои приказы, Писец Ана, и пусть будут вызваны главный жрец Амона, Рои, и приносящий жертвы Амону, Ки Маг, чтобы я мог поговорить с ними. Прощайте, леди.

Она пошла, но у двери обернулась и сказала:

“Я благодарю тебя, принц, от своего имени и от имени моего народа. Каковы бы ни были шансы, я умоляю вас, не забывают молитву, которую я вознес к вам, чтобы спасти их, невинных, от меча. Теперь я прошу, чтобы меня оставили в покое до тех пор, пока меня не призовут в храм,

где я должен как можно лучше подготовиться к встрече со своей судьбой, какой бы она ни была”.

Таусерти тоже удалилась, не сказав ни слова.

“О! друг, что я наделал?” - сказал Сети. “Есть ли боги? Скажи мне, есть ли боги?”

“Возможно, мы узнаем это завтра вечером, принц”, - ответил я. “По крайней мере, Мерапи думает, что бог есть, и, несомненно, ей было приказано проверить свою веру. Это, как я полагаю, было настоящим посланием, которое Джейбиз передал ей от ее дяди ”.

Это был час перед рассветом, как раз когда ночь самая темная. Мы стояли в святилище древнего храма Амона-Ра, освещенного множеством ламп. Это было ужасное место. С обеих сторон огромные колонны возвышались до массивной крыши. Во главе святилища стояла статуя Амона-Ра, в три раза превышающая человеческий рост. На его челе, поднимаясь из короны, были два высоких каменных пера, а в руках он держал Бич Правления и символы Могуущества и Вечности. Свет лампы мерцал на его суровом и ужасном лице, обращенном на восток. Справа от него стояла статуя Мут, Матери всего сущего. На голове у нее была двойная корона Египта и герб Урея, а в руке - крест в виде петли, знак вечной Жизни. Слева от него сидел Хонсу, бог луны с ястребиной головой. На голове у него был полумесяц молодой луны, несущий диск полной луны; в правой руке он также держал крест в виде петли, знак вечной Жизни, а в левой - Посох Силы. Такова была эта могущественная триада, но величайшим из них был Амон-Ра, которому было посвящено святилище. Внушающие страх, они возвышались над нами на фоне черноты.

Там собрались принц Сети, одетый в белое одеяние жреца и льняной головной убор, но без украшений, и принцесса Усерти, верховная жрица Хатхор, Владычицы Запада, Богини Любви и Природы. На ней был головной убор Хатхор в виде стервятника, а на нем - серебряный диск луны. Также присутствовали Рои, главный жрец, одетый в свои жреческие одежды, старый и иссохший человек с сильным, свирепым лицом, Ки, Приносящий Жертвы и Маг, Бакенхонсу древний, я и компания жрецов Амона-Ра, Мут и Хонсу. Из-за статуй доносились звуки торжественного пения, хотя кто пел, мы не могли разглядеть.

Вскоре из темноты, лежавшей за пределами ламп, появилась женщина, которую вели две жрицы и которая была закутана в длинный плащ. Они вывели ее на открытое место перед статуей Амона, забрали у нее плащ и ушли, оглядываясь на нее глазами, полными ненависти и страха. Там перед нами стояла Мерапи, одетая в белое, с простым платком на голове, скрепленным под подбородком застежкой-скарабеем, которую Сети подарил ей в городе Гошен, - одно ярко-голубое пятнышко среди белого облака. Она не смотрела ни направо, ни налево от себя. Только один раз она взглянула на возвышающуюся статую бога, нахмурившегося над ней, затем, слегка вздрогнув, устремила взгляд на узор пола.

“ Как она выглядит? - прошептал мне Бакенхонсу.

- Труп, приготовленный для бальзамирования, - ответил я.

Он покачал своей огромной головой.

“Затем невеста приготовилась к встрече со своим мужем”.

Он снова покачал головой.

- Тогда жрица, собирающаяся прочесть из свитка Тайн.

“Теперь у тебя есть это, Ана, и ты понимаешь, что она читает, что удастся немногим жрицам. Кроме того, все три ответа были правильными, потому что в этой женщине я, кажется, вижу обреченность, которая есть Смерть, жизнь, которая есть Любовь, и дух, который есть Сила. У нее есть душа, которую поцеловали и Небо, и Земля”.

- Да, но кто из них в конце концов заявит на нее права?

“ Это мы узнаем до рассвета, Ана. Тише! битва начинается.

Главный жрец Рои выступил вперед и, встав перед богом, окропил его ноги водой и благовониями. Затем он простер руки, на которые пали ниц все присутствующие, за исключением только Мерапи, которая стояла одна в этом огромном месте, как выжившая в битве.

“Приветствую тебя, Амон-Ра, ” начал он, “ Владыка Небес, Создатель всего сущего, Творец богов, который разверз небеса и заложил основы Земли. О бог богов, пред тобою предстает эта женщина Мерапи, дочь Нафана, дитя еврейской расы, которая не владеет тобой. Эта женщина поносит твое могущество; эта женщина бросает тебе вызов; эта женщина ставит своего бога выше тебя. Не так ли, женщина?”

“Это так”, - тихо ответила Мерапи.

Так она бросает вызов тебе, ты Лишь Одна из многих Форм, говоря: "Если бог египтян Амон более великий, чем мой бог, пусть он вырвет меня из объятий моего бога и здесь, в этом святилище Амона, лишит дыхания мои губы и оставит меня глиняным созданием'. Это твои слова, о женщина?”

“Это мои слова”, - сказала она тем же тихим голосом, и о! Я вздрогнула, услышав это.

Священник продолжал.

“О Владыка Времени, Владыка Жизни, Владыка Духов и Божеств Небес, Владыка Ужаса, явись сейчас в своей величии и сотри этого богохульника в прах”.

Рои удалился, и Сети выступил вперед.

“Знай, о бог Амон, ” сказал он, обращаясь к статуе, как будто разговаривал с живым человеком, “ из уст меня, твоего верховного жреца, по рождению принца и наследника Египта, что от этого дела зависят великие дела здесь, в Земле Египта, возможно, даже от того, кто сядет на трон, который ты отдаешь ее царям. Эта израильтянка бросает тебе вызов прямо в лицо, говоря, что есть бог более великий, чем ты, и что ты не можешь причинить ей вреда из-за его силы. Более того, она говорит, что призовет своего бога сотворить над тобой знамение и чудо. Наконец, она говорит, что если ты не причинишь ей вреда и если ее бог не сотворит над тобой никакого знамения, то она готова быть переданной твоим священникам и умереть смертью богохульницы. Твоя честь поставлена против ее жизни, о великий Бог Египта, и мы, твои почитатели, следим за тем, чтобы чаша весов повернулась в другую сторону”.

“Хорошо и справедливо сказано”, - пробормотал мне Бакенхонсу. “Теперь, если Амон подведет нас, что ты подумаешь об Амоне, Ана?”

“Я узнаю, что у верховного жреца на уме, и буду думать то, что думает верховный жрец”, - мрачно ответил я, хотя в глубине души ужасно боялся за Мерапи, и, по правде говоря, за себя тоже, из-за сомнений, которые возникли во мне и не хотели угасать.

Сети отошел, заняв позицию рядом с Таусерт, а Ки выступил вперед и сказал:

“О Амон, я, твой Жертвенник, Я, твой Волшебник, которому ты даешь силу, я, жрец и слуга Исиды, Матери Мистерий, Царицы сонма богов, взываю к тебе. Та, кто стоит перед тобою, всего лишь еврейская женщина. И все же, как ты хорошо знаешь, о Отец, в этом доме она больше, чем женщина, поскольку она - Голос и Меч твоего врага, Яхве, бога израильтян. Возможно, она думает, что пришла сюда по собственной воле, но ты знаешь, отец Амон, как знаю и я, что она послана великими пророками ее народа, теми волшебниками, которые направляют ее душу заклинаниями, чтобы сотворить тебе зло и поставить тебя, Амон, под каблук Яхве. Ставка кажется незначительной, жизнь одной этой девушки, не более; и все же она очень велика. Ставка такова, о Отец: будет ли Амон править миром, или Яхве. Если ты падешь сегодня ночью, ты падешь навсегда; если ты восторжествуешь сегодня ночью, ты восторжествуешь навсегда. В этом облике камня скрывается твой дух; в этом облике женской плоти скрывается дух твоего врага. Порази ее, о Амон, разрушь ее в мелкую пыль; пусть сила, которая в ней, не одержит верх над твоей мощью, чтобы твое имя не было осквернено и скорби и потери не пришли на землю, которая является твоим тронem; чтобы также волшебники Израиля не одолели нас, твоих слуг. Так молится Ки, твой волшебник, на душу которого тебе было угодно излить силу и мудрость”.

Затем последовало глубокое молчание.

Наблюдая за статуей бога, вскоре мне показалось, что она зашевелилась, и, как я мог видеть по движению среди них, то же самое сделали и остальные. Мне показалось, что его каменные глаза закатились, я подумал, что он поднял Бич Власти в своей гранитной руке, хотя было ли это сделано каким-то духом, или каким-то жрецом, или магией Ки, я не знаю. По крайней мере, сильный ветер начал дуть по храму, шевеля наши одежды и заставляя лампы мерцать. Только одежды Мерапи не шевелились. И все же она увидела то, чего не мог видеть я, потому что внезапно в ее глазах появился испуг.

“ Бог проснулся, ” прошептал Бакенхонсу. “ А теперь прощай, твоя прекрасная Израильянка. Смотри, принц дрожит, Ки улыбается, а лицо Таусерт светится торжеством”.

Пока он говорил, голубой скарабей был сорван с груди Мерапи, словно чья-то рука. Оно упало на пол вместе с ее платочком, так что теперь она появилась со своими роскошными волосами, ниспадающими на халат. Затем глаза статуи, казалось, перестали вращаться, ветер перестал дуть, и снова воцарилась тишина.

Мерапи наклонилась, подняла платок, водрузила его на голову, нашла застежку в виде скарабея и очень тихо, как это могла бы сделать женщина, которая устала, снова застегнула его на место, при виде чего я услышал, как Таусерт ахнула.

Мы долго ждали. Наблюдая за лицами прихожан, я увидел изумление и сомнение на лицах священников, ярость на лице Ки, а на лице Сети промелькнула легкая улыбка. Глаза Мерапи

были закрыты, как будто она спала. Наконец она открыла их и, повернув голову к принцу, сказала:

“О верховный жрец Амона-Ра, твой бог исполнил свою волю надо мной, или я должен подождать еще, прежде чем взывать к моему Богу?”

“Делай, что хочешь или можешь, женщина, и положи конец, ибо почти на рассвете начинается богослужение в храме”.

Затем Мерапи сложила руки и, глядя вверх, очень нежно и просто помолилась вслух, сказав:

“О Боже моих отцов, уповая на Тебя, я, бедная служанка из народа Твоего Израиля, отдала жизнь, которую Ты дал мне, в Твою Руку. Если, как я верю, Ты Бог богов, я молю Тебя, яви знамение и чудо этому богу египтян, и тем самым объяви о Своей Чести и сохрани дыхание в моей груди. Если это не угодно Тебе, тогда позволь мне умереть, поскольку я, несомненно, заслуживаю этого за свои многочисленные грехи. О Боже моих отцов, я помолился. Услышь это или отвергни, согласно Твоей Воле”.

Так она закончила, и, слушая ее, я почувствовала, как слезы подступают к моим глазам, потому что она была так одинока, и я боялась, что этот ее бог никогда не придет, чтобы спасти ее от мучений священников. Сети тоже отвернулся и уставился в небо над открытым двором святилища, где собирались огни рассвета.

Снова воцарилось молчание. Затем снова подул ветер, очень сильный, погасив лампы и, как мне показалось, унес Мерапи с того места, где она была, так что теперь она стояла сбоку от статуи. Святилище было погружено во мрак, пока наконец первые лучи восходящего солнца не упали на крышу. Они падали все ниже и ниже, минута за минутой, пока, наконец, не остановились подобно огненному мечу на статуе Амона-Ра. И снова эта статуя, казалось, пришла в движение. Я подумал, что он поднял свои каменные руки, чтобы защитить голову. Затем через мгновение с раздирающим шумом его могучая масса разлетелась на части и рассыпалась мелкой пылью вокруг трона, почти скрыв его из виду.

“Вот, мой Бог ответил мне, самому смиренному из Своих слуг”, - сказала Мерапи тем же сладким и нежным голосом. “Узрите знамение и чудо!”

“Ведьма!” - закричал верховный жрец Рои и бросился прочь, сопровождаемый своими товарищами.

- Колдунья! - прошипела Таусерт и тоже убежала, как и все остальные, за исключением принца, Бакенхонсу, И Аны и Волшебника Ки.

Мы стояли пораженные, и пока мы это делали, Ки повернулся к Мерапи и заговорил. Его лицо было ужасно от страха и ярости, а глаза сияли, как лампы. Хотя он говорил только шепотом, я, стоявший ближе всех к ним, слышал все, что было сказано, чего не могли сделать другие.

- Твоя магия хороша, Израэлит, - пробормотал он, - настолько хороша, что превзошла мою здесь, в храме, где я служу.

“У меня нет магии,” ответила она очень тихо. - Я выполнила приказ, не более.

Он горько рассмеялся и спросил:

“Должны ли двое из трейдеров тратить время на глупости? Послушай теперь. Научи меня своим секретам, а я научу тебя своим, и вместе мы будем править Египтом, как колесницей”.

“У меня нет секретов, у меня есть только вера”, - снова сказала Мерапи.

“Женщина,” продолжал он, “женщина или дьявол, ты примешь меня за друга или за врага? Здесь я был опозорен, поскольку именно мне, а не их богам, жрецы доверили уничтожить тебя. И все же я все еще могу простить. Выбирай сейчас, зная, что как моя дружба приведет тебя к власти, к жизни и великолепию, так и моя ненависть приведет тебя к позору и смерти”.

“Ты вне себя и не ведаешь, что говоришь. Я говорю тебе, что у меня нет магии, которую я могла бы дать или удержать,” ответила она как человек, который не понимает или ему безразлично, и отвернулась от него.

После этого он пробормотал какое-то проклятие, которого я не смог разобрать, поклонился куче пыли, бывшей статуей бога, и исчез среди колонн святилища.

“Охо-хо!” рассмеялся Бакенхонсу. “Не напрасно я дожил до такой глубокой старости, ибо теперь, кажется, у нас в Египте появился новый бог, и там стоит его пророчица”.

Мерапи подошла к принцу.

“О верховный жрец Амона, - сказала она, - не угодно ли тебе отпустить меня, ибо я очень устала?”

ГЛАВА X. СМЕРТЬ ФАРАОНА

Это был назначенный день и час. По приказу принца я поехала с ним во дворец фараона, где ее Высочество принцесса отказалась быть его спутницей, и мы впервые поговорили о том, что произошло в храме.

“Ты видел госпожу Мерапи?” - спросил он меня.

Я ответил Отрицательно, поскольку мне сказали, что она заболела у себя дома и лежит в постели, страдая от усталости или, я не знал, от чего еще.

“Ей хорошо, что она остается там, - сказал Сети. - Я думаю, что если бы она вышла, эти священники убили бы ее, если бы могли. Также есть и другие, - и он оглянулся на колесницу, в которой торжественно восседала Таусерт. - Скажи, Ана, ты можешь объяснить все это?”

“Не я, принц. Я подумал, что, возможно, ваше Высочество, верховный жрец Амона, могли бы дать мне свет.

“Верховный жрец Амона блуждает в густой темноте. Ки и остальные клянутся, что эта израильтянка - колдунья, которая превзошла их магию, но мне кажется проще поверить, что то, что она говорит, правда; что ее бог больше Амона.

- И если это правда, принц, что должны делать мы, поклявшиеся богам Египта?

- Склоняем головы и падаем вместе с ними, я полагаю, Ана, поскольку честь не позволит нам покинуть их.

- Даже если они фальшивые, принц?

“ Я не думаю, что они лживы, Ана, хотя, возможно, они менее правдивы. По крайней мере, они - боги египтян, а мы - египтяне ”. Он сделал паузу и окинул взглядом многолюдные улицы, затем добавил: “Видите ли, когда я проходил этим путем три дня назад, люди встретили меня приветственными криками. Теперь они молчат, все до единого”.

- Возможно, они слышали о том, что произошло в храме.

“ Несомненно, но не это беспокоит тех, кто думает, что боги могут сами себя защитить. Они также слышали, что я собираюсь подружиться с евреями, которых они ненавидят, и поэтому они начинают ненавидеть меня. Почему я должен жаловаться, когда фараон указывает им путь?”

- Принц, - прошептал я, - что ты скажешь фараону?

“ Это зависит от того, что скажет мне фараон. Ана, если я не покину наших богов, потому что они кажутся мне слабее, хотя это должно пойти мне на пользу, неужели ты думаешь, что я покину этих евреев, потому что они кажутся мне слабее, даже ради того, чтобы занять трон?”

“Здесь говорит величие”, - пробормотал я, и когда мы сошли с колесницы, он поблагодарил меня взглядом.

Мы прошли через большой зал в ту самую комнату, где фараон подарил мне золотую цепь. Он уже сидел во главе зала и носил на голове двойную корону. Вокруг него собрались все особы королевской крови и великие государственные деятели. Мы поклонились, но он, казалось, не обратил на это внимания. Его глаза были почти закрыты, и для меня он выглядел как человек, который очень болен. Принцесса Таусерт вошла вслед за нами, и он сказал ей несколько приветственных слов, протянув руку для поцелуя. Затем он приказал закрыть двери. Как только он это сделал, вошел придворный и сказал, что от евреев прибыл гонец, который желает поговорить с фараоном.

“Пусть войдет”, - сказал Менептах, и вскоре он появился.

Это был мужчина средних лет с дикими глазами, с длинными волосами, ниспадавшими на его одежду из овчины. Мне он показался прорицателем. Он встал перед фараоном, не поздоровавшись.

“Доставь свое послание и уходи”, - сказал визирь Нехези.

“Это слова Отцов Израиля, сказанные моими устами”, - воскликнул человек голосом, который разнесся по всему сводчатому помещению. “Дошли до наших ушей, о фараон, что женщина Мерапи, дочь Натана, которая нашла убежище в твоём городе, та, кого зовут Мун Исраэль, показала себя могущественной пророчицей, той, кому наш Бог дал силу, в том, что, стоя одна среди египетских жрецов и магов Амона, она не пострадала от их колдовства и смогла мечом молитвы обратить идола Амона в прах. Мы требуем, чтобы эта пророчица была возвращена нам, дав клятву с нашей стороны, что она будет в целости и сохранности передана своему

нареченному мужу и что ей не причинят вреда за любые преступления или измены, которые она могла совершить против своего народа ”.

“Что касается этого вопроса, ” спокойно ответил фараон, “ помолись принцу Египта, в доме которого, как я понимаю, живет эта женщина. Если ему угодно выдать ее, которая, как я понимаю, ведьма или искусная исполнительница трюков, своему нареченному и ее родне, пусть он это сделает. Не фараону судить о судьбе частных рабов”.

Мужчина развернулся и обратился к Сети со словами:

“ Ты слышал, Сын короля. Ты выдашь эту женщину?

“Я также не обещаю ни выдать ее, ни не выдавать, - ответил Сети, - поскольку госпожа Мерапи не является членом моей семьи и у меня нет никакой власти над ней. Та, кто спасла мне жизнь, живет в моих стенах ради безопасности. Если ей угодно уйти, она может уйти; если ей угодно остаться, она может остаться. Когда этот Суд завершится, я даю вам разрешение явиться и в моем присутствии узнать ее удовольствие из ее уст ”.

“Ты получил свой ответ; теперь уходи”, - сказал Нехези.

“Нет, ” воскликнул человек, “ мне нужно сказать еще несколько слов. Так говорят отцы Израиля: мы знаем черный замысел твоего сердца, о фараон. Нам было открыто, что вы хотите предать евреев мечу, так же как принц Египта хочет спасти их от меча. Измени свое решение, о фараон, и побыстрее, пока смерть не обрушилась на тебя с небес”.

“ Прекратите! ” прогремел Менептах голосом, который заглушил ропот придворных. “ Пес иудейский, ты смеешь угрожать фараону на его собственном троне? Я говорю тебе, что если бы ты не был посланником и, следовательно, согласно нашему древнему закону, был в безопасности до захода солнца, тебя следовало бы разрубить на куски. Уведите его, и если его найдут в этом городе после наступления ночи, пусть он будет убит!”

Тогда несколько членов совета набросились на этого человека и грубо вытолкнули его вон. У двери он вырвался и крикнул:

“ Подумай над моими словами, фараон, прежде чем сядет это солнце. И вы, великие Египта, тоже подумайте о них, прежде чем они появятся снова”.

Они выгнали его ударами, и двери закрылись. Еще раз Менептах начал говорить, говоря:

“Теперь, когда этот скандалист ушел, что ты можешь сказать мне, принц Египта? Ты все еще даешь мне совет, который записал в свитке?” Ты все еще отказываешься, как наследник трона, согласиться с моим указом о том, чтобы эти проклятые евреи были уничтожены мечом моего правосудия?”

Теперь все обратили свои взоры на Сети, который немного подумал и ответил:

“Пусть фараон простит меня, но совет, который я дал, я все еще даю; согласие, от которого я отказался, я все еще отказываюсь, потому что мое сердце подсказывает мне, что так поступать правильно, и я думаю, что так Египет будет спасен от многих бед”.

Когда писцы закончили записывать эти слова, фараон снова спросил:

“Принц Египта, если в грядущий день ты займешь мое место, по-прежнему ли ты намерен позволить этому еврейскому народу уйти невредимым, забрав с собой богатства, которые они здесь собрали?”

-Пусть фараон простит меня, это по-прежнему мое намерение.

При этих роковых словах у всех, кто их слышал, вырвался вздох изумления. Прежде чем он затих, фараон повернулся к Таусерт и спросил:

- Таковы ли твой совет, твоя воля и твои намерения, о принцесса Египта?

“Пусть фараон услышит меня, ” ответила Таусерт холодным, ясным голосом, “ это не так. В этом великом деле мой господин принц идет одной дорогой, а я другой. Мой совет, воля и намерение принадлежат фараону”.

“Сети, сын мой, ” сказал Менептах более ласково, чем я когда-либо слышал от него прежде, “ в последний раз прошу тебя подумать не как твоего царя, а как твоего отца. Помня, что как в твоей власти, будучи совершеннолетним и будучи вместе со мной во многих государственных делах, отказаться от твоего согласия на великий государственный акт, так и в моей власти с согласия первосвященников и моих министров убрать тебя с моего пути. Сети, я могу лишить тебя наследства и поставить на твое место другого, и если ты будешь упорствовать, я сделаю именно это, и ни больше ни меньше. Поэтому подумай, сын мой.

Посреди напряженного молчания Сети ответил:

“Я все обдумал, о Отец мой, и, чего бы мне это ни стоило, я не могу отказаться от своих слов”.

Тогда фараон встал и воскликнул:

“Обратите внимание на всех, кто собрался здесь, и пусть это будет объявлено народу Египта за воротами, чтобы они также приняли к сведению, что я смещаю Сети, моего сына, с его места принца Египта и объявляю, что он отстранен от наследования двойной Короны. Примите к сведению, что мою дочь Усерти, принцессу Египта, жену принца Сети, я не низлагаю. Какими бы правами и наследством она ни обладала как наследница Египта, пусть эти права и наследство останутся за ней, и если у нее и принца Сети, который жив, родится ребенок, пусть этот ребенок будет наследником трона Египта. Примите к сведению, что, если такой ребенок не родится или до тех пор, пока он не родится, я назначаю своего племянника, графа Аменмеса, сына моего брата Хаэмуаса, ныне отправленного к Осирису, чтобы занять трон Египта, когда меня больше не будет. Подойди сюда, граф Аменмесес.

Он подошел и встал перед ним. Затем фараон снял со своей головы двойную корону, которую носил, и на мгновение возложил ее на лоб Аменмеса, сказав, надевая ее на свою собственную голову:

“Этим актом и знаком я назначаю тебя, Аменмес, царственным принцем Египта вместо моего сына, принца Сети, свергнутого. Удаляйся, принц Египта. Я сказал.

“ Жизнь! Кровь! Сила! ” воскликнули все присутствующие, склоняясь перед фараоном, все, кроме принца Сети, который не поклонился и не пошевелился. Только он закричал:

“И я слышал. Будет ли фараону угодно объявить, лишит ли он меня жизни вместе с моим царским наследием? Если да, то пусть это произойдет здесь и сейчас. Мой двоюродный брат Аменмес носит меч.

“Нет, сын мой, - печально ответил Менептах, - твоя жизнь остается в твоём распоряжении, а вместе с ней и все твоё личное положение и имущество, какое бы и где бы оно ни находилось”.

“Да будет исполнена воля фараона, ” равнодушно ответил Сети, - в этом, как и во всем остальном. Фараон сохраняет мне жизнь до тех пор, пока его преемник Аменмес не займет его место, когда оно будет занято”.

Менептах вздрогнул; эта мысль была для него новой.

“Выйди вперед, Аменмес, ” крикнул он, - и поклянись теперь тройной клятвой, которая не может быть нарушена. Поклянись Амоном, Птахом и Осирисом, богом смерти, что никогда не попытаешься причинить вред принцу Сети, твоему двоюродному брату, ни физически, ни в том состоянии и прерогативах, которые останутся за ним. Пусть Рои, верховный жрец Амона, произнесет клятву сейчас перед всеми нами”.

Итак, Рои произнес клятву в древней форме, которую было страшно даже слышать, и Аменмес, достаточно неохотно, как мне показалось, повторил ее за ним, добавив, однако, в конце такие слова: “Во всем этом я клянусь и все эти наказания в этом мире и в мире грядущем я призываю на свою голову при условии, что, когда придет время, принц Сети оставит меня в покое на троне, который фараону было угодно назначить мне”.

Теперь некоторые там роптали, что этого недостаточно, поскольку в их сердцах было мало тех, кто не любил Сети и не горевал, видя, что его таким образом лишили царского наследия из-за того, что его суждения отличались от суждений фараона по вопросу государственной политики. Но Сети только рассмеялся и презрительно сказал:

“Пусть будет так, ибо какую ценность имеют такие клятвы? Фараон на троне выше всех клятв, он должен отвечать только перед богами, а от сердец некоторых боги далеки. Пусть Аменмес не боится, что я поссорюсь с ним из-за короны, я, который, по правде говоря, никогда не стремился к пышности и заботам королевской семьи и который, лишенный всего этого, все еще обладаю всем, чего только могу пожелать. Отныне я иду своим путем как один из многих, знатный человек Египта — не более, и если в грядущий день фараону будет угодно сократить мои скитания, я не уверен, что даже тогда я буду так сильно горевать, поскольку доволен тем, что принял суд богов, как в конце концов должен поступить и он. И все же, фараон, отец мой, прежде чем мы расстанемся, я прошу разрешения высказать мысли, которые возникают у меня”.

- Говори дальше, - пробормотал Менептах.

“Фараон, с твоего позволения, я говорю тебе, что, по моему мнению, сегодня ты совершил очень злое дело, которое неприятно тем Силам, которые правят миром, кем бы и чем бы они ни были, а также то, которое навлечет на Египет печали, бесчисленные, как песок. Я верю, что эти евреи, которых вы несправедливо пытаетесь убить, поклоняются богу столь же великому, как и наш, и что они и он восторжествуют над Египтом. Я верю также, что могущественное наследие, которое вы отняли у меня, не принесет ни радости, ни почестей тому, кто его получил”.

Тут Аменмес шагнул вперед, но Менептах поднял руку, и он замолчал.

“ Я верю, фараон, — увы! что я должен сказать это, — что твои дни на земле сочтены и что в последний раз мы смотрим друг на друга живыми. Прощай, фараон, мой отец, которого я все еще люблю, возможно, в этот час расставания больше, чем когда-либо прежде. Прощай, Аменмес, принц Египта. Прими от меня это украшение, которое отныне должен носить только ты”, - и, сняв со своего головного убора царский венец, отмечающий наследника престола, он протянул его Аменмесу, который взял его и с торжествующей улыбкой надел себе на лоб.

Прощайте, лорды и советники; я надеюсь, что в лице этого принца вы найдете хозяина, который вам понравится больше, чем когда-либо мог бы быть я. Пойдем, Ана, друг мой, если тебе все еще приятно прильнуть ко мне ненадолго, теперь, когда мне больше нечего дать.

Несколько мгновений он стоял неподвижно, очень серьезно глядя на отца, который в ответ посмотрел на него со слезами в глубоко посаженных выцветших глазах.

Затем, хотя я не могу сказать, случайно ли это было, не обращая внимания на принцессу Таусерт, которая смотрела на него озадаченно и гневно, Сети выпрямился и воскликнул в древнем обличье:

“ Жизнь! Кровь! Сила! Фараон! Фараон! Фараон! - и поклонился почти до земли.

Менептах услышал. Пробормотав себе под нос: “О! Сети, сын мой, мой самый любимый сын!” он протянул руки, как бы призывая его вернуться или, возможно, обнять. Когда он это сделал, я увидел, как изменилось его лицо. В следующее мгновение он упал лицом на землю и лежал там неподвижно. Вся компания стояла, пораженная ужасом, только королевский лекарь подбежал к нему, в то время как Рои и другие священники начали бормотать молитвы.

- Собрался ли добрый бог к Осирису? - спросил Аменмес хриплым голосом. - Потому что, если это так, я фараон.

“Нет, Аменмес, ” воскликнула Таусерт, “ указы еще не скреплены печатью и не обнародованы. У них нет ни силы, ни веса.

Прежде чем он успел ответить, врач крикнул:

“ Мир! Фараон все еще жив, его сердце бьется. Это всего лишь приступ, который может пройти. Уходите все, ему нужен покой”.

Итак, мы ушли, но сначала Сети опустился на колени и поцеловал отца в лоб.

Час спустя принцесса Таусерт ворвалась в комнату его дворца, где мы с принцем разговаривали.

“ Сети, - сказала она, - фараон еще жив, но врачи говорят, что к рассвету он умрет. Время еще есть. Здесь у меня есть письмо, скрепленное его печатью и засвидетельствованное, в котором он напоминает обо всем, что постановил сегодня при Дворе, и объявляет тебя, своего сына, истинным и единственным наследником трона Египта”.

“ Так ли это, жена? Скажи мне теперь, как умирающий человек в обмороке приказал запечатать эту надпись?” - и он коснулся свитка, который она держала в руке.

“ Он ненадолго пришел в себя; Нехези расскажет тебе как, ” ответила она, глядя ему в лицо холодными глазами. Затем, прежде чем он успел заговорить, она добавила: “Не трать больше времени на вопросы, а действуй, и немедленно. Генерал гвардии ждет внизу; он твой верный слуга. Через него я пообещал подарок каждому солдату в день вашей коронации. Нехези и большинство офицеров на нашей стороне. Только священники против нас из-за той еврейской ведьмы, которую вы приютили, и из-за ее племени, с которым вы дружите; но у них не было времени расшевелить народ, и они не попытаются восстать. Действуй, Seti, действуй, ибо никто не сдвинется с места без твоей явной команды. Более того, впоследствии никаких вопросов возникать не будет, поскольку от Фив до моря и по всему миру ты известен как наследник Египта”.

- Что ты хочешь, чтобы я сделал, жена? - спросил Сети, когда она замолчала, переводя дыхание.

“ Неужели ты не догадываешься? Должен ли я вложить в твою голову государственную мудрость так же, как меч в твою руку? Почему этот твой писец, который следует за тобой по пятам, как любимая собачонка, был бы более подходящим учеником. Тогда слушай. Аменмес послал собрать силы, но пока рядом с ним нет и пятидесяти человек, которым он мог бы доверять. Она наклонилась вперед и яростно прошептала: “Убей предателя, Аменмесес — все сочтут это праведным поступком, и генерал ждет твоего слова. Мне вызвать его?”

“Я думаю, что нет”, - ответил Сети. “Поскольку фараону, как он имеет на это право, угодно назначить своим преемником человека царской крови, как это делает этого человека предателем фараона, который все еще жив? Но, предатель ты или нет, я не стану убивать своего кузена Аменмеса.

- Тогда он убьет тебя.

“ Может быть. Это вопрос между ним и богами, который я оставляю им решать. Клятву, которую он дал сегодня, нелегко нарушить. Но нарушит он это или нет, я также дал клятву, по крайней мере, в своем сердце, а именно, что я не буду пытаться оспаривать волю фараона, которого, в конце концов, я люблю как своего отца и почитаю как своего царя, фараона, который все еще жив и, как я надеюсь, может выздороветь. Что мне сказать ему, если он выздоровеет или, на худой конец, когда мы наконец встретимся в другом месте?”

“Фараон никогда не поправится; я разговаривал с врачом, и он сказал мне об этом. Они уже протыкают ему череп, чтобы выпустить злого духа болезни, после которой никто из нашей семьи долго не прожил”.

Потому что, как я полагаю, таким образом, что бы ни говорили священники и врачи, они впускают добрый дух смерти. Ана, я прошу тебя, если я...

- Мужчина, - перебила она, ударив рукой по столу, у которого стояла, - вы понимаете, что, пока вы размышляете и морализируете, ваша корона покидает вас?

“ Оно уже прошло, госпожа. Разве ты не видела, как я отдавал его Аменмесу?”

- Ты понимаешь, что ты, который должен был бы стать величайшим царем во всем мире, через несколько часов, если тебе действительно позволят жить, станешь всего лишь частным гражданином Египта, тем, в кого могут плевать самые нищие и не причинять вреда?

“ Конечно, Жена. Более того, в том, что я делаю, мало добродетели, поскольку в целом я предпочитаю такую перспективу и готов рискнуть быть поспешно изгнанным из злого мира. Слушайте, ” добавил он, изменив тон и жест. “ Ты считаешь меня дурой и слабачкой; к тому же мечтательницей, ты, ясноглазая, твердолобая государственная дама, которая смотрит на блестящую выгоду момента, за которую готова заплатить кровью, и ничего не подозревает о том, что лежит за ее пределами. Я не являюсь ни тем, ни другим, за исключением, возможно, последнего. Я всего лишь человек, который стремится быть справедливым и поступать правильно, как мне кажется правильным, и если я мечтаю, то о добре, а не о зле, как я понимаю добро и зло. Ты уверен, что этот мой сон приведет меня к мирским потерям и позору. Даже в этом я не уверен. Мне приходит в голову мысль, что это может привести меня к тем самым безделушкам, на которые ты положил свое сердце, но по тропинке, усыпанной специями и цветами, а не по тропинке, вымощенной человеческими костями и пропитанной запахом их запекшейся крови. Короны, которые покупаются обещанием крови и удерживаются с жестокостью, склонны быть потерянными в крови, Таусерти.

Она махнула рукой. “ Сети, прошу тебя, побереги остальное, пока у меня не будет больше времени послушать. Более того, если мне понадобятся пророчества, я думаю, что лучше обратиться к Ки и тем, кто изучает их всю свою жизнь. Для меня это день дел, а не мечтаний, и поскольку ты отказываешься от моей помощи и ведешь себя как больная девушка, потерявшаяся в фантазиях, я должна позаботиться о себе сама. Поскольку, пока ты жив, я не могу править в одиночку или вести войну только от своего имени, я иду договариваться с Аменмесом, который дорого заплатит мне за мир”.

— Ты уходишь - и возвращаешься, Таусерт?

Она выпрямилась во весь рост, выглядя очень по-королевски, и медленно ответила:

“Я не вернусь. Я, принцесса Египта, не могу жить как жена простого человека, который падает с трона, чтобы утвердиться на земле, и вымазывает свое чело грязью ради короны урея. Когда твои пророчества сбудутся, Сети, и ты восстанешь из праха, тогда, возможно, мы сможем поговорить снова.

- Да, Таусерти, но вопрос в том, что нам сказать?

“ А пока, ” добавила она, поворачиваясь, “ я оставляю тебя твоим избранным советчикам — вон тому писцу, которого глупость, а не мудрость, обелила раньше времени, и, возможно, еврейской колдунье, которая может дать тебе лунный свет, чтобы ты пил из ее лживых уст. Прощай, Сети, когда-то принц и мой муж”.

- Прощай, Таусерт, которая, боюсь, все еще должна оставаться моей сестрой.

Затем он посмотрел ей вслед и, повернувшись ко мне, сказал:

“Сегодня, Ана, я потерял и корону, и жену, но, как ни странно, я не знаю, какое из этих бедствий огорчает меня меньше всего. И все же настало время, когда удача повернулась к нам лицом. Или, может быть, еще не все зло свершилось. Разве ты не поехала бы тоже, Ана? Хотя в гневе она насмехается над вами, принцесса хорошего мнения о вас и хотела бы оставить вас у себя на службе. Помни, кто бы ни пал в Египте, она будет великой до последнего”.

“О! - Принц, - ответил я, - разве я не перенес сегодня достаточно, чтобы ты добавил оскорбление к моему грузу, ты, с которым я разбил чашу и принес клятву?

“Что?!” - рассмеялся он. “Есть ли в Египте хоть один, кто помнит клятвы на свою гибель?” Я благодарю тебя, Ана, - и, взяв меня за руку, он пожал ее.

В этот момент дверь открылась, и вошел старый Памбаса со словами:

- Еврейка Мерапи хотела бы вас видеть, а также двое еврейских мужчин.

“Впусти их”, - сказал Сети. “Обрати внимание, Ана, как вон тот старый служитель времени отворачивает лицо от заходящего солнца. Даже сегодня утром это было бы ‘повидать ваше высочество’, произнесенное с поклонами такими низкими, что его борода касалась пола. Теперь это ‘чтобы увидеть вас’, а не просто наклон головы в знак обычной вежливости. И это, к тому же, от того, кто год за годом грабил меня и жирел на взятках. Это первый из многих горьких уроков, или, скорее, второй — урок ее Высочества был первым; я молюсь, чтобы я мог усвоить их со смирением”.

Пока он размышлял таким образом, и, не имея возможности утешить его, я слушал с грустью на сердце, вошла Мерапи, а мгновением позже - вестница с широко раскрытыми глазами, которую мы видели при Дворе фараона, и ее дядя Джабез, хитрый купец. Она низко поклонилась Сети и улыбнулась мне. Затем появились двое других, и посланник, слегка поклонившись, начал говорить.

“Ты знаешь мое требование, принц”, - сказал он. “Оно заключается в том, чтобы эту женщину вернули ее народу. Джейбиз, ее дядя, уведет ее отсюда.

“И ты знаешь мой ответ, Израильянин”, - ответил Сети. “Дело в том, что у меня нет власти над приходом или уходом леди Мерапи, или, по крайней мере, я не желаю претендовать ни на что. Обратитесь к ней.

- Чего ты хочешь от меня, Жрец? - быстро спросила Мерапи.

“Чтобы ты вернулась в город Гесем, дочь Нафана. Неужели у тебя нет ушей, чтобы слышать?

- Я слышу, но если я вернусь, что вы от меня хотите?

- Чтобы ты, проявившая себя пророчицей своими делами в том храме, посвятила свои силы служению своему народу, получив взамен полное прощение за зло, которое ты им причинила, в чем мы клянемся тебе именем Бога.

“Я не пророчица, и я не причинила зла своему народу, священник. Я всего лишь спас их от злодеяния - убийства того, кто показал себя их другом, даже если, как я слышал, он сложит свою корону ради них”.

“Это дело отцов Израиля, а не тебе судить, женщина. Твой ответ?

“Это не для них и не для меня, а только для Бога”. Она помолчала, затем добавила: “Это все, о чем ты меня просишь?”

“Это все, о чем просят Отцы, но Лаван просит свою нареченную жену”.

— И меня отдадут замуж за... этого убийцу?

“Без сомнения, ты будешь отдан этому храброму солдату, поскольку уже принадлежишь ему”.

- А если я откажусь?

“Тогда, Дочь Нафана, я должен проклясть тебя именем Бога и объявить тебя отрезанной и изгнанной из народа Божьего. В мои обязанности входит также объявить вам, что за вашу жизнь полагается расплата, и что любой еврей может убить вас, когда и как сможет, и не брать на себя никакой вины”.

Мерапи слегка побледнела, затем, повернувшись к Джейбизу, спросила:

“Ты слышал, дядя. Что скажешь?”

Джейбиз воровато огляделся и сказал своим ележным голосом:

“Моя племянница, ты, несомненно, должна повиноваться приказам Старейшин Израиля, которые выражают волю Небес, как ты повиновалась им, когда сражалась с могуществом Амона”.

“Вчера ты дал мне другой совет, дядя. Тогда ты сказал, что мне лучше оставаться на месте.

Посыльный повернулся и свирепо посмотрел на него.

“Между вчерашним днем и сегодняшним огромная разница, ” торопливо продолжал Джейбиз. “Вчера тебя защищал тот, кто вскоре стал бы фараоном, и, возможно, смог бы изменить свое мнение в пользу твоего народа. Сегодня его величие утрачено, и его воля больше не имеет веса в Египте. Мертвого льва не стоит бояться, моя племянница.

Сети улыбнулся этому оскорблению, но лицо Мерапи, как и мое собственное, покраснело, словно от гнева.

“До сих пор спящих львов считали мертвыми, мой дядя, и те, кто отвергал их, убедились в этом на собственном опыте. Принц Сети, у вас нет слов, чтобы помочь мне в этом затруднительном положении?”

“Что это за пролив, леди? Если ты хочешь пойти к своему народу и— к Лавану, который, как я понимаю, оправился от своих ран, между тобой и мной нет ничего, кроме моей благодарности к тебе, которая дает мне право сказать, что ты не пойдешь. Если, однако, ты хочешь остаться, то, возможно, я все еще не настолько бессилен защитить или поразить, как думает этот достойный Джабиз, который по-прежнему остается величайшим владыкой Египта и одним целым с теми, кто его любит. Поэтому, если ты захочешь остаться, я думаю, что тебе никто не помешает, и меньше всего тот друг, в тени которого тебе нравится пребывать”.

- Это очень нежные слова, - пробормотала Мерапи, - слова, которые мало кто сказал бы служанке, от которой ничего не просят и которой нечего дать.

“Перемирие в этом разговоре”, - прорычал посланец. “Ты подчиняешься или бунтуешь? Твой ответ”.

Она повернулась и посмотрела ему прямо в лицо, сказав:

- Я не вернусь в Гесем и к Лавану, на меч которых я насмотрелся достаточно.

Может быть, вы увидите больше об этом до того, как все будет сделано. В последний раз подумай, прежде чем проклятие твоего Бога и твоего народа падет на тебя, а за ним - смерть. Ибо осенью, я говорю, так и будет, я, который, как знает сегодня фараон, не лжепророк, и как знает также этот Принц ”.

“Я не думаю, что мой Бог, который видит сердца тех, кого он создал, отомстит за себя женщине за то, что она отказывается выйти замуж за убийцу, которого по своей воле никогда не выбирала, и именно такую судьбу, священник, ты предлагаешь мне. Поэтому я доволен тем, что оставляю правосудие в руках великого Судьи всего сущего. В остальном я бросаю вызов тебе и твоим приказам. Если меня должны убить, позволь мне умереть, но, по крайней мере, позволь мне умереть хозяйкой самой себя и свободной, которая не является ни чьей любовью, ни женой, ни рабыней”.

“Хорошо сказано!” шепнул мне Сети.

Тогда этот священник стал ужасен. Размахивая руками и выкатывая дикие глаза, он излил на голову этой бедной девушки какие-то отвратительные проклятия, большую часть которых, поскольку они были произнесены быстро на древней форме иврита, мы не поняли. Он проклял ее при жизни, умирая и после смерти. Он проклял ее в любви и ненависти, замужнюю или одинокую. Он проклял ее в деторождении или в бесплодии, и он проклял ее детей после нее во всех поколениях. Наконец, он объявил ее отрезанной и отвергнутой богом, которому она поклонялась, и приговорил ее к смерти от рук любого, кто мог бы ее убить. Это проклятие было настолько ужасным, что она отпрянула от него, в то время как Джейбис скорчился на земле, закрыв глаза руками, и даже я почувствовал, как у меня похолодела кровь.

Наконец он замолчал, на губах у него выступила пена. Затем, внезапно, крикнув: “После суда - гибель!” - он выхватил из-за пазухи нож и прыгнул на нее.

Она бежала за нами. Он последовал за ним, но Сети, воскликнув: “Ах, я так и думал”, прыгнул между ними, вытаскивая при этом железный меч, который носил вместе со своим церемониальным одеянием. Он прыгнул на него, и следующее, что я увидел, было красное острие меча, торчащее из-за плеча священника.

Он упал, бормоча:

- Так ты показываешь свою любовь к Израилю, принц?

“Так я показываю свою ненависть к убийцам”, - ответил Сети.

Затем этот человек умер.

“О! - воскликнула Мерапи, ломая руки. - Я снова вызвала поток еврейской крови, и теперь все это проклятие падет на меня”.

- Нет, на мне, леди, если в проклятиях что-то есть, в чем я сомневаюсь, ибо это дело рук моих, и в худшем случае нож того безумного зверя не попал в вас.

“ Да, жизнь осталась, пусть и ненадолго. Если бы не ты, принц, я бы сейчас... - и она вздрогнула.

“И если бы не ты, Луна Израиля, сейчас я...” и он улыбнулся, добавив: “Несомненно, Судьба плетет странную паутину вокруг тебя и меня. Сначала ты спасаешь меня от меча, потом я спасаю тебя. Я думаю, леди, что в конце концов мы должны умереть вместе и дать Ане материал для лучшей из всех его историй. Друг Джабез, - обратился он к израильтянину, который все еще сидел на корточках в углу с вытаращенными глазами, - вернись к своему добросердечному народу и объясни им, почему госпожа Мерапи не может составить тебе компанию, взяв с собой эту падаль в доказательство твоего рассказа. Скажи им, что если они пошлют еще людей приставать к твоей племяннице, их ждет такая же участь, но что теперь, как и прежде, я не отвернусь от них из-за поступков нескольких безумцев или злодеев, как я сегодня им доказал. Ана, приготовься, потому что скоро я уезжаю в Мемфис. Проследи, чтобы у госпожи Мерапи, которая отправится в путь одна, был подходящий эскорт для ее путешествия, то есть если ей будет угодно покинуть Танис.

ГЛАВА XI. КОРОНАЦИЯ АМЕНМЕСА

Теперь, несмотря на все беды, обрушившиеся на Египет, и на мою собственную тайную печаль, начался счастливейший из дней, которые даровали мне боги. Мы ездили в Меннефер или Мемфис, город с белыми стенами, где я родился, город, который я любил. Теперь я больше не жил в маленьком домике рядом с оградой храма Птаха, который обширнее и великолепнее всех храмов в Фивах или Танисе. Мой дом находился в прекрасном дворце Сети, который он унаследовал от своей матери, Великой Царственной супруги. Он стоял и действительно стоит до сих пор на насыпном холме без стен рядом с храмом богини Нейт, которая всегда располагала свое жилище к северу от стены, почему я не знаю, потому что даже ее жрецы не могут мне сказать. Перед этим дворцом, обращенным на север, находится большой портик, крыша которого опирается на расписные колонны с пальмовыми вершинами, откуда открывается самый прекрасный вид в Египте. Сначала сады, потом пальмовые рощи, затем возделанная земля, затем широкий и спокойный Нил и, вдалеке, пустыня.

Итак, здесь мы жили, имея небольшое состояние и почти не охраняемые, но в богатстве и комфорте, проводя время в дворцовой библиотеке или в библиотеках храмов, а когда уставали от работы, в прекрасных садах или, возможно, плавая под парусом по лону Нила. Госпожа Мерапи тоже жила там, но в отдельном крыле дворца, с несколькими рабами и прислужницами, которых ей дал Сети. Иногда мы встречали ее в садах, где ей нравилось гулять в те же часы, что и нам, а именно до того, как солнце начинало припекать, или в вечернюю прохладу, а иногда и ночью, когда светила луна. Потом мы втроем разговаривали, потому что Сети никогда не искал ее общества в одиночестве или в закрытых стенах.

Эти беседы были очень приятными. Более того, со временем они становились все чаще, поскольку Мерапи испытывала тягу к знаниям, и принц приносил ей свитки, чтобы она почитала в маленьком летнем домике, который там был. Здесь мы обычно сидели или, если стояла сильная жара, снаружи, в тени двух раскидистых деревьев, которые тянулись над крышей маленького увеселительного заведения, пока Сети рассказывал ей о содержимом свитков и посвящал ее в секреты нашего письма. Иногда я также читал им истории моего сочинения, которые им обоим было приятно слушать, по крайней мере, так они говорили, и я, в своем

тщеславии, верил. Также мы говорили о тайнах и чудесах мира, о евреях и их судьбе, или о том, что происходило в Египте и соседних землях.

И Мерапи не была совсем одинока, видя, что в Мемфисе жили некие женщины, в жилах которых текла еврейская кровь, или они родились от израильтян и вышли замуж за египтян вопреки их закону. Среди них она завела друзей, и вместе они молились по-своему, и никто не мог сказать им "нет", поскольку здесь священникам не разрешалось беспокоить их.

Со своей стороны, мы общались со столькими, с кем хотели, поскольку мало кто забывал, что Сети был по крови принцем Египта, то есть человеком почти наполовину божественным, и всем не терпелось навестить его. Кроме того, его очень любили ради него самого и особенно бедняки, чьи нужды он с удовольствием облегчал до предела своего богатства. Так получилось, что всякий раз, когда он выезжал за границу, хотя и против своей воли, его принимали с почестями и почести, которые были почти королевскими, ибо, хотя фараон мог отнять у него Корону, он не мог очистить свои вены от царской крови.

Именно по этой причине я опасался за его безопасность, поскольку был уверен, что через своих шпионов Аменмес все знает и будет ревновать к свергнутому с престола принцу, которого все еще так сильно обожали те, над кем по праву он должен был править. Я рассказал Сети о своих сомнениях и о том, что, когда он ходит по улицам, его должны охранять вооруженные люди. Но он только рассмеялся и ответил, что, поскольку евреям не удалось убить его, он не думает, что кому-то другому это удастся. Более того, он верил, что в стране нет египтян, которые подняли бы на него меч или подсыпали бы яд в его питье, кто бы им ни приказал. Также он добавил эти слова:

“Лучший способ избежать смерти - это не бояться смерти, ибо тогда Осирис избегает нас”.

Теперь я должен рассказать о событиях в Танисе. Фараон Менептах задержался всего на несколько часов и так и не пришел в себя, прежде чем его дух улетел на Небеса. Тогда в стране воцарился великий траур, ибо, если его не любили, то Менептаха почитали и боялись. Только среди израильтян царило открытое ликование, потому что он был их врагом и их пророки предсказывали, что смерть близка к нему. Они объявили, что он был поражен их Богом, что заставило египтян возненавидеть их еще больше, чем когда-либо. В Египте тоже были сомнения и замешательство, ибо, хотя его прокламация о лишении наследства принца Сети была опубликована за границей, люди, и особенно те, кто жил на юге, не могли понять, почему это должно было быть сделано из-за дела рабов-пастухов, которые жили в Гесеме. Действительно, если бы принц только поднял руку, десятки тысяч людей встали бы под его знамена. Однако он отказался это сделать, что удивило весь мир, который считал чудесным, что какой-то человек отказался от трона, который поднял бы его почти до уровня богов. Действительно, чтобы избежать их назойливости, он сразу же отправился в Мемфис и оставался там, скрываясь, все время траура по своему отцу. Так получилось, что Аменмесу удалось добиться того, что никто не сказал ему "нет", поскольку без своего мужа Таусертти не могла или не хотела действовать.

По истечении нескольких дней бальзамирования тело фараона Менептаха было перенесено вверх по Нилу, чтобы быть положенным в его вечный дом, великолепную гробницу, которую он приготовил для себя в Долине мертвых царей в Фивах. На эту великую церемонию принц Сети приглашен не был, чтобы, как сказал мне впоследствии Бакенхонсу, его присутствие не вызвало некоторого подъема в его пользу, по его воле или без нее. По этой же причине мертвому богу,

как его называли, не позволили упокоиться в Мемфисе во время его последнего путешествия вверх по Нилу. Переодетый человеком из народа, принц наблюдал, как тело его отца проплывало в погребальной барже, охраняемой выбритыми священниками в белых одеждах, в центре великолепной процессии. Впереди шли другие баржи, наполненные солдатами и должностными лицами государства, позади плыли новый фараон и все великие люди Египта, в то время как звуки плача далеко разносились над поверхностью воды. Они появлялись, они проходили, они исчезали, и когда они исчезли, Сети немного поплакал, потому что по-своему любил своего отца.

“Какая польза быть королем и зваться полубожеством, Ана, - сказал он мне, - если учесть, что конец таких богов тот же, что и у нищего у ворот?”

“Это то, принц, - ответил я, - что король может принести больше пользы, чем нищий, пока дыхание у него в ноздрях, и оставить после себя великий пример для других”.

“ Или больше вреда, Ана. Также нищий может оставить прекрасный пример терпения в скорби. И все же, если бы я был уверен, что не должен делать ничего, кроме добра, тогда, возможно, я был бы королем. Но я заметил, что те, кто желает принести больше всего пользы, часто причиняют больше всего вреда”.

- Что, если следовать дальше, было бы аргументом в пользу желания творить зло, принц.

“Это не так, ” ответил он, - потому что в конце концов добро торжествует. Ибо добро есть истина, а истина правит землей и небесами”.

- Тогда ясно, принц, что тебе следует стремиться стать королем.

- Я запомню этот спор, Ана, если когда-нибудь представится возможность, не запятнанная кровью, - ответил он.

Когда погребение фараона было закончено, Аменмес вернулся в Танис и там был коронован как фараон. Я присутствовал на этой великой церемонии, неся коронационные подарки в виде определенных царских украшений, которые принц послал фараону, сказав, что ему, как частному лицу, не подобает их больше носить. Я представил их фараону, который принял их с сомнением, заявив, что не понимает мыслей и действий принца Сети.

“Они не прячут ловушек, о фараон”, - сказал я. “Как ты радуешься славе, которую послали тебе боги, так и принц, мой господин, радуется отдыху и умиротворению, которые боги даровали ему, не требуя большего”.

- Может быть, и так, Писец, но я нахожу это настолько странным, что иногда боюсь, как бы в пышных цветах моей славы не спряталась какая-нибудь смертоносная змея, о которой знает Принц, если он ее туда не посадил.

“Я не могу сказать, о фараон, но, без сомнения, хотя он и не умел хитрить, Царевич не такой, как другие люди. Его ум одновременно широк и глубок”.

“ Слишком глубоко для меня, ” пробормотал Аменмес. “ Тем не менее, передай моему царственному кузену, что я благодарю его за подарки, особенно потому, что некоторые из них носил мой отец Хаэмуас, когда он был наследником Египта, который, я бы хотел, оставил мне

свою мудрость, а также свою кровь. Скажи ему также, что, пока он воздерживается от причинения мне вреда на троне, как, я знаю, он делал до настоящего времени, он может быть уверен, что я не причиню ему никакого вреда на том посту, который он избрал”.

Также я увидел принцессу Таусерт, которая подробно расспрашивала меня о своем господине. Я рассказал ей все, ничего не утаив. Она выслушала и спросила:

“А что насчет той еврейки, Мун Исраэль? Без сомнения, она займет мое место.

“Это не так, принцесса”, - ответил я. “Принц живет один. Ни она, ни какая-либо другая женщина не займет вашего места. Она для него друг, не более.

“Друг! Что ж, по крайней мере, мы знаем, чем заканчивается такая дружба. О, конечно, принц, должно быть, поражен безумием богов!”

- Может быть, и так, ваше высочество, но я думаю, что если бы боги поразили больше людей подобным безумием, мир был бы лучше, чем он есть.

“Мир есть мир, и дело тех, кто рожден для величия, - править им таким, какой он есть, а не прятаться среди книг и цветов и болтать глупости с красивой женщиной с чужбины, пусть и ученым писцом”, - с горечью ответила она, добавив: “О! если принц не безумен, то, конечно, он доводит до безумия других, и меня, его супругу, в том числе. Этот трон принадлежит ему, только ему; и все же он терпит, чтобы его место занял распущенный болван, и посылает ему дары и благословения”.

- Я думаю, вашему высочеству следует дождаться конца истории, прежде чем судить о ней.

Она пристально посмотрела на меня и спросила:

“Почему ты так говоришь? Принц, в конце концов, не дурак? Может быть, он и вы, которые оба кажетесь такими простыми, играете в великую и скрытую игру, как, насколько я знаю, люди притворяются глупыми, чтобы обезопасить себя? Или у этой израильской ведьмы есть какие-то тайные знания, которым она вас обучает, например, которыми вполне может обладать женщина, способная превратить статую Амона в мелкую пыль? Ты притворяешься, что не знаешь, а это значит, что ты не ответишь. О! Писец Ана, если бы только это было безопасно, я думаю, что смог бы найти способ вытянуть из тебя правду, хотя ты и притворяешься невинным младенцем.

- Вашему высочеству угодно угрожать без причины.

“Нет, - ответила она, меняя голос и манеры, - я не угрожаю; это всего лишь безумие, которое я заразилась от Seti. Разве вы не сошли бы с ума, если бы узнали, что завтра вместо вас будет коронована другая женщина, потому что ... потому что... - и она заплакала, что испугало меня больше, чем все ее грубые слова.

Вскоре она вытерла слезы и сказала:

“Скажи моему господину, что я рад слышать, что с ним все в порядке, и шлю ему привет, но что никогда по своему собственному желанию я больше не увижу его живого лица, если он действительно не примет другого совета и не вознамерится завоевать то, что принадлежит ему по праву. Скажи ему, что, хотя он так мало заботится обо мне и не обращает внимания на мои

желания, я все же забочусь о его благополучии и его безопасности, насколько это в моих силах”.

“Его безопасность, принцесса! Фараон менее часа назад заверил меня, что ему нечего бояться, как, впрочем, и он сам ничего не боится.

“О! кто из вас глупее, - воскликнула она, топнув ногой, “мужчина или его хозяин? Вы верите, что принцу нечего бояться, потому что этот узурпатор говорит вам так, и он верит в это - ну, потому что он ничего не боится. Какое-то время он может спать спокойно. Но пусть он подождет, пока в Египте не возникнут проблемы того или иного рода, и, понимая, что боги посылают их из-за великого зла, которое совершил мой отец, когда смерть схватила его за горло и его разум помутился, народ обратит свои взоры на своего законного царя. Тогда узурпатор начнет ревновать, и, если он добьется своего, принц будет спать спокойно - вечно. Если его горло останется непрезанным, то только по одной причине: я удержу руку убийцы. Прощай, я больше не могу говорить, ибо говорю тебе, что мой мозг горит — и завтра он должен был быть коронован, и я вместе с ним”, - и она унеслась, царственная, как всегда, оставив меня гадать, что она имела в виду, когда говорила о проблемах, надвигающихся в Египте, или эти слова были произнесены наугад.

После этого мы с Бакенхонсу поужинали вместе в колледже храма Птаха, отцом которого его называли из-за его возраста, когда я услышал больше об этом деле.

“Ана, - сказал он, - я говорю тебе, что над Египтом нависло такое уныние, какого я никогда не знал, даже когда считалось, что Девятилучевые варвары завоюют и поработят эту землю. Аменмес будет пятым фараоном, которого я видел коронованным, первый из них, когда я был всего лишь маленьким ребенком, цепляющимся за платье моей матери, и ни разу я не испытывал такой безрадостности”.

- Возможно, это потому, что корона переходит к тому, кто не должен ее носить, Бакенхонсу.

Он покачал головой. “Не совсем. Я думаю, что эта тьма приходит с небес, как и свет. Люди боятся, сами не зная чего.

“Израильтяне”, - предположил я.

“Теперь ты близка к разгадке, Ана, потому что, несомненно, они имеют к этому большое отношение. Если бы не они, ни Сети, ни Аменмес не были бы коронованы завтра. Кроме того, рассказ о чуде, которое прекрасная еврейка сотворила вон в том храме, распространился повсюду и воспринимается как предзнаменование. Я говорил тебе, что шесть дней назад там была освящена прекрасная новая статуя бога, а на следующее утро ее нашли лежащей на боку, или, скорее, с головой, покоящейся на груди Мут?

- Если так, то Мерапи ни в чем не виновата, потому что она уехала из этого города.

“Конечно, она ушла, ибо разве Сети тоже не ушел? Но я думаю, что она что-то оставила после себя. Как бы то ни было, даже наш новый божественный повелитель напуган. Ему снятся плохие сны, Ана, - добавил он, понизив голос, - настолько плохие, что он призвал Ки, Керхеба,^[1] чтобы тот истолковал его видения.

[1] “Керхеб” был титулом главного официального мага в Древнем Египте.

- И что сказал Ки?

“Ки ничего не мог сказать или, скорее, что единственный ответ, которого удостоились он и его компания, когда они спросили о своих Кас, заключался в том, что правление этого бога будет очень коротким и что оно и его жизнь закончатся вместе”.

- Что, возможно, не понравилось богу Аменмесу, Бакенхонсу?

“Что совсем не понравилось богу. Он пригрозил Ки. Глупо угрожать великому магу, Ана, как сказал ему сам Керхеб Ки, глядя ему в глаза. Затем он попросил прощения и спросил, кто станет его преемником на троне, но Ки сказал, что не знает, поскольку Керхеб, которому угрожали, никогда ничего не помнит, чего, на самом деле, он никогда не сможет — кроме как отплатить тому, кто угрожал”.

- А он знал, Бакенхонсу?

Вместо ответа старый советник мелко раскрошил хлеб на столе, затем пальцем нарисовал среди крошек грубое изображение бога с головой шакала и двумя перьями, после чего быстрым движением смахнул крошки на пол.

“Seti!” - Прошептала я, читая иероглифы имени принца, и он кивнул и рассмеялся в своей великолепной манере.

“Люди иногда приходят к своему, Ана, особенно если они не стремятся к своему, - сказал он. “Но если это так, то сначала должно произойти многое ужасное. Новый фараон - не единственный мужчина, который видит сны, Ана. В последние годы мой сон был чутким, и иногда я вижу сны, хотя и не владею магией, подобной магии Ки.

“Что тебе снилось?”

“Мне приснилось великое множество, марширующее, как саранча, по Египту. Перед ними шел огненный столб, в котором были две руки. Один из них держал Амона за горло, а другой - нового фараона за горло. Вслед за ними появился облачный столб, и в нем виднелась фигура, похожая на развернутую мумию, фигура смерти, стоящей на воде, которая была полна бесчисленных мертвецов”.

Теперь я вспомнил о картине, которую мы с Принцем видели в небе там, в земле Гесем, но ничего не сказал об этом. И все же я думаю, что Бакенхонсу разгадал мои мысли, потому что спросил:

“Неужели *ты* никогда не мечтаешь, Друг? Ты видишь видения, которые становятся явью — например, Аменмеса на троне. Разве тебе тоже иногда не снятся сны? Нет? Что ж, тогда, принц? Вы выглядите как мужчины, которые могли бы, и время пришло. О! Я помню. Вы оба мечтаете не о картинах, которые мелькают в ужасных глазах Ки, а о тех, которые луна отражает в водах Мемфиса, Луны Израиля. Ана, послушай моего совета, избавься от плоти и укрепи дух, ибо только в нем заключается счастье, для которого женщина и все наши радости - всего лишь земные символы, тени, отбрасываемые тем смертным облаком, которое лежит между нами и Небесным Светом. Я вижу, что вы понимаете, потому что часть этого света пробилась к вашему сердцу. Вы помните, что видели его сияющим в тот час, когда умерла ваша маленькая дочь? Ах! Я так и думал. Это был дар, который она оставила тебе, дар, который будет расти и разрастаться

в такой груди, как твоя, если только ты уберешь плоть и освободишь для нее место, Ана. Человек, не плачь - смейся, как я, Охо-хо! Отдай мне мой посох и спокойной ночи. Не забывай, что завтра мы сидим вместе на коронации, ибо ты - Спутник царя, а это звание, однажды присвоенное, не сможет отнять ни один новый фараон. Это как дар духа, Ана, который трудно завоевать, но однажды завоеванный более вечен, чем звезды. О! почему я живу так долго, если хочу искупаться в нем, как в детстве я купался в Ниле?”

На следующий день в назначенный час я отправился в большой зал дворца, тот самый, в котором впервые увидел Менептаха, и занял отведенное мне место. Это было несколько давно, возможно, потому, что не хотелось, чтобы я, который, как было известно, был личным писцом Сети, напоминал Египту о нем, появляясь там, где все могли меня видеть.

Каким бы огромным ни был зал, толпа заполнила его до самых дальних уголков. Более того, там присутствовал не простой человек, а скорее все знатные люди и верховные жрецы Египта, а с ними их жены и дочери, так что все тусклые дворы сияли золотом и драгоценными камнями, украшавшими праздничные одежды. Пока я ждал, старый Бакенхонсу, прихрамывая, подошел ко мне, толпа расступалась перед ним, и я увидел смех в его запавших глазах.

“ Мы в плохом положении, Ана, - сказал он. “ И все же, если кому-нибудь из многочисленных богов Египта выпадет шанс обрушить огненный дождь на фараона, мы будем в большей безопасности. Кстати, о богах, - продолжал он шепотом, - вы слышали, что произошло час назад в храме Птаха в Танисе, откуда я только что вышел? Фараон и все члены королевской Семьи, за исключением одной, прошли по обычаю перед статуей бога, который, как вы знаете, должен склонить голову в знак того, что он выбирает и принимает царя. Впереди Аменмеса шла принцесса Таусерт, и когда она проходила, голова бога склонилась, ибо я видел это, хотя все делали вид, что не видят. Затем пришел фараон и остановился в ожидании, но он не поклонился, хотя жрецы произнесли старую формулу: "Бог приветствует царя".

Наконец он двинулся дальше, черный как ночь, и другие представители крови Рамсеса последовали за ним в своем порядке. Последним хромал Саптаха, и вот! бог снова поклонился.

“Как и почему он это делает?” Я спросил: “и в неподходящее время?”

“ Спроси жрецов, Ану, или Таусерт, или Саптаха. Возможно, божественную шейку в последнее время не смазывали маслом, или слишком сильно смазывали, или слишком мало смазывали, или молитвы — или струны - могли быть испорчены. Или фараон, возможно, был скуп на дары этой коллегии великого бога своего Дома. Кто я такой, чтобы знать пути богов? Который в храме, где я служил в Фивах пятьдесят лет назад, не притворялся, что кланяется, и не беспокоился о том, кто из царского рода восседает на троне. Тише! А вот и фараон”.

Затем в великолепной процессии, окруженной принцами, советниками, дамами, священниками и стражниками, Аменмес и царственная супруга Урнуре, крупная женщина с неуклюжей походкой, вошли в зал сверкающим оркестром. Первосвященник Рои и канцлер Нехези приняли фараона и подвели его к трону. Толпа пала ниц, затрубили трубы и трижды прозвучал старинный салют “Жизнь! Кровь! Сила! Фараон! Фараон! Фараон!” - раздались громкие крики.

Аменмес встал и поклонился, и я увидел, что его тяжелое лицо было встревоженным и выглядело старше. Затем он принес какую-то клятву богам и людям, которую продиктовал ему Рои, и перед всей компанией надел двойную корону и другие эмблемы, и взял в руки бич и

золотой серп. Затем были отданы почести. Принцесса Таусерт подошла первой и поцеловала руку фараона, но не преклонила колена. Действительно, сначала она немного поговорила с ним. Мы не могли слышать, что было сказано, но впоследствии узнали, что она потребовала, чтобы он публично повторил все обещания, которые ее отец Менептах дал ей перед ним, подтвердив ее место и права. В конце концов он это сделал, хотя, как мне показалось, достаточно неохотно.

Так со множеством форм и древних торжеств продолжалась церемония, пока все не устали ждать того времени, когда фараон обратится со своей речью к народу. Эта речь, однако, так и не была произнесена, потому что вскоре, протиснувшись мимо нас, я увидел тех двух израильских пророков, которые посещали Менептаха в этом же зале. Люди шарахались от них, так что они шли прямо к трону, и даже стражники не пытались преградить им путь. Что они там говорили, я не мог слышать, но я полагаю, что они требовали, чтобы их народу разрешили поклоняться своему богу по-своему, и что Аменмес отказался, как это сделал Менептах.

Затем один из них бросил жезл, и он превратился в змею, которая зашипела на фараона, после чего Керхеб Ки и его компания также бросили жезлы, которые превратились в змей, хотя я мог слышать только шипение. После этого в зале воцарился такой мрак, что люди не могли видеть лиц друг друга, и все начали громко кричать, пока компания в замешательстве не разошлась. Напор людей вынес нас с Бакенхонсу к дверному проему, откуда мы были рады снова увидеть небо.

Так завершилась коронация Аменмеса.

ГЛАВА XII. ПОСЛАНИЕ ИАВИСА

В ту ночь не было никого, кто радовался бы на улицах города, и, кроме дворца и домов Придворных, никто не пировал. Я гулял по рыночной площади и замечал, что люди мрачно ходят взад и вперед или переговариваются шепотом. Вскоре человек, чье лицо было скрыто капюшоном, заговорил со мной, сказав, что у него есть сообщение для моего хозяина, принца Сети. Я ответил, что не принимаю никаких посланий от незнакомцев в вуалях, на что он откинул капюшон, и я увидел, что это Джабиз, дядя Мерапи. Я спросил его, послушался ли он Князя и отнес ли тело того пророка обратно в Гесем и рассказал ли старейшинам о причине смерти этого человека.

“Да, ” ответил он, “ и Старейшины не сердились на принца по этому поводу. Они сказали, что их посланник превысил свои полномочия, поскольку они никогда не приказывали ему проклинать Мерапи и уж тем более пытаться убить ее, и что принц поступил правильно, убив того, кто совершил бы убийство на его королевских глазах. Тем не менее, они добавили, что проклятие, однажды произнесенное этим жрецом, несомненно, падет на Мерапи тем или иным способом”.

- Что же тогда ей делать, Джейбиз?

“ Я не знаю, Писец. Если она вернется к своему народу, возможно, она получит прощение, но тогда она наверняка должна выйти замуж за Лавана. Это ей судить”.

- А что бы ты сделал на ее месте, Джейбиз?

“Я думаю, что мне следует остаться там, где я был, и быть очень дорогим Сети, пользуясь шансом, что проклятие обойдет ее стороной, поскольку оно не было наложено на нее законно. С какой бы стороны она ни смотрела, ее ждут неприятности, и в худшем случае женщина может захотеть удовлетворить свое сердце до того, как оно упадет, особенно если это сердце случайно обратится к тому, кто станет фараоном”.

“Почему ты говоришь ‘кто будет фараоном’, Иавис? - Спросил я, потому что мы стояли одни на пустом месте.

“Этого я не могу тебе сказать, - хитро ответил он, - но все произойдет так, как я скажу. Тот, кто сидит на троне, безумен, как был безумен Менептах, и будет сражаться с силой, которая превосходит его, пока она не сокрушит его. Только в сердце Принца сияет свет мудрости. То, что ты видел сегодня, - лишь первое из многих чудес, Писец Ана. Больше я ничего не могу сказать.

- В чем же тогда твое послание, Джейбиз?

- Вот что: поскольку Принц стремился хорошо обращаться с народом Израиля и ради него отказался от короны, что бы ни досталось другим, пусть он ничего не боится. Никто не причинит вреда ни ему, ни тем, кто его окружает, таким как ты, Писец Ана, кто также поступил бы с нами справедливо. И все же может случиться так, что из-за моей племянницы Мерапи, на голову которой пало злое слово, и его, и ее постигнет великое горе. Поэтому, возможно, несмотря на то, что с ее стороны было бы разумно остаться в доме Сети, с его стороны, возможно, было бы разумно выгнать ее из своих дверей”.

“Какая печаль?” - Спросила я, сбита с толку его мрачными речами, но ответа не последовало, потому что он ушел.

Недалеко от моего жилища я встретил другого человека, и лунный свет, падавший на его лицо, показал мне ужасные глаза Ки.

- Писец Ана, - сказал он, - ты отправляешься в Мемфис завтра на рассвете, а не через два дня, как намеревался.

“Откуда ты это знаешь, Волшебник Ки? - спросил я. Я ответил, потому что никому не говорил о своем изменении плана, даже Бакенхонсу, на самом деле решившись на это только после того, как Джабез покинул меня.

- Я ничего не знаю, Ана, кроме того, что верный слуга, узнавший сегодня все, что узнала ты, поспешит доложить об этом своему хозяину, особенно если есть кто-то другой, перед кем он также хотел бы отчитаться, как думает Бакенхонсу.

“Бакенхонсу слишком много болтает, что бы он ни думал”, - раздраженно воскликнул я.

“Пожилые люди становятся словоохотливыми. Вы были сегодня на коронации, не так ли?

“Да, и, если я правильно вижу издали, эти еврейские пророки, похоже, навредили тебе в твоём собственном ремесле, Херхеб, что должно огорчать тебя, как тебя огорчали в храме, когда пал Амон”.

Меня это не огорчает, Ана. Если у меня есть силы, то могут быть и другие, обладающие большей силой, как я узнала в храме Амона. Почему же тогда я должен испытывать стыд?”

“Силы!” Я ответил со смехом, потому что струны моего разума, казалось, были разорваны в ту ночь: “Разве не было бы лучшим словом "мастерство"? Как превратить палку в змею, что невозможно для человека?”

“Ремесло, возможно, было бы лучшим словом, поскольку ремесло означает знание, а также хитрость. ‘Невозможно для человека!’ После того, что вы видели некоторое время назад в храме Амона, считаете ли вы, что есть что-то невозможное для мужчины или женщины? Возможно, вы могли бы сделать то же самое сами.”

“ Почему ты смеешься надо мной, Ки? Я изучаю книги, а не заклинания змей.

Он посмотрел на меня в своей спокойной манере, как будто читал не по моему лицу, а мысли, стоящие за ним. Затем он посмотрел на кедровую палочку в своей руке и отдал ее мне, сказав:

- Изучи это, Ана, и скажи мне, что это.

“Неужели я ребенок, - сердито ответил я, - что не узнаю жезл священника, когда вижу его?”

- Я думаю, что ты немного ребенок, Ана, - пробормотал он, все это время не сводя глаз с моего лица.

И тут меня охватил ужас. Ибо жезл начал изгибаться в моей руке, и когда я уставился на него, о чудо! это была длинная желтая змея, которую я держал за хвост. Я с криком швырнул рептилию на землю, потому что она поворачивала голову, словно собираясь ударить меня, и там, в пыли, она извивалась и ползла прочь от меня к Ки. Но мгновение спустя это была всего лишь палка из желтого кедрового дерева, хотя между мной и Ки на песке виднелся змеиный след.

- С твоей стороны несколько бесстыдно, Ана, - сказал Ки, поднимая палочку, - обвинять меня в обмане, в то время как ты сама пытаешься сбить с толку бедного жонглера подобными искусствами.

Тогда я не знаю, что я ему сказал, но в конце концов предположил, что он скажет мне, что я могу наполнить зал темнотой в полдень и вселить ужас в толпу.

“ Давайте покончим с шутками, ” сказал он, - хотя они вполне уместны на своем месте. Не могли бы вы снова взять этот жезл и направить его на луну? Ты отказываешься, и хорошо делаешь, потому что ни ты, ни я не можем прикрыть ее лицо. Ана, поскольку ты по—своему мудра и общаешься с тем, кто мудрее, и присутствовала в храме, когда статуя Амона была разбита вдребезги некой ведьмой, которая сравняла свою силу с моей и победила меня, я, великий волшебник, пришел спросить *тебя*- откуда взялась эта тьма в зале сегодня?

- Думаю, от Бога, - ответил я благоговейным шепотом.

“ Я тоже так думаю, Ана. Но скажи мне или попроси Мерапи, Луну Израиля, сказать мне — от какого бога? О! Я говорю вам, что на этой земле действует ужасная сила и что принц Сети правильно сделал, отказавшись от трона Египта и улетев в Мемфис. Повтори это ему, Ана.

Затем он тоже исчез.

Теперь я благополучно вернулся в Мемфис и рассказал все эти новости принцу, который жадно выслушал их. Только один раз он был сильно взволнован; это было, когда я повторил ему слова Таусерт о том, что она никогда больше не посмотрит ему в лицо, если только ему не будет угодно повернуть его к трону. Услышав это, слезы навернулись ему на глаза, и, встав, он принялся расхаживать взад и вперед по комнате.

“Падший не должен искать мягкости, - сказал он, - и, несомненно, Ана, ты считаешь глупостью, что я должен горевать из-за того, что меня так бросили”.

- Нет, принц, потому что меня тоже бросила жена, и эта боль незабываема.

“ Я думаю, это не о жене, Ана, поскольку, по правде говоря, ее Высочество мне не жена. Какими бы ни были древние законы Египта, как могло случиться иначе, во всяком случае, в моем и ее случае? Это касается сестры. Ибо, хотя моя мать не принадлежала ей, мы с ней выросли вместе и по-своему любили друг друга, хотя ей всегда доставляло удовольствие командовать мной, в то время как мне доставляло удовольствие подчиняться и отплачивать ей шутками. Вот почему она так разгневана, потому что теперь я внезапно отказался от ее правления, чтобы следовать своей собственной воле, в результате чего она потеряла трон ”.

“Долгом наследницы египетского царства всегда было выйти замуж за египетского фараона, принц, и брак с тем, кто станет фараоном в соответствии с этим долгом, является глубоким ударом”.

“ Тогда ей лучше всего было бы оттолкнуть его глупую жену и выйти замуж за того, кто является фараоном. Но этого она никогда не сделает; Аменмеса она всегда ненавидела, так сильно, что ей претило находиться с ним в одном месте. И на самом деле он не женился бы на ней, ведь он хочет править сам, а не через женщину, чье право на корону выше, чем его собственное. Что ж, она прогнала меня, и этому конец. Отныне я должен идти один, если только... если только... Продолжай свой рассказ, друг. С ее стороны очень любезно в своем величии пообещать защитить такого скромного человека. Я должен помнить об этом, хотя это правда, что упавшие головы иногда поднимаются снова, - добавил он с горечью.

“По крайней мере, так думает Джабез, принц”, и я рассказал ему, как израильтяне были уверены, что он станет фараоном, на что он рассмеялся и сказал:

“ Возможно, потому что они хорошие пророки. Что касается меня, то я не знаю и не интересуюсь. Или, может быть, Джабез видит выгоду в таких разговорах, потому что, как вы знаете, он умный трейдер.

“Я так не думаю”, - ответил я и остановился.

“ Джейбиз хотел еще что-нибудь сказать по какому-нибудь другому поводу, Ана? О леди Мерапи, например?

Теперь, чувствуя, что это мой долг, я пересказал ему каждое слово, которым обменялись мы с Джейбисом, хотя и несколько смущенно.

“ Этот иврит многое принимает как должное, Ана, даже то, над кем хотела бы светить Луна Израиля. Что ж, друг, возможно, это тебя она желает коснуться своим светом, или какого—нибудь юношу в Гесеме — не Лавана - или вообще никого.

“ Я, принц, я! - Воскликнул я.

“Что ж, Ана, я уверен, ты бы этого хотела. Послушайся моего совета и спроси ее мнение по этому поводу. Не смущайся так, парень, для того, кто был женат, ты слишком скромн. Подойди, расскажи мне об этой Коронации”.

Я был настолько рад уйти от темы Мерапи, что подробно рассказал обо всем, что произошло, когда фараон Аменмес взошел на трон. Когда я описал, как жезл еврейского пророка превратился в змею и как Ки и его компания сделали то же самое, принц рассмеялся и сказал, что это были всего лишь фокусы жонглеров. Но когда я рассказал о тьме, которая, казалось, сгустилась в зале, и о мраке, наполнившем сердца всех людей, и о страшном сне Бакенхонсу, а также о словах Ки после того, как он затуманил мой разум и сыграл со мной свою шутку, он выслушал меня с большой серьезностью и ответил:

“В этом вопросе я придерживаюсь того же мнения, что и Ки. Я тоже думаю, что в Египте действует ужасная сила, которая имеет свой дом в земле Гесем, и что я правильно сделал, отказавшись от трона. Но от какого бога исходят эти удачи, я не знаю. Возможно, время покажет нам. Между тем, если есть что-то в пророчествах этих евреев, как их истолковал Джабез, то, по крайней мере, мы с вами можем спать спокойно, а это больше, чем шансов у фараона на трон, которого жаждет Таусерт. Если так, то эту пьесу стоит посмотреть. Ты хорошо выполнила свою миссию, Ана. Иди отдохни, пока я обдумваю все, что ты сказала.

Был вечер, и так как во дворце было очень жарко, я вышел в сад и, направившись к тому маленькому домику удовольствий, где мы с Сети обычно занимались, я сел там и, усталый, заснул. Когда я проснулся от сна о какой-то плачущей женщине, наступила ночь, и в небе сияла полная луна, так что ее лучи падали на сад передо мной.

Перед этим маленьким домиком, как я уже говорил, росли деревья, которые в это время года были покрыты белыми чашеобразными цветами, а между этими деревьями стояла скамья, сложенная из высушенных на солнце кирпичей. На этом сиденье сидела женщина, в которой, как я понял по ее фигуре, была Мерапи. Кроме того, она была печальна, потому что, хотя ее голова была опущена, а длинные волосы скрывали лицо, я слышал ее тихие вздохи.

Ее вид меня очень тронул, и я вспомнил, что сказал мне принц, сказав, что мне следовало бы спросить эту леди, не возражает ли она против меня. Следовательно, если я так поступил, то, конечно, меня нельзя было винить. И все же я был уверен, что ее сердце обратилось не ко мне, хотя, по правде говоря, мне очень хотелось, чтобы было иначе. Кто стал бы смотреть на ибиса на болоте, когда в небесах парил ширококрылый орел?

Мне в голову пришла злая мысль, посланная Сетом. Предположим, что взгляд этого наблюдателя был прикован к орлу, повелителю воздуха. Предположим, что она боготворила этого орла; что она любила его, потому что его домом были небеса, потому что для нее он был царем всех птиц. И предположим, кто-то сказал ей, что если она заманит его на землю из великолепной безопасности небес, то приведет в плен или умрет от руки ловчего. Тогда разве этот любящий наблюдатель не сказал бы: “Пусть оно идет свободным и счастливым, как бы мне ни хотелось на него смотреть”, а когда оно уплывет из виду, возможно, обратил бы свой взор на смиренного ибиса в грязи?

Джабез сказал мне, что если эта женщина и принц станут дороги друг другу, она навлечет большое горе на его голову. Если бы я повторил ей его слова, она, которая верила в пророчествасвоего народа, несомненно, поверила бы им. Более того, что бы ни подсказывало ей сердце, будучи такой великодушной, она никогда не согласилась бы сделать то, что могло навлечь беду на голову Сети, даже если отказ ему погрузил бы ее душу в печаль. И она не вернулась бы к евреям, чтобы попасть в руки того, кого ненавидела. Тогда, возможно, я ... Должен ли я сказать ей? Если бы Джейбис не имел в виду, что этот вопрос должен быть доведен до ее ушей, стал бы он вообще говорить об этом? Короче говоря, разве это не было моим долгом по отношению к ней, а возможно, и к принцу, который таким образом мог быть спасен от грядущих невзгод, то есть если бы эти разговоры о будущих неприятностях были чем-то большим, чем досужая история.

Таковы были злые рассуждения, которыми Сет атаковал мой дух. Как я поборол их, я не знаю. Я уверен, что не по своей доброте, поскольку в тот момент я пылал любовью к милой и прекрасной леди, которая сидела передо мной, и по своей глупости, я думаю, отдал бы жизнь, чтобы поцеловать ее руку. И не совсем ради нее, поскольку страсть очень эгоистична. Нет, я думаю, это было потому, что любовь, которую я питала к принцу, была более глубокой и настоящей, чем та, которую я могла испытывать к любой женщине, и я хорошо знала, что, если бы ее не было у меня на глазах, такое предательство не овладело бы моим сердцем. Ибо я был уверен, хотя он никогда не говорил мне этого, что Сети любил Мерапи и превыше всего на свете желал, чтобы она была его спутницей, в то время как, если бы я однажды произнес эти слова, какой бы ни была моя собственная выгода или потеря и каким бы ни было ее тайное желание, она никогда бы не стала.

Итак, я победил, хотя эта победа заставила меня дрожать, как ребенка, и сожалеть, что я родился не для того, чтобы познать муки отвергнутой любви. Моя награда была очень быстрой, потому что в этот момент Мерапи отстегнула драгоценный камень с груди своего белого одеяния и поднесла его к луне, как бы изучая. В одно мгновение я снова узнал его. Это был тот самый королевский скарабей из лазурита, которым в Гесеме принц закрепил повязку на ее раненой ноге, которую также какая-то сила сорвала с ее груди в ту ночь, когда в храме была разбита статуя Амона.

Она долго и пристально смотрела на него, затем, оглянувшись, чтобы убедиться, что она одна, она прижала его к губам и трижды страстно поцеловала, бормоча не знаю что между поцелуями. Теперь пелена спала с моих глаз, и я знал, что она любила Сети, и о! как я благодарил своего бога-хранителя, который спас меня от такого бесполезного позора.

Я вытер холодную влагу со лба и уже собирался убежать, стараясь говорить как можно меньше, когда, подняв глаза, увидел стоящую позади Мерапи фигуру мужчины, который наблюдал, как она убирает украшение на свое одеяние. Пока я мгновение колебался, мужчина заговорил, и я узнал голос Seti. Тогда я снова подумала о бегстве, но, будучи несколько робкой по натуре, боялась показаться на глаза, пока не стало слишком поздно, думая, что потом принц сделает меня мишенью своего остроумия. Поэтому я сидел близко и неподвижно, невольно все слыша и видя.

- Что это за драгоценный камень, леди, которым вы так восхищаетесь и бережно храните? - спросил Сети своим медленным голосом, в котором так часто скрывались нотки смеха.

Она негромко вскрикнула и, вскочив, увидела его.

“ О! милорд, ” воскликнула она, “ простите вашего слугу. Я сидел здесь, в прохладе, как вы мне разрешили, и луна была такой яркой, что я захотел посмотреть, смогу ли при ее свете прочесть надпись на этом скарабее.

Никогда прежде, подумал я про себя, я не встречал женщины, которая читала по губам, хотя сначала она действительно использовала глаза.

“ А вы могли бы, леди? Вы позволите мне попробовать?

Очень медленно, заливаясь краской, так что даже лунный свет показал, как она покраснела, она снова вынула украшение и протянула ему.

“ Несомненно, это мне знакомо? Неужели я не видел этого раньше? - спросил он.

“ Возможно. Я надела его в ту ночь в храме, ваше высочество.

- Вы не должны называть меня “Высочеством”, леди. У меня больше нет никакого звания в Египте.

“ Я знаю — благодаря-моему народу. О! это было благородно.

“ Но насчет скарабея... - прервал он ее, взмахнув рукой. “ Несомненно, это то же самое, чем была наложена повязка на твою рану — О! много лет назад?

“Да, это то же самое”, - ответила она, опустив глаза.

“Я так и думал. И когда я отдавал это тебе, я произнес несколько слов, которые тогда показались мне хорошо сказанными. Что это были за слова? Я не помню. Ты тоже забыл?”

“Да— я имею в виду— нет. Ты сказал, что теперь весь Египет у меня под ногами, говоря о царском картуше на скарабее.

“ А! Я вспоминаю. Как правдива и в то же время как фальшива шутка или пророчество.

- Как что-либо может быть одновременно истинным и ложным, принц?

“ Это я мог бы доказать вам очень легко, но это заняло бы час или больше, так что об этом в другой раз. Этот скарабей - жалкая вещица, верни его мне, и у тебя будет другой, получше. Или ты бы выбрал эту печатку? Поскольку я больше не принц Египта, это бесполезно для меня”.

“ Оставь скарабея себе, принц. Он твой. Но я не возьму кольцо, потому что оно...

- бесполезный для меня, и ты не получишь того, что не имеет ценности для дающего. О! Я плохо подбираю слова, но это было не то, что я имел в виду”.

- Нет, принц, потому что ваше королевское кольцо слишком велико для такого маленького.

“ Как ты можешь судить, пока не попробовал? Кроме того, это ошибка, которую, возможно, можно исправить.

Тогда он рассмеялся, и она тоже рассмеялась, но пока не взяла кольцо.

“ Ты видел Ану? ” продолжал он. - Я полагаю, он отправился на поиски вас, причем в такой спешке, что едва успел закончить свой отчет для меня.

- Это он так сказал?

“ Нет, он только выглядел так. Настолько, что я предложил ему немедленно обратиться к вам. Он ответил, что собирается отдохнуть после своего долгого путешествия, или, возможно, я сказал, что он должен это сделать. Я забываю, как это часто бывает с людьми, в такую прекрасную ночь, когда другие мысли кажутся ближе.

- Зачем Ана хотела меня видеть, принц?

“Как я могу сказать? Почему мужчина, который все еще молод, хочет видеть милую и красивую леди? О! Я вспомнил. В Танисе он встретил твоего дядю, который справился о твоём здоровье. Возможно, именно поэтому он хотел тебя увидеть.

“ Я не желаю слышать о моем дяде в Танисе. Он напоминает мне о слишком многих вещах, причиняющих боль, и бывают ночи, когда хочется убежать от боли, которая обязательно повторится на следующее утро ”.

“ Ты все еще думаешь о возвращении к своему народу? спросил он более серьезно.

“ Конечно. О! только не говори, что отправишь меня отсюда, чтобы...

- Лаван, леди?

“ Лаван среди прочих. Помни, принц, что на мне лежит проклятие. Если я вернусь в Гесем, так или иначе, скоро я умру”.

“ Ана говорит, что твой дядя Джейбиз заявляет, что сумасшедший, пытавшийся убить тебя, не имел права проклинать и тем более убивать тебя. Ты должен попросить его рассказать тебе все.

“ И все же проклятие останется со мной и в конце концов сокрушит меня. Как я, одинокая женщина, могу противостоять мощи народа Израиля и его священников?”

- Значит, тебе одиноко?

- А как может быть иначе с изгоем, принц?

“Нет, иначе и быть не может. Я знаю это, потому что я тоже изгой”.

- По крайней мере, есть ее Высочество, ваша жена, которая, несомненно, придет утешить вас, - сказала она, опустив глаза.

“ Ее высочество не приедет. Если бы вы видели Ану, он, возможно, сказал бы вам, что она поклялась больше не смотреть на мое лицо, пока над ним не засияет корона.

“ О! как женщина может быть такой жестокой? Конечно, принц, такой удар должен был ранить вас в самое сердце, - воскликнула она с легким вздохом жалости.

“Ее высочество не просто женщина; она принцесса Египта, а это совсем другое дело. В остальном, меня ранит в самое сердце, что моя царственная сестра бросила меня ради того, что она любит больше — власти и великолепия. Но это так, если только Ане не снятся сны.

Следовательно, кажется, что мы находимся в одном и том же случае, оба отверженные, вы и я, не так ли?”

Она ничего не ответила, продолжая смотреть в землю, а он продолжал очень медленно:

“Мне приходит в голову мысль, по поводу которой я хотел бы спросить вашего суждения. Если бы двое несчастных сошлись вместе, они были бы наполовину менее несчастны, не так ли?”

“ Похоже, что так, принц, если, конечно, они вообще остались одинокими. Но я не понимаю загадки.

“ И все же ты ответил на этот вопрос. Если тебе одиноко, а мне одиноко порознь, нам, как ты говоришь, должно быть не так одиноко вместе.

- Принц, - пробормотала она, отстраняясь от него, - я не говорила таких слов.

“Нет, я произнес их за тебя. Послушай меня, Мерапи. В Египте меня считают странным мужчиной, потому что я не дорожил ни одной женщиной, никогда не видел той, которой мог бы дорожить. ”Тут она испытующе посмотрела на него, и он продолжил: “Некоторое время назад, до того, как я посетил вашу страну Гошен - Ана может рассказать вам об этом, потому что я думаю, он записал это — ко мне приходили Ки и старый Бакенхонсу. Итак, как вы знаете, Ки, без сомнения, великий маг, хотя и не такой великий, как некоторые из ваших пророков. Он сказал мне, что он и другие искали мое будущее и что в Гошене я должен найти женщину, которую мне было суждено полюбить. Он добавил, что эта женщина доставила бы мне много радости.” Тут Сети сделал паузу, несомненно, вспомнив, что это было не все, что сказал Ки, да и Джабез тоже. - Ки также сказал мне, - медленно продолжил он, - что я знал эту женщину уже тысячи лет.

Она вздрогнула, и на ее лице появилось странное выражение.

- Как это может быть, принц?

“ Именно об этом я его и спросил, но не получил вразумительного ответа. И все же он сказал это не только о женщине, но и о моей подруге Ане, что действительно многое объясняет, и, похоже, другие волшебники говорили то же самое. Затем я отправился в землю Гесем и там увидел женщину...”

- Это в первый раз, принц?

- Нет, в третий раз.

Тут она опустилась на скамейку и закрыла глаза руками.

“... и любил ее, и чувствовал себя так, как будто любил ее ”тысячи лет”.

“ Это неправда. Ты смеешься надо мной, это неправда! - прошептала она.

“Это правда, потому что, если я не знал этого тогда, я узнал это впоследствии, хотя, возможно, никогда полностью до сегодняшнего дня, когда я узнал, что Таусерт действительно бросила меня. Луна Израиля, ты и есть та женщина. Я не стану говорить тебе, ” страстно продолжал он, “ что ты прекраснее всех других женщин, или милее, или мудрее, хотя такими ты мне кажешься. Я только скажу тебе, что я люблю тебя, да, люблю тебя, кем бы ты ни был. Я не могу предложить вам трон Египта, даже если закон позволит это, но я могу предложить вам трон моего сердца.

Итак, леди Мерапи, что вы можете сказать? Прежде чем ты заговоришь, вспомни, что, хотя ты кажешься моим пленником здесь, в Мемфисе, тебе нечего меня бояться. Что бы вы ни ответили, убежище и дружба, которые я могу вам дать, будут вашими, пока я жив, и я никогда не попытаюсь навязаться вам, как бы больно мне ни было проходить мимо вас. Я не знаю будущего. Может случиться так, что я дам тебе великое положение и власть, может случиться так, что я не дам тебе ничего, кроме бедности и изгнания, или даже, возможно, доли в моей собственной смерти, но и с тем, и с другим уйдет поклонение моему телу и моему духу. А теперь говори.

Она отняла руки от лица, глядя на него снизу вверх, и в ее прекрасных глазах блеснули слезы.

- Этого не может быть, принц, - пробормотала она.

- Ты хочешь сказать, что не хочешь, чтобы так и было?

“Я сказал, что этого не может быть. Такие связи между египтянином и израильтянкой незаконны”.

“Некоторые в этом городе и в других местах, похоже, считают их такими”.

— И я женат, я имею в виду, возможно, я женат - по крайней мере, номинально.

- И я тоже женат, я имею в виду...

“Это совсем другое дело. Также есть другая причина, величайшая из всех: я нахожусь под проклятием и должен приносить тебе не радость, как сказал Ки, а печаль, или, по крайней мере, печаль вместе с радостью”.

Он испытующе посмотрел на нее.

- Ана... - начал он, затем продолжил: - Если да, то какие жизни ты знала, которые не состояли бы из смешанных радостей и печалей?

“ Никаких. Но горе, которое я принесу, перевесит радость — тебе. Проклятие моего Бога лежит на мне, и я не могу научиться поклоняться твоему. Проклятие моего народа лежит на мне, закон моего народа разделяет меня от вас, как меч, и если я приближусь к вам, их число возрастет на моей голове, что не имеет значения, но также и на вашей ”, - и она начала рыдать.

“ Скажи мне, ” попросил он, беря ее за руку, “ только одно, и если ответ будет Отрицательным, я больше не буду тебя беспокоить. Твое сердце принадлежит мне?

“Это так, - вздохнула она, - и так было с тех пор, как мой взгляд упал на тебя там, на улицах Таниса. О! затем во мне произошла перемена, и я возненавидел Лавана, которого раньше недолюбливал. Более того, я тоже почувствовал то, о чем говорил Ки, как будто знал тебя тысячи лет. Мое сердце принадлежит тебе, моя любовь принадлежит тебе; все, что делает меня женщиной, принадлежит тебе, и я никогда, никогда не смогу отвернуться от тебя к какому-либо другому мужчине. Но все же мы должны держаться порознь, ради тебя, мой принц, ради тебя самого.

- Значит, если бы не я, ты был бы готов подвергнуться всем этим опасностям?

“ Конечно! Разве я не женщина, которая любит?

“Если это так, - сказал он с легким смешком, - то, будучи совершеннолетним и обладая пониманием, которое некоторые сочли хорошим, с вашего позволения, я думаю, что буду руководить и ими. О, глупая женщина, неужели ты не понимаешь, что в мире есть только одна хорошая вещь, единственная вещь, в которой можно забыть о себе и своих страданиях, и эта вещь - любовь? Возможно, придут неприятности. Что ж, пусть они приходят, ибо какое это имеет значение, если осталась только любовь или память о ней, если однажды мы сорвали этот прекрасный цветок и в течение часа носили его на груди. Вы говорите о разнице между богами, которым мы поклоняемся, и, возможно, она существует, но все боги посылают на землю свои дары любви, без которых она перестала бы существовать. Более того, моя вера, возможно, более ясно, чем ваша, учит меня, что жизнь не заканчивается со смертью и, следовательно, что любовь, будучи душой жизни, должна длиться, пока она длится. Наконец, я думаю, как и вы, что каким-то смутным образом есть правда в том, что сказали маги, и что давным-давно в прошлом мы были теми, кем снова собираемся стать, и что сила этой невидимой связи объединила нас изцелого мира и будет связывать нас еще долго после того, как мир умрет. Дело не в том, что мы хотим сделать, Мерапи, дело в том, что Судьба распорядилась так, что мы должны сделать. А теперь ответь еще раз.

Но она ничего не ответила, и когда я через некоторое время поднял глаза, она была в его объятиях, а ее губы прижались к его губам.

Так египетский принц Сети и Мерапи, Луна Израиля, встретились в египетском Мемфисе.

ГЛАВА XIII. КРАСНЫЙ НИЛ

Наутро этой ночью я ненадолго застал принца одного и напомнил ему о некоторых древних рукописях, которые он хотел бы прочесть, с которыми можно было ознакомиться только в Фивах, где я мог бы скопировать их; также о других, которые, как говорили, там продаются. Он ответил, что они могут подождать, но я ответил, что последний может найти какого-нибудь другого покупателя, если я не уйду немедленно.

“Ты слишком любишь длительные поездки по моим делам, Ана”, - сказал он. Затем он некоторое время с любопытством рассматривал меня, и поскольку он мог читать мои мысли, как, впрочем, и я его, увидел, что я все знаю, и добавил мягким голосом:

“ Ты должен был сделать, как я тебе сказал, и заговорить первым. Если так, кто знает...

“Ты знаешь, принц, - ответил я, - ты и еще один”.

“Иди, и да пребудут с тобой боги, друг, но не задерживайся слишком долго, копируя эти свитки, что может сделать любой писец. Я думаю, в Египте назревают неприятности, и ты будешь нужен мне рядом. Ты будешь нужен и тому, кто тобой дорожит ”.

“Я благодарю моего господина и того, другого”, - сказал я, поклонившись, и вышел.

Более того, пока я готовил кое-какие скромные припасы для своего путешествия, я обнаружил, что в этом не было необходимости, поскольку раб пришел сказать мне, что баржа принца ждет, чтобы отплыть по ветру. Итак, на этой барже я отправился в Фивы, как великий вельможа или

царственная мумия, которую везут на похороны. Только вместо причитающих священников, пока я не отослал их обратно в Мемфис, на носу сидели музыканты, а когда я пожелал, приходили танцовщицы, чтобы развлечь мой досуг и, закутанные в золотые сети, прислуживать за моим столом.

Итак, я путешествовал так, словно был самым принцем, и как человек, к которому, как известно, прислушивались правители Номов, главы городов и верховные жрецы храмов в каждом городе, где мы причаливали. Ибо, как я уже говорил, хотя Аменмес восседал на троне, Сети все еще правил в сердцах народа Египта. Более того, по мере того, как я плыл дальше вверх по Нилу, в районы, где мало что было известно об израильтянах и о бедах, которые они приносили на землю, я убеждался в этом все больше и больше. Почему Великие шептали мне на ухо, что его Высочество принц Сети не занимает место своего отца? Тогда я рассказывал им о евреях, и они смеялись и говорили:

“Пусть принц развернет здесь свое королевское знамя, и мы покажем ему, что мы думаем по поводу вопроса об этих израильских рабах. Разве Наследник Египта не может составить свое собственное суждение по этому вопросу относительно того, должны ли они оставаться там, на севере, или уйти в ту пустыню, которую они желают?”

На все это, и во многом в этом роде, я бы ответил только, что их слова должны быть доведены до сведения общественности. Большого я не сказал, да и вообще не осмеливался сказать, поскольку повсюду обнаруживал, что за мной следят шпионы фараона.

Наконец я прибыл в Фивы и поселился в прекрасном доме, принадлежавшем принцу, который, как я обнаружил, по приказу гонца был приготовлен для меня. Он стоял недалеко от входа на Аллею Сфинксов, которая ведет к величайшему из всех фиванских храмов, где находится величественный зал с колоннами, построенный первым Сети и его сыном Рамсесом II, дедом принца.

Здесь, получив доступ в это место, я часто бродил по ночам и в своем духе приближался к небесам настолько близко, насколько когда-либо мне выпадало путешествовать. Кроме того, переправляясь через Нил на западный берег, я посетил ту пустынную долину, где покоятся правители Египта. Гробница фараона Менептаха все еще была не запечатана, и в сопровождении единственного жреца с факелами я прокрался по ее расписным залам и посмотрел на саркофаг того, кого совсем недавно я видел восседающим во славе на троне, гадая, как много или как мало он знал обо всем, что происходило в Египте сегодня.

Более того, я скопировал папирусы, за которыми пришел, в которых не было ничего стоящего сохранения, и некоторые действительно ценные, которые я обнаружил в древних библиотеках храмов, и приобрел другие. Один из них действительно рассказал очень странную историю, которая дала мне много поводов для размышлений, особенно в последние годы, когда все мои друзья мертвы.

Так я провел два месяца и мог бы остаться дольше, если бы ко мне не прибыли гонцы от принца, сообщившие, что он желает моего возвращения. Из них одно следовало с интервалом в три дня за другим, и его слова были такими:

“ Думаешь ли ты, Писец Ана, что, поскольку я больше не принц Египта, мне больше нельзя повиноваться? Если это так, имей в виду, что боги могут повелеть, чтобы однажды я стал выше,

чем когда-либо прежде, и тогда будь уверен, что я запомню твое непослушание и сделаю тебя на голову ниже. Приходи скорее, мой друг, потому что мне становится одиноко, и мне нужен мужчина, с которым можно поговорить.

На что я ответил, что возвращался так быстро, как только позволяла баржа, так как был тяжело нагружен рукописями, которые я скопировал и купил.

Итак, я тронулся в путь, будучи, по правде говоря, рад уехать именно по этой причине. Двумя ночами ранее, когда я шел один из великого храма дома, появилась разноцветно одетая женщина и обратилась ко мне, как это делают заблудшие. Я попытался стряхнуть ее с себя, но она прижалась ко мне, и я увидел, что она выпила более чем достаточно вина. Вскоре она спросила голосом, который показался мне знакомым, знаю ли я, кто был тем офицером, который прибыл в Фивы по поручению какого-то царя и жил в жилище, известном как Дом царевича. Я ответила, что его зовут Ана.

“Когда-то я очень хорошо знала Ана, - сказала она, - но я ушла от него”.

-Почему?-спросила. - Спросил я, похолодев всем телом, потому что, хотя я не мог видеть ее лица из-за капюшона, который она носила, теперь я начал бояться.

“Потому что он был бедным дурачком, - ответила она, - вообще не мужчиной, а тем, кто всегда думал о писаниях и создавал их, а на моем пути встретился другой, который нравился мне больше, пока он не бросил меня”.

“ И что случилось с этой Аней? - Спросила я.

“ Я не знаю. Я полагаю, что он продолжал видеть сны или, возможно, взял другую жену; если так, мне жаль ее. Только, если случайно это то же самое, что пришло в Фивы, он, должно быть, сейчас богат, и я пойду и предъявлю права на него и заставлю его содержать меня в порядке”.

“ У вас были дети? - Спросил я.

“Только один, слава богам, и тот умер — еще раз спасибо богам, потому что иначе он мог бы дожить до того, чтобы стать таким, как я”, - и она один раз сильно всхлипнула, а затем рассыпалась в своих мерзких ласках.

Когда она это сделала, капюшон соскользнул с ее головы, и я увидел, что это было лицо моей жены, все еще красивое в дерзкой манере, но ставшее ужасным от выпивки и греха. Я задрожал с головы до ног, затем сказал изменившимся голосом, к которому привык.

“Женщина, я знаю этого Ану. Он мертв, и ты стала его погибелью. И все же, поскольку я был его другом, возьми это и иди исправляйся”, - и я достал из-под своей мантии мешочек, в котором было немало веса золото.

Она схватила его, как хватает ястреб, и, увидев при свете звезд его содержимое, поблагодарила меня, сказав:

“ Конечно, мертвая Ана стоит больше, чем живая. Также хорошо, что он мертв, потому что он ушел туда же, куда ушел ребенок, которого он любил больше жизни, пренебрегая мной ради него и тем самым делая меня тем, кто я есть. Если бы он тоже был жив, будучи, как я уже сказал, дураком, ему бы больше не везло с женщинами, которых он никогда не понимал. Прощай,

подруга Аны, которая дала мне то, что позволит мне найти другого мужа”, - и, дико смеясь, она, пошатываясь, зашла за сфинкса и исчезла в темноте.

Значит, по этой причине я был рад сбежать из Фив. Более того, этот несчастный причинил мне сильную боль, убедив меня в том, о чем я только догадывался, а именно, что с женщинами я всего лишь дурак, настолько большой дурак, что тогда и там я поклялся моим богом-хранителем, что никогда больше не посмотрю с любовью ни на одну из них, клятву, которую я хорошо сдержал, какие бы другие я ни нарушал. И снова она пронзила меня насквозь разговорами о нашем мертвом ребенке, потому что это правда, что, когда эта милая девочка улетела к Осирису, мое сердце разбилось и таким образом никогда больше не восстановилось. Наконец, я опасался, как бы не оказалось правдой и то, что я пренебрег матерью ради этого ребенка, который был жемчужиной моего поклонения, да и остается таковым, и тем самым помог ей опозориться. Эта мысль так сильно мучила меня, что через агента, которому я доверял, который считал, что я всего лишь обеспечиваю ту, кому причинил зло, я добился того, что ей заплатили достаточно, чтобы она жила в комфорте.

Она снова вышла замуж за торговца, ради которого бросила все свои труды, и со временем растратила его состояние и разорила его, после чего он сбежал от нее. Что касается ее, то она умерла от своих дурных привычек на третьем году правления Сети II. Но, слава богам, она никогда не знала, что личным писцом в покоях фараона был тот самый Ана, который был ее мужем. На этом я закончу ее историю.

Теперь, когда я плыл вниз по Нилу с сердцем, более тяжелым, чем большой камень, служивший якорем на барже, мы пришвартовались в сумерках третьей ночи у борта судна, которое плыло вверх по Нилу при сильном северном ветре. На борту этого судна находился офицер, которого я знал при дворе фараона Менептаха, направлявшийся в Фивы по долгу службы. Этот человек казался настолько напуганным, что я спросил его, не тяготит ли его что-нибудь. Затем он отвел меня в сторону, в пальмовую рощу на берегу, и, усевшись на шест, которым воли вращали водяное колесо, рассказал мне, что в Танисе происходят странные вещи.

Казалось, что еврейские пророки снова предстали перед фараоном, который с момента своего восшествия на престол оставил израильтян в покое, не напав на них с мечом, как хотел сделать Менептах, - считалось, что это из страха, что, поступив так, он умрет, как умер Менептах. Как и прежде, они возносили свою молитву о том, чтобы еврейскому народу было позволено отправиться на богослужение в пустыню, но фараон отказал им. Затем, когда он спустился, чтобы поплыть по реке ранним утром другого дня, они встретили его, и один из них ударил по воде своим жезлом, и она превратилась в кровь. После чего Ки, Херхеб и его компания также ударили по воде своими жезлами, и она превратилась в кровь. Это было шесть дней назад, и теперь этот офицер поклялся мне, что кровь поднимается вверх по Нилу, и я рассмеялся над этой историей.

“Тогда пойдем и посмотрим”, - сказал он и повел меня обратно на свою лодку, где вся команда казалась такой же напуганной, как и он сам.

Он подвел меня к большому кувшину с водой, который стоял на носу, и вот! казалось, он был полон крови, и в нем быладохлая рыба, и ... вонючая.

“Эту воду, - сказал он, “ я черпал из Нила собственными руками, а не в пяти часах плавания на север. Но теперь мы ускорили кровь, которая следует за нами”, - и, взяв лампу, он поднес ее к носу лодки, и я увидел, что все ее доски забрызганы, как будто кровью.

“Послушай моего совета, ученый писец, - добавил он, - и наполни каждый кувшин и мех, которые сможешь собрать, сладкой водой, чтобы завтра ты и твоя компания не умерли от жажды”, - и он рассмеялся очень унылым смехом.

Затем мы расстались, не сказав больше ни слова, потому что ни один из нас не знал, что сказать, и около полуночи он поплыл дальше по ветру, рискуя пристать в темноте к песчаной отмели.

Со своей стороны, я сделал, как он мне сказал, хотя мои гребцы, которые не разговаривали с его людьми, подумали, что я сошел с ума, загружая баржу таким количеством воды.

На рассвете я отдал приказ трогаться в путь. Глядя через борт баржи, мне показалось, что лучи рассвета упали с неба в Нил, вода которого приобрела розоватый оттенок. Более того, этот оттенок, который становился все более глубоким, распространялся вверх по течению, а не вниз, против течения природы, и поэтому не мог быть вызван красной почвой, вымытой из южных земель. Матросы вытаращили глаза и перешептывались. Затем один из них, перегнувшись через борт, зачерпнул воды ладонью и набрал немного в рот, но только для того, чтобы снова выплюнуть ее с криком страха.

“ Это кровь! ” закричал он. “ Кровь! Осирис был убит заново, и его святая кровь заливает берега Нила”.

Они действительно были так напуганы, что, если бы я не заставил их держаться прежнего курса, они повернули бы и поплыли вверх по течению или вытащили лодку на берег и убежали в пустыню. Но я крикнул им, чтобы они держали курс на север, ибо так, возможно, мы скорее покончим с этим ужасом, и они послушались меня. По мере того как мы плыли, цвет воды становился все более красным, почти черным, пока, наконец, не стало казаться, что мы плывем по морю крови, в котором тысячами плавают мертвые рыбы или бьются, умирая, на поверхности. Кроме того, зловоние было таким ужасным, что нам пришлось завязать ноздри льняной тканью, чтобы прогнать зловонный воздух.

Мы поравнялись с городом, и с его улиц до небес донесся громкий вопль ужаса. Мужчины стояли, уставившись, как пьяные, на свои красные руки, которые они окунули в ручей, а женщины бегали взад и вперед по берегу, рвали на себе волосы и одежды и выкрикивали такие слова, как...

“Работа волшебника! Заколдованный! Проклятый! Боги убили друг друга, и люди тоже должны умереть!” и так далее.

Также мы видели крестьян, копавших ямы на некотором расстоянии от берега, чтобы посмотреть, не попадет ли им сладкая и полезная вода. Весь день мы пробирались таким образом сквозь это ужасное наводнение, в то время как брызги, гонимые сильным северным ветром, покрывали нашу плоть и одежду, пока мы не стали похожи на мясников, от которых разит после разгрома. Мы также не могли есть никакой пищи из-за зловония от этих брызг, отчего они казались солеными, как свежая кровь, только мы пили воду, которую я приготовил, и

гребцы, которые считали меня сумасшедшим, теперь называли меня мудрейшим из людей; тем, кто знал, что случится в будущем.

Наконец, ближе к вечеру мы заметили, что вода с каждым часом становилась все менее красной, что было еще одним чудом, поскольку над нами, выше по течению, она была цвета яшмы, после чего мы прекратили грести и, несмотря на всю свою оскверненность, спели гимн и вознесли благодарность Хапи, богу Нила, Великому, Тайному, Сокрытому. Действительно, перед заходом солнца река снова стала чистой, за исключением того, что на берегу, где мы устроились на ночлег, все камни и тростник были в пятнах, а мертвая рыба тысячами лежала, загрязняя воздух. Чтобы спастись от зловония, мы взобрались на утес, который здесь возвышался совсем близко к Нилу, и увидели входы в древние гробницы, которые давным-давно были ограблены и оставлены пустыми, намереваясь переночевать в одной из них.

Тропинка, протоптанная человеческими ногами, вела к самой большой из этих гробниц, откуда, когда мы приблизились, до нас донеслись звуки плача. Заглянув внутрь, я увидел женщину и нескольких детей, скорчившихся на полу гробницы с покрытыми пылью головами, которые, увидев нас, заплакали громче, чем раньше, хотя и резкими, сухими голосами, без сомнения, решив, что мы грабители или, возможно, призраки, из-за нашей окровавленной одежды. Также был еще один ребенок, маленький, который не плакал, потому что был мертв. Я спросил женщину, что произошло, но даже когда она поняла, что мы были всего лишь мужчинами, которые не желали ей зла, она не могла говорить или делать больше, чем выдохнуть “Воды! Воды!” Мы напоили ее и детей из кувшинов, которые привезли с собой, что они и сделали с жадностью, после чего я вытянул из нее ее историю.

Она была женой рыбака, который поселился в этой пещере, и сказала, что за семь дней до этого Нил превратился в кровь, так что они не могли пить из него, и у них не было воды, кроме небольшого количества в горшке. Они также не могли копать, чтобы найти его, так как здесь земля была сплошь каменной. Они также не могли спастись, так как, увидев это чудо, ее муж в страхе выпрыгнул из своей лодки и выбрался вброд на сушу, а лодка уплыла.

Я спросил, где ее муж, и она указала себе за спину. Я пошел посмотреть и там обнаружил человека, подвешенного за шею на веревке, которая была прикреплена к капителю колонны в гробнице, совершенно мертвого и холодного. Вернувшись с болью в сердце, я спросил ее, как это произошло. Она ответила, что когда он увидел, что вся рыба погибла, лишив его жизни, и что жажда убила его младшего ребенка, он сошел с ума и, подкравшись к задней части могилы, без ее ведома повесился на веревке от сети. Это была ужасная история.

Накормив вдову нашей едой, мы отправились спать в другую могилу, нам не нравилось общество этих мертвецов. На следующее утро, на рассвете, мы взяли женщину и ее детей на борт баржи и плыли с ними три часа до города, где у нее была сестра, которую она нашла. Мертвеца и ребенка мы оставили там, в гробнице, поскольку мои люди не стали бы осквернять себя прикосновением к ним.

Итак, видя много ужаса и страданий в нашем путешествии, мы наконец благополучно добрались до Мемфиса. Оставив лодочников подтягивать баржу, я отправился во дворец, ни с кем не разговаривая, и меня сразу же отвели к принцу. Я нашел его в затененной комнате, сидящим бок о бок с госпожой Мерапи и держащим ее за руку таким образом, что они напомнили мне статуи Ка в натуральную величину, изображающие мужчину и его жену, такие я

видел в древних гробницах, вырезанные тогда, когда скульпторы знали, как создавать идеальные подобия мужчин и женщин. Сегодня они этого больше не делают, я думаю, потому, что священники научили их, что это незаконно. Он разговаривал с ней тихим голосом, а она слушала, мило улыбаясь, как всегда, но устремив прямо перед собой глаза, которые, как мне показалось, были полны страха. Я подумал, что она выглядела очень красивой с волосами, рассыпавшимися по белому одеянию и убранными с висков маленькой божественной прической. Но, взглянув на нее, я с радостью обнаружил, что мое сердце больше не тосковало по ней так, как в ту ночь, когда я увидел ее сидящей под деревьями возле дома удовольствий. Теперь она была его другом, не более, и оставалась им до тех пор, пока все не было закончено, о чем и принц, и она сами прекрасно знали.

Увидев меня, Сети вскочил со своего места и подошел поприветствовать меня, как человек встречает друга, которого любит. Я поцеловал его руку и, подойдя к Мерапи, поцеловал ее, также отметив, что на ней теперь сияет то кольцо, которое она когда-то отвергла как слишком большое.

- Расскажи мне, Ана, обо всем, что с тобой случилось, - попросил он своим приятным, взволнованным голосом.

“Много чего, принц; одно из них очень странное и ужасное”, - ответил я.

“ Странные и ужасные вещи происходили и здесь, ” вмешалась Мерапи, “ и, увы! это только начало бед.

С этими словами она встала, как будто не могла больше говорить, поклонилась сначала своему господину, а затем мне и вышла из комнаты.

Я посмотрела на принца, и он ответил на вопрос в моих глазах.

“Джабез была здесь, - сказал он, “ и наполнила ее сердце дурными предчувствиями. Если фараон не отпустит израильтян, клянусь Амоном, я бы хотел, чтобы он отпустил Иависа в такое место, откуда он никогда не смог бы вернуться. Но скажите мне, встречали ли вы также кровь, плывущую против течения Нила? Похоже на то, - и он взглянул на ржавые пятна, которые не могла удалить с моей одежды никакая стирка.

Я кивнул, и мы долго и серьезно разговаривали, но в конце концов так и не стали мудрее от всех наших разговоров. Ибо никто из нас не знал, как получилось, что люди, ударяя прутom по воде, могли превратить ее в нечто, похожее на кровь, как это сделали еврейский пророк и Ки оба, или как эта кровь могла подняться вверх по Нилу против течения и повсюду сохраняться в течение семи дней; да, и распространиться также по всем каналам в Египте, так что людям приходилось рыть ямы для воды и каждый день выкапывать их свежими, потому что кровь просачивалась внутрь и отравляла их. Но мы оба думали, что это дело рук богов, и прежде всего того бога, которому поклоняются евреи.

“Ты помнишь, Ана, ” сказал принц, - послание, которое ты принесла мне от Иависа, а именно, что мне не должно быть причинено никакого вреда из-за этих израильтян и их проклятий. Что ж, пока что никакого вреда не причинено, кроме вреда Джабизу, потому что он пришел. За день до того, как до нас дошла весть об этой кровавой чуме, явился Джабез, переодетый торговцем сирийскими товарами, и все это он продал мне в три раза дороже. Он добился допуска в покои

Мерапи, где она привыкла видеть, кого пожелает, и под предлогом показа ей своих вещей поговорил с ней и, как я боюсь, рассказал ей то, что мы с вами так тщательно скрывали, что она могла навлечь на меня неприятности. По крайней мере, с тех пор она уже не была совсем прежней, и я подумал, что будет мудро заставить ее поклясться клятвой, которую, я знаю, она никогда не нарушит, что теперь, когда мы едины, она не будет пытаться отделиться от меня, пока мы оба живы ”.

- Он хотел, чтобы она уехала с ним, принц?

“ Я не знаю. Она никогда мне об этом не говорила. И все же я уверен, что если бы он пришел со своими злобными речами до того дня, когда ты вернулся из Таниса, она бы ушла. Теперь я надеюсь, что есть причины, которые удержат ее там, где она есть ”.

- Что же тогда он сказал, принц?

“ Немногим больше того, что он уже сказал вам, а именно о том, что на Египет вот-вот обрушатся великие беды. Он добавил, что был послан, чтобы спасти меня и моих близких от этих бед, потому что я был другом евреям, насколько это было возможно. Затем он прошелся по этому дому и по всему его саду, на ходу декламируя что-то, что было написано на свитке, смысла которого я не мог понять, и время от времени падая ниц, чтобы помолиться своему богу. Таким образом, там, где канал входит в сад и где он выходит из сада, он останавливался, чтобы помолиться, как он делал у колодца, откуда берут питьевую воду. Более того, ведомый Мерапи, он посетил все мои кукурузные поля и те, где пасется мой скот, декламируя и молясь до тех пор, пока слуги не подумали, что он сошел с ума. После этого он вернулся с ней, и так получилось, что я случайно услышал их прощание. Она сказала ему:

“Дом, который ты благословил, и он в безопасности; поля, которые ты благословил, и они в безопасности; не благословишь ли ты также меня, о мой дядя, и всех, кто рожден от меня?”

Он ответил, качая головой: ‘У меня нет приказа, моя племянница, благословлять или проклинать тебя, как это сделал тот глупец, которого убил принц. Ты выбрал свой собственный путь отдельно от своего народа. Он может быть хорошим, или он может быть плохим, или, возможно, и тем и другим, и отныне ты должен идти по нему в одиночку, куда бы он ни привел. Прощай, ибо, возможно, мы больше не встретимся.

Разговаривая таким образом, они вышли за пределы слышимости, но я видел, что она все еще умоляла, а он все еще качал головой. В конце концов, однако, она дала ему подношение, я думаю, из всего, что у нее было, хотя пошло ли это в еврейский храм или в его собственный кошелек, я не знаю. По крайней мере, это, казалось, смягчило его, потому что он достаточно нежно поцеловал ее в лоб и удалился с видом счастливого торговца, продавшего свой товар. Но обо всем, что произошло между ними, Мерапи мне ничего не рассказала. И я не рассказал ей о том, что подслушал.

-А потом?

А потом, Ана, пришла история об еврейском пророке, который превратил воду в кровь, и о Ки и его учениках, которые сделали то же самое. В последнее я не поверил, потому что сказал, что было бы разумнее, если бы Ки превратил кровь обратно в воду, вместо того чтобы делать еще больше крови, которой и так было достаточно ”.

“Я думаю, что у волшебников нет разума”.

“ Или может только причинять вред, Ана. Во всяком случае, после этой истории появилась сама кровь и оставалась с нами целых семь дней, оставив после себя много болезней из-за вони гниющей рыбы. Теперь о чуде — здесь, около моего дома, не было крови, хотя вверху и внизу канал был полон ее. Вода оставалась такой, какой была всегда, и рыбы плавали в ней, как они всегда это делали; также вода была хорошо сохранившейся, сладкой и чистой. Когда об этом стало известно, тысячи людей столпились на месте, требуя воды; так продолжалось до тех пор, пока они не обнаружили, что за воротами вода в их сосудах покраснела, после чего, хотя некоторые все еще приходили, они пили воду прямо там, где стояли, что они должны были сделать быстро ”.

“ И что же рассказывают об этом в Мемфисе, принц? - Что? - удивленно спросил я.

“ Некоторые из них говорят, что не Ки, а я величайший волшебник Египта — никогда, Ана, слава не была завоевана так легко. И некоторые говорят, что Мерапи, о деяниях которой в храме в Танисе до них дошел какой-то рассказ, настоящая волшебница, она израильтянка из племени еврейских пророков. Тише! Она возвращается.

ГЛАВА XIV. КИ ПРИЕЗЖАЕТ В МЕМФИС

Теперь обо всех ужасах, началом которых стало превращение воды в кровь в Египте, я, Ана, писец, писать не буду, ибо, если бы я это сделал, никогда в жизни я, старый, не нашел бы времени закончить рассказ о них. В течение многих, многих лун они приходили одна за другой, пока земля не обезумела от нужды и горя. История всегда была одна и та же. Еврейские пророки посещали фараона в Танисе и требовали, чтобы он отпустил их народ, угрожая ему мстью, если он откажется. И все же он отказался, потому что им овладело какое-то безумие, или, возможно, бог израильтян наложил на него заклятие, почему, я не знаю.

Таким образом, вскоре после кровавого ужаса началась эпидемия лягушек, которая заполонила Египет с севера до юга, и когда их убрали, воздух наполнился зловонием. Это чудо Ки и его компания тоже сотворили, отправив лягушек в Гесем, где они досаждали израильтянам. Но как бы то ни было, во дворце Сети в Мемфисе и на земле, которой он владел вокруг, лягушек не было, или, по крайней мере, их было немного, хотя по ночам с полей доносилось их кваканье, похожее на бой барабанов.

Затем началась эпидемия вшей, и эти Ки и его спутники тоже хотели напасть на евреев, но им это не удалось, и впоследствии они больше не боролись с магией израильтян. Затем последовало нашествие мух, так что воздух стал черным от них, и никакая пища не могла оставаться сладкой. Только во дворце Сети не было мух, а в саду их было совсем немного. После этого среди скота начался ужасный мор, от которого погибли тысячи человек. Но из огромного стада Сети никто даже не заболел, и, как мы узнали, в земле Гесем не было ни одного копыта меньше.

Эта чума поразила Египет вскоре после того, как Мерапи родила сына, очень красивого ребенка с глазами его матери, которого называли Сети в честь его отца. Теперь чудо спасения принца, его

семьи и всего, что принадлежало ему, от этих проклятий распространилось повсюду и вызвало много разговоров, так что многие послали узнать об этом.

Одним из первых прибыл старый Бакенхонсу с посланием от фараона и личным для меня посланием от принцессы Таусерт, гордость которой не позволяла ей просить о чем-либо Сети. Мы не могли сказать ему ничего, кроме того, что я написал, чему он сначала не поверил. Однако, убедившись, что все это правда, он сказал, что заболел и не может вернуться в Танис. Поэтому он попросил разрешения принца немного отдохнуть в его доме, тот, кто был другом его отца, его деда и прадеда. Сети рассмеялся, как, впрочем, и сам хитрый старик, и Бакенхонсу остался с нами до конца, к нашей великой радости, потому что он был самым приятным из всех товарищей и самым ученым. Что касается его послания, то один из его слуг отнес ответ фараону и Таусерт с известием о тяжелой болезни своего господина.

Дней через восемь или около того, когда однажды утром я стоял, греясь на солнышке, у ворот дворцового сада, выходящих к храму Птаха, лениво наблюдая за процессией жрецов, проходящих по его дворам, и распевая на ходу (поскольку из-за многочисленных болезней в то время я редко покидал дворец), я увидел приближающуюся ко мне высокую фигуру, закутанную от утреннего холода. Мужчина приблизился и, обращаясь ко мне через голову стражника, спросил, может ли он видеть госпожу Мерапи. Я ответил "Нет", поскольку она была занята уходом за своим сыном.

“И в других вещах, я думаю”, - многозначительно сказал он голосом, который показался мне знакомым. “Ну, могу я увидеть принца Сети?”

Я ответила, что нет, он тоже был помолвлен.

“Ухаживая за своей душой, изучая глаза госпожи Мерапи, улыбку своего младенца, мудрость писца Аны и атрибуты ста одного известного ему бога, включая бога Израиля, я полагаю”, - сказал знакомый голос и добавил: “Тогда я смогу увидеть этого писца Ану, который, как я понимаю, будучи удачливым, считает себя образованным”.

Теперь, разгневанный насмешками этого незнакомца (хотя все это время я чувствовал, что он таковым не является), я ответил, что писец Ана пытался исправить свою судьбу, преследуя богиню познания в своем кабинете.

“Пусть преследует, ” передразнил незнакомец, - поскольку она единственная женщина, которую он, вероятно, когда-либо поймает. И все же верно, что однажды одна из них поймала его. Если вы с ним знакомы, спросите его о его разговоре с ней на аллее Сфинксов перед великим храмом в Фивах и о том, чего это стоило ему золотом и слезами.

Услышав это, я приложил руку ко лбу и потер глаза, думая, что, должно быть, провалился в сон там, на солнышке. Когда я снова поднял его, все было так же, как и раньше. Там стоял часовой, безразличный к тому, что его не интересовало; петух, сбросивший хвост, все еще ковырялся в грязи; хохлатый угод все еще сидел, расправив крылья, на голове одной из двух огромных статуй Рамзеса, охранявших ворота; продавец воды вдалеке все еще рекламировал свой товар, но незнакомец исчез. Тогда я поняла, что все это мне приснилось, и повернулась, чтобы тоже уйти, чтобы оказаться лицом к лицу с ним.

“Человек, - сказал я возмущенно, - как, во имя Птаха и всех его жрецов, ты прошел мимо часового и через эти ворота так, что я тебя не заметил?”

“Не утруждай себя новой проблемой, когда у тебя уже так много проблем, которые могут озадачить тебя, друг Ана. Скажи, ты уже разгадал, как подобный жезл превратился в змею в твоей руке?” и он откинул капюшон, обнажив бритую голову и горящие глаза Керхеб Ки.

“ Нет, не пробовал, - ответил я, - и я благодарю вас, ” тут он протянул мне посох, “ но я не буду повторять этот трюк. В следующий раз зверь может укусить. Что ж, Ки, раз ты можешь входить сюда без моего разрешения, почему ты спрашиваешь об этом? Короче говоря, чего ты хочешь от меня теперь, когда эти еврейские пророки опрокинули тебя на спину?”

“Тише, Ана. Никогда не гневайся, это растрчивает силы, которых у нас так мало, потому что ты знаешь, будучи таким мудрым, или, возможно, ты не знаешь, что при рождении боги дают нам определенный запас, и когда он используется, мы умираем и вынуждены идти в другое место за добавкой. Такими темпами твоя жизнь будет короткой, Ана, потому что ты растрчиваешь ее на эмоции.

“ Чего ты хочешь? - Повторила я, слишком злая, чтобы спорить с ним.

“Я хочу найти ответ на вопрос, который вы задали так грубо: почему еврейские пророки, как вы говорите, повергли меня на спину?”

- Не будучи волшебником, каким ты притворяешься, я ничего не могу тебе дать, Ки.

“Ни на секунду я не предполагал, что ты сможешь”, - вежливо ответил он, протягивая руки и оставляя выпавший из них посох стоять перед ним. (Только впоследствии я вспомнил, что этот проклятый кусок дерева стоял там сам по себе, без видимой опоры, потому что он опирался на брусчатку ворот.) “Но, как оказалось, у вас в этом доме есть мастер, или, скорее, госпожа всех магов, как сегодня известно каждому египтянину, леди Мерапи, и я хотел бы ее увидеть”.

“Почему ты говоришь, что она повелительница волшебников?” - Возмущенно спросил я.

“Почему одна птица узнает другую в своем роде? Почему вода здесь остается чистой, в то время как вся остальная вода превращается в кровь?” Почему лягушки не квакают в залах Сети, и почему мухи избегают его мяса? Почему также статуя Амона растаяла от ее взгляда, в то время как вся моя магия вылетела из ее груди, как стрелы из кольчуги? Это вопросы, которые задает Египет, и я хотел бы получить ответ на них от возлюбленной Сети или бога Сета, той, кого зовут Мун Израиля”.

“ Тогда почему бы тебе не отправиться на поиски самому, Ки? Для тебя, несомненно, было бы пустяком принять облик змеи, крысы или птицы и подкрасться, или убежать, или залететь в присутствие Мерапи.

“ Может быть, это и не составит труда, Ана. Или, еще лучше, я мог бы навестить ее во сне, как я навестил тебя однажды ночью в Фивах, когда ты рассказал мне о разговоре, который у тебя состоялся с женщиной на аллее Сфинксов, и о том, чего это стоило тебе золотом и слезами. Но, насколько это возможно, я хочу показаться мужчиной и другом и остаться здесь на некоторое время. Бакенхонсу сказал мне, что он находит жизнь здесь, в Мемфисе, очень приятной,

свободной от болезней, которые сейчас, кажется, так распространены в Египте; так почему бы мне не поступить так же, Ана?

Я посмотрел на его круглое, зрелое лицо, на котором застыла неизменная улыбка, как на масках на гробах мумий, с которых, я думаю, он, должно быть, скопировал ее, и в холодные, глубокие глаза над ним, и слегка вздрогнул. По правде говоря, я боялся этого человека, который, как я чувствовал, соприкасался с явлениями и вещами, не принадлежащими нашему миру, и счел самым мудрым больше не противостоять ему.

“Этот вопрос вам лучше всего задать моему хозяину Сети, которому принадлежит этот дом. Пойдем, я отведу тебя к нему, - сказал я.

Итак, мы направились к большому портику дворца, входя и выходя между расписными колоннами, в мои собственные апартаменты, откуда я намеревался отправить послание принцу. Так получилось, что в этом не было необходимости, так как вскоре мы увидели его сидящим в небольшой бухте, недоступной солнцу. Рядом с ним была Мерапи, а на плетеном коврике между ними лежал их спящий младенец, на которого они оба смотрели с обожанием.

“Странно, что в сердце этой матери таится больше силы, чем могут похвастаться все боги Египта. Странно, что глаза этой матери могут обратить в прах древнюю славу Амона!” - Сказал мне Ки таким тихим голосом, что мне почти показалось, будто я слышу его мысли, а не слова, что, возможно, и было на самом деле.

Теперь мы стояли перед этими тремя, и солнце было у нас за спиной, так как было еще рано, тень закутанного в плащ Ки упала на младенца и лежала там. Мне пришла в голову отвратительная фантазия. Это было похоже на зловещую фигуру бальзамировщика, склонившегося над новым мертвецом. Младенец почувствовал это, открыл свои большие глаза и завыл. Мерапи увидела это и схватила своего ребенка. Сети тоже поднялся со своего места, воскликнув: “Кто идет?”

После этого, к моему изумлению, Ки пал ниц и произнес приветствие, которое может быть обращено только к царю Египта: “Жизнь! Кровь! Сила! Фараон! Фараон! Фараон!”

“Кто смеет говорить мне такие слова?” - спросил Сети. “Ана, какого сумасшедшего ты сюда привела?”

- Да будет угодно принцу, *он* привел *меня* сюда, - еле слышно ответила я.

- Парень, скажи мне, кто заставил тебя произнести такие слова, которые никогда не были менее желанными.

- Те, кому я служу, принц.

- А кому вы служите? - спросил я.

“Боги Египта”.

“Тогда, человек, я думаю, богам, должно быть, нужно твое общество. Фараон не сидит в Мемфисе, и если бы он услышал о них...

- Фараон никогда не услышит их, принц, пока не услышит все.

Они уставились друг на друга. Затем, как и я у ворот, Сети протер глаза и сказал:

“ Это, конечно, Ки. Почему же тогда ты только что выглядел иначе?

- Боги могут менять облик своего посланника тысячу раз в мгновение ока, если захотят, о принц.

Теперь гнев Сети прошел и сменился смехом.

“Ки, Ки, - сказал он, - тебе следует приберечь эти фокусы для Суда. Но, раз уж вы в настроении, что у вас есть для приветствия этой леди рядом со мной?

Ки рассматривал ее, пока она, которая всегда боялась и ненавидела его, не съежилась под его взглядом.

“Корона Хатхор, я приветствую тебя. Возлюбленный Исиды, сияй совершенством в небе, проливая свет и мудрость перед заходом солнца”.

Теперь это высказывание озадачило меня. Действительно, я не до конца понимал это, пока Бакенхонсу не напомнил мне, что Мерапи звали Луна Израиля, что Хатхор, богиня любви, увенчана луной во всех своих статуях, что Исида - царица тайн и мудрости, и что Ки, который считал Мерапи совершенной в любви и красоте, а также величайшей из всех волшебниц, сравнивал ее с ними.

“Да, - ответил я, - но что он имел в виду, когда говорил о ее окружении?”

“ Разве луна не заходит всегда и разве ее иногда не затмевают? коротко спросил он.

- Солнце тоже, - ответил я.

“ Верно; солнце тоже! Ты становишься мудрой, воистину очень мудрой, подруга Ана. Ого—го!

Возвращаясь: Когда Сети услышал эти слова, он снова рассмеялся и сказал:

“Я должен обдумать это высказывание, но ясно, что у тебя прекрасный повод для похвалы. Разве это не так, Мерапи, Корона Хатхор и Хранительница мудрости Исиды?

Но Мерапи, которая, я думаю, понимала больше любого из нас, побледнела и отпрянула еще дальше, но уже наружу, на солнечный свет.

“ Ну, Ки, ” продолжал Сети, “ заканчивай свои приветствия. Что за малышка?

Ки тоже обдумал это.

Теперь, когда он больше не находится в тени, я вижу, что этот побег из царственного корня фараона растет так быстро и высоко, что мои глаза не могут дотянуться до его гребня. Он слишком высок и велик для приветствий, принц.

Тогда Мерапи тихонько вскрикнула и унесла ребенка прочь.

- Она боится волшебников и их мрачных изречений, - сказал Сети, глядя ей вслед с озабоченной улыбкой.

- Этого не должно быть, принц, поскольку она хозяйка всего нашего племени.

“Леди Мерапи - волшебница? Ну, в некотором роде, да — там, где дело касается сердец мужчин, ты так не думаешь, Ана? Но будь проще, Ки. Еще рано, а я больше всего люблю разгадывать загадки ночью.

“Кто другой мог бы разрушить крепкий и святой дом, где на земле обитает величие Амона? Даже не те еврейские пророки, как я думаю. Кто еще мог бы оградить этот сад от проклятий, павших на Египет? - серьезно спросил Ки, потому что теперь вся его насмешливая манера исчезла.

“Я не думаю, что она делает такие вещи, Ки. Я думаю, что какая-то Сила совершает их через нее, и я знаю, что она осмелилась встретиться лицом к лицу с Амоном в его храме, потому что ей приказали это сделать жрецы ее народа ”.

“Принц, ” ответил он с коротким смешком, “ некоторое время назад я отправил тебе сообщение от Аны, которое, возможно, другие мысли изгнали из его памяти. Это касалось природы той Силы, о которой вы говорите. В том послании я сказал, что вы мудры, но теперь я вижу, что вам не хватает мудрости, как и всем нам, ибо если бы она у вас была, вы бы знали, что инструмент, который вырезает, - это не направляющая рука, а молния, которая разит, - это не посылающая сила. Так что с твоей прекрасной любовью, так же как и со мной, и со всем, что творит чудеса. Мы делаем не то, чем кажемся, мы всего лишь инструмент и молния. Что я хотел бы знать, так это кто или что направляет ее руку и дает ей силу защищать или разрушать.

“Вопрос широк, Ки, или так кажется мне, у кого, как ты говоришь, мало мудрости, и тот, кто может ответить на него, владеет ключом знания. Твоя магия - всего лишь мелочь, которая кажется великой, потому что лишь немногие могут с ней справиться. Что это за чудо, которое заставляет цветок расти, ребенка рождаться, Нил подниматься, а солнце и звезды сиять на небесах? Что заставляет человека быть наполовину животным и наполовину богом и расти вниз до зверя или вверх до бога - или и то, и другое? Что такое вера и что такое неверие? Кто создал все это, чтобы через них провозгласить цели жизни, смерти и вечности? Вы качаете головой, вы не знаете; как же тогда могу знать я, который, как вы указываете, всего лишь глупец? Иди и получи свой ответ от самой госпожи Мерапи, только, может быть, ты найдешь ответы на свои вопросы.

“Я воспользуюсь своим шансом. Благодаря повелителю Мерапи! Это благо, о принц, поскольку ты не потерпишь другого имени, которое легче всего слетает с уст того, для кого Настоящее и Будущее иногда очень похожи ”.

Сети пристально посмотрел на него, и впервые в его глазах промелькнул страх.

“Предоставь Будущее самому себе, Ки”, - воскликнул он. “Что бы ни было на уме у Египта, сейчас для меня достаточно Настоящего”, - и он взглянул сначала на кресло, в котором сидела Мерапи, а затем на скатерть, на которой лежал его сын.

Я беру свои слова обратно. Принц мудрее, чем я думал. Маги знают будущее, потому что временами оно обрушивается на них, и они должны. Это то, что делает их одинокими, поскольку то, что они знают, они не могут сказать. Но только глупцы будут искать этого”.

“И все же время от времени они приподнимают уголок завесы, Ки. Таким образом, я вспоминаю некоторые ваши собственные высказывания о том, кто найдет великое сокровище в земле Гесем и после этого понесет некоторую временную потерю, а остальное я забываю. Человек,

перестань улыбаться мне своим лицом и пронзай меня насквозь своими глазами, подобными мечам. Ты можешь повелевать всем, какого же блага тогда ты ищешь от меня?”

“Пожить здесь немного, принц, в обществе Аны и Бакенхонсу. Послушай, я больше не Керхеб. Я поссорился с фараоном, возможно, потому, что легкое дуновение этого великого ветра будущего пронеслось в моей душе; возможно, потому, что он не вознаграждает меня по моим заслугам — какая разница, по каким именно? По крайней мере, я пришел к единому мнению с тобой, о принц, и думаю, что фараону было бы лучше отпустить евреев, и поэтому я больше не буду пытаться противопоставить свою магию их магии. Но он отказывается, и мы расстаемся”.

- Почему он отказывается, Ки?

“Возможно, там написано, что он должен отказаться. Или, возможно, потому, что, считая себя величайшим из всех королей, а не игрушкой богов, гордыня запирает двери его сердца, чтобы в один прекрасный день грядущая буря, о которой я говорил, могла разрушить дом, в котором она находится. Я не знаю, почему он отказывается, но ее высочество Таусерт часто бывает с ним.

“Для того, кто не знает, у тебя есть много причин, и все они разные, о наставленный Ки”, - сказал Сети.

Затем он остановился, расхаживая взад-вперед по портику, и я, зная его мысли, догадался, что он раздумывает, правильно ли поступит, если позволит Ки, которого он временами побаивался, потому что его цели были тайными и никогда не менялись, остаться в его доме, или же ему следует отослать его прочь. Ки тоже слегка поежился, как будто почувствовал холод тени, и спустился с портика на яркий солнечный свет. Тут он протянул руку, и с крыши слетел большой мотылек и сел на него, после чего он поднес его к губам, которые шевельнулись, как будто он разговаривал с насекомым.

- Что мне делать? - пробормотал Сети, проходя мимо меня.

“Мне не совсем нравится его общество, как, я думаю, и госпоже Мерапи, но его нельзя обижать, принц”, - ответил я. “Смотри, он разговаривает со своим фамильяром”.

Сети вернулся на свое место и, стряхнув мотылька, который, казалось, не хотел покидать его, так как дважды садился ему на голову, Ки вернулся в тень.

“Какой смысл тебе задавать мне вопросы, Ки, когда, согласно твоим собственным показаниям, ты уже знаешь ответ, который я дам? Какой ответ я должен дать? - спросил принц.

- То раскрашенное создание, которое только что сидело у меня на руке, казалось, нашептывало мне, что ты скажешь, о принц: “Останься, Ки, и будь моим верным слугой, и используй все, что у тебя есть, чтобы защитить мой дом от беды”.

Тогда Сети рассмеялся в своей беспечной манере и ответил:

Будь по-твоему, поскольку существует правило, согласно которому никто из королевской крови Египта не может отказать в гостеприимстве тем, кто его ищет, будучи их друзьями, и я не стану цитировать против твоего мотылька то, что летучая мышь прошептала мне на ухо прошлой ночью. Нет, ни одно из твоих приветствий не было передано тебе насекомыми или будущим”, - и он протянул ему руку для поцелуя.

Когда Ки ушел, я сказал:

- Я же говорил тебе, что это существо, преследующее по ночам, было его фамильяром.

“Тогда ты сказала мне глупость, Ана. Знания, которыми обладает Ки, он не получает от мотыльков или жуков. И все же теперь, когда уже слишком поздно, я жалею, что не спросил госпожу Мерапи, какова ее воля в этом вопросе. Тебе следовало подумать об этом, Ана, вместо того, чтобы позволять своему разуму сбиваться с пути из-за насекомого, сидящего у него на руке, что он и имел в виду, что ты должна была сделать. Что ж, в наказание тебе день за днем придется смотреть на человека с лицом, похожим ... на что?”

“Подобно тому, что я видел на гробе благого бога, твоего божественного отца, Менептаха, который был приготовлен для него при жизни в мастерской бальзамировщика в Танисе”, - ответил я.

“Да, - сказал принц, - лицо, вечно улыбающееся Небытию, которое есть Жизнь и Смерть, но в определенном свете, с глазами, полными огня”.

На следующий день, по ее приглашению, я прогулялся с леди Мерапи по саду, старшая медсестра следовала за нами, неся на руках царственного ребенка.

“Я хочу спросить тебя о Ки, друге Ане”, - сказала она. “Ты знаешь, что он мой враг, потому что ты, должно быть, слышал слова, которые он сказал мне в храме Амона в Танисе. Похоже, милорд сделал его гостем в этом доме — о, смотрите!” и она указала перед собой.

Я оглянулся и увидел в нескольких шагах от себя, где тень от нависающих пальм была гуще, Ки. Он опирался на свой посох, тот самый, что превратился в змею в моей руке, и смотрел вверх, как человек, погруженный в свои мысли или слушающий пение птиц. Мерапи повернулась, словно собираясь взлететь, но в этот момент Ки увидел нас, хотя, казалось, все еще смотрел вверх.

“Приветствую тебя, о Луна Израиля”, - сказал он, кланяясь. “Приветствую тебя, о Победитель Ки!”

Она поклонилась в ответ и замерла, как застывает маленькая птичка, увидев змею. Наступило долгое молчание, которое он нарушил, спросив:

Зачем искать у Аны то, что сам Ки готов дать? Ана образован, но является ли его сердце сердцем Ки? И прежде всего, зачем говорить ему, что Ки, смиреннейший из твоих слуг, твой враг?

Теперь Мерапи выпрямилась, посмотрела ему в глаза и ответила:

“Говорил ли я Ане что-нибудь такое, чего он не знал? Разве Ана не слышала последних слов, которые ты сказал мне в храме Амона в Танисе?”

“Несомненно, он слышал их, леди, и поэтому я рад, что он здесь и может услышать их значение. Леди Мерапи, в тот момент я, Приносящий Жертву Амону, был наполнен — не своим собственным духом, а гневным духом бога, которого вы смирили так, как никогда прежде не случалось с ним в Египте. Бог через меня потребовал от тебя секрета твоей магии и пообещал тебе свою ненависть, если ты откажешься. Леди, у вас есть его ненависть, но у меня ее нет, поскольку у меня также есть его ненависть, потому что я, а через меня и он, были побеждены вашими пророками. Леди, мы попутчики в Долине Беды.

Она пристально смотрела на него, и я видел, что из всего, что слетело с его губ, она не поверила ни единому слову. Ничего не ответив ему и его разговорам об Амоне, она только спросила:

- Почему ты приходишь сюда, чтобы причинить зло мне, которая тебе ничего не сделала?

“Ты ошибаешься, госпожа”, - ответил он. “Я пришел сюда, чтобы укрыться от Амона и от его слуги Фараона, которого Амон ведет к гибели. Я хорошо знаю, что, если вы пожелаете, вы можете шепнуть на ухо принцу, и вскоре он выдвинет меня. Только тогда... - и он посмотрел поверх ее головы туда, где стояла медсестра, укачивая спящего ребенка.

- Тогда что, Волшебник?

Ничего не ответив, он повернулся ко мне.

- Ученая Ана, ты помнишь, как однажды вечером встретила меня в Танисе?

Я покачал головой, хотя достаточно хорошо догадался, какую ночь он имел в виду.

- Твоя память слабеет, ученая Ана, или, скорее, путается, ведь мы часто встречались, не так ли?

Затем он уставился на посох в своей руке. Я тоже уставился, потому что ничего не мог с собой поделаться, и увидел, или мне показалось, что увидел, что сухостой начал набухать и изгибаться. Этого мне было достаточно, и я поспешно сказал:

- Если вы имеете в виду ночь Коронации, то я припоминаю...

“Ах! Я так и думал, что ты придешь. Ты, ученая Ана, которая, как и все писцы, так внимательно наблюдаешь, должно быть, заметила, как мелочи — такие, как аромат цветка, пролетевшая птица или даже извивающаяся в пыли змея, — часто воскрешают в памяти события или слова, которые она давным-давно забыла”.

“Ну, а как же наша встреча? Я поспешно вмешался.

“Вообще ничего - или только это. Незадолго до этого вы разговаривали с ивритом Джабезом, дядей леди Мерапи, не так ли?

- Да, я разговаривал с ним на открытом месте, наедине.

“Это не так, ученый Писец, ибо ты знаешь, что мы никогда не бываем одни - совсем. Если бы вы только видели, у каждой песчинки есть ухо”.

- Будь любезен объяснить, О Ки.

“Нет, Ана, это было бы слишком долго, а короткие шутки всегда самые лучшие. Как я уже говорил тебе, ты был не один, потому что, хотя я и не расслышал некоторых слов, я слышал многое из того, что произошло между тобой и Джейбисом.

“Что ты слышал? - Гневно спросил я и в следующее мгновение пожалел, что не откусил себе язык, прежде чем он успел произнести эти слова.

“Очень, очень. Дай мне подумать. Вы говорили о леди Мерапи и о том, хорошо ли ей было бы остаться в Мемфисе в тени Принца или вернуться в Гошен в тень некоего — я забыл имя. Джейбис, хорошо образованный человек, сказал, что, по его мнению, она могла бы быть

счастливее в Мемфисе, хотя, возможно, ее присутствие там навлечет большое горе на нее саму и ... на других ”.

Тут он снова посмотрел на ребенка, который, казалось, почувствовал его взгляд, потому что проснулся и замолотил по воздуху своими маленькими ручками.

Медсестра тоже почувствовала это, хотя ее голова была отвернута, потому что она вздрогнула и укрылась за стволом одной из пальм. Теперь Мерапи сказала тихим и дрожащим голосом:

- Я знаю, что ты имеешь в виду, Волшебник, потому что с тех пор я видел своего дядю Джейбиза.

- Как и я, несколько раз, леди, что, возможно, объяснит вам то, что Ана считает таким замечательным, а именно то, что я должен был узнать, о чем они говорили вместе, когда он думал, что они одни, чего, как я сказал ему, никто и никогда не может быть, по крайней мере в Египте, стране внимающих богов...

- И колдуны-шпионы, - воскликнул я.

— ... И колдуны-шпионы, - повторил он за мной, - и писцы, которые делают записи и заучивают их наизусть, и священники с ушами размером с ослиные, и оставляющие этот шепот... и многое другое.

- Прекрати свои насмешки и говори то, что должна сказать, - сказала Мерапи тем же надломленным голосом.

Он ничего не ответил, а только посмотрел на дерево, за которым скрылись няня с ребенком.

“ О! Я знаю, я знаю! ” воскликнула она тоном, похожим на плач. “ Моему ребенку угрожают! Ты угрожаешь моему ребенку, потому что ненавидишь меня”.

“ Прошу прощения, леди. Это правда, что зло угрожает этому царственному младенцу, по крайней мере, я так понял от Джейбиза, который так много знает. Но не я угрожаю этому, так же как и не ненавижу тебя, в ком я признаю товарища по своему ремеслу, но более великого, чем я сам, которому я обязан повиноваться”.

“ Покончил! Зачем ты мучаешь меня?

Могут ли жрецы богини Луны мучить Исиду, Мать Магии, своими молитвами и подношениями? И могу ли я, кто хотел бы совершить молитву и подношение...”

- Какая молитва и какое приношение?

— Молитву о том, чтобы ты позволил мне укрыться в этом доме от многих опасностей, которые угрожают мне от рук фараона и пророков твоего народа, и предложение такой помощи, какую я могу оказать своим искусством и знаниями, против более черных опасностей, которые угрожают...другим.

Здесь он еще раз посмотрел на ствол дерева, за которым я услышал детский плач.

- Если я соглашусь, что тогда? - хрипло спросила она.

“Тогда, леди, я постараюсь защитить одного малыша от проклятия, которое, по словам Джабеза, угрожает ему и многим другим, в чьих жилах течет кровь Египта. Я буду бороться, если мне будет позволено остаться здесь — я не говорю, что добьюсь успеха, ибо, как напомнил мне твой господь и как ты показал мне в храме Амона, моя сила меньше, чем у пророков и пророчиц Израиля”.

- А если я откажусь?

“Тогда, госпожа, — ответил он голосом, звенящим, как железо, — я уверен, что тот, кого ты любишь - как любят матери, - вскоре окажется в объятиях бога, которого мы называем Осирисом”.

-*Останься!* - крикнула она и, повернувшись, убежала.

“Что ж, Ана, она ушла, - сказал он, - и это прежде, чем я успел выторговать себе награду. Что ж, это я должен найти в твоём обществе. Какие странные женщины, Ана! Перед тобой одна из величайших представительниц своего пола, как ты узнала в храме Амона. И все же она раскрывается под солнцем надежды и увядает под тенью страха, подобно тронутым листьям того нежного растения, что растёт на берегах реки; та, кто, устремив свой взор на тайну, которая находится за пределами, о которой она слышит шепот ветров, должна растоптать ногами и земную надежду, и страх или сделать из них ступени к славе. Будь она мужчиной, она бы так и сделала, но её секс губит её, ту, кто больше думает о поцелуе младенца, чем обо всем великолепии, которое она могла бы таить в своей груди. Да, младенец, единственный несчастный младенец. У тебя когда-то был младенец, не так ли, Ана?

“О! разжечь костры вместе с тобой и твоими злобными разговорами, - сказал я и оставил его.

Пройдя немного, я оглянулся и увидел, что он смеется, подбрасывая при смехе свой посох и снова ловя его.

“Сет и его огни, ” крикнул он мне вслед. “Интересно, на что они похожи, Ана. Возможно, однажды мы научимся, ты и я вместе, Писец Ана.

Итак, Ки поселился с нами, в том же доме, что и Бакенхонсу, и почти каждый день я встречал их гуляющими в саду, поскольку я, сидевший за столом принца, за исключением тех случаев, когда он ел с госпожой Мерапи, не брал с собой еду. Затем мы говорили вместе на многие темы. В тех вопросах, которые имели отношение к образованию или даже религии, я превосходил Ки, который не был великим ученым или магистром теологии. Но всегда, прежде чем мы расставались, он всаживал мне в ребра какую-нибудь стрелу, на что старый Бакенхонсу смеялся, и смеялся снова, но при этом всегда прикрывал меня щитом своей достопочтенной мудрости, я думаю, просто потому, что любил меня.

Именно после этого чума поразила египетский скот, так что десятки тысяч из них умерли, хотя и не все, как сообщалось. Но, как я уже сказал, из стад Сети никто не погиб, как и, как нам сказали, никто из израильтян в земле Гесем. Теперь в Египте было великое бедствие, но Ки улыбнулся и сказал, что он знал, что так и будет, и что впереди было гораздо худшее, за что я мог бы ударить его по голове его собственным посохом, если бы не боялся, что, если я сделаю это, он снова превратится в змею в моей руке.

Старый Бакенхонсу посмотрел на это дело другими глазами. Он сказал, что с тех пор, как умерла его последняя жена, я думаю, около пятидесяти лет назад, жизнь показалась ему очень скучной, потому что ему не хватало проявления ее характера и ее привычки представлять вещи такими, какими они никогда не были и, возможно, никогда не могли быть. Теперь, однако, это снова стало интересным, поскольку чудеса, происходившие в Египте, будучи совершенно противоречивыми Природе, напомнили ему о его последней жене и ее доводах. Все это было его способом сказать, что в те годы мы жили в новом мире, царем которого для египтян Сета, казалось, был Лукавый.

Но фараон все равно не отпустил евреев, возможно, потому, что он поклялся в этом Менептаху, который посадил его на трон, или, возможно, по тем другим причинам, или по одной из них, которые Ки изложил принцу.

Затем пришло проклятие язв, поражающее мужчин, женщин и детей по всей стране, за исключением тех, кто жил в доме Сети. Таким образом, сторож и его семья, чья сторожка находилась за воротами, пострадали, но сторож и его семья, жившие за воротами, менее чем в двадцати шагах от них, не пострадали, что вызвало ожесточение между их женщинами. Точно так же Ки, который жил в качестве гостя принца в Мемфисе, не страдал от язв, тогда как те из его Коллег, кто остался в Танисе, были поражены тяжелее, чем кто-либо другой, так что некоторые из них умерли. Услышав это, Ки рассмеялся и сказал, что он говорил им, что так и будет. Кроме того, сам фараон и даже ее высочество Таусерт были ударили, причем последнюю по щеке, что на некоторое время сделало ее некрасивой. Действительно, Бакенхонсу узнала, я не знаю как, что ее гнев был настолько велик, что она даже подумывала о возвращении к своему господину Сети, в доме которого, как она узнала, люди были в безопасности, а красота ее преемницы, Мун Израэль, осталась невредимой и была даже великолепнее, чем раньше, новость, которую, я думаю, передал ей сам Бакенхонсу. Но в конце концов ее гордость или ревность помешали ей это сделать.

Теперь сердце Египта начало всерьез поворачиваться к Сети. Принц, по их словам, выступал против политики угнетения евреев и, поскольку не смог одержать верх, отказался от своего права на трон, которое фараон Аменмес купил ценой принятия этой политики, плодами которой, как оказалось, было уничтожение. Следовательно, рассуждали они, если Аменмес будет свергнут и принц воцарится, их страдания прекратятся. Поэтому они тайно отправили к нему депутацию, умоляя его восстать против Аменмеса и обещая ему поддержку. Но он никого из них не слушал, говоря им, что он счастлив таким, какой он есть, и не ищет другого состояния. И все же фараон возревновал, поскольку все это донесли ему его шпионы, и начал строить заговоры с целью уничтожить Сети.

О первом из них Усерти предупредил меня через посыльного, но о втором и худшем Ки узнал каким-то странным образом, так что убийца был пойман в ловушку у ворот и убит сторожем, на что Сети сказал, что, в конце концов, он поступил мудро, оказав гостеприимство Ки, то есть, если продолжать жить было мудростью. Леди Мерапи тоже говорила мне то же самое, но я заметил, что она всегда избегала Ки, к которому относилась с недоверием и страхом.

ГЛАВА XV. НОЧЬ СТРАХА

Затем обрушился град, а через несколько месяцев после града налетела саранча, и Египет обезумел от горя и ужаса. Нам было известно, поскольку с Ки и Бакенхонсу во дворце мы знали все, что еврейские пророки обещали этот град, потому что фараон не слушал их. Поэтому Сети распорядился распространить его по всей земле, чтобы египтяне при первых признаках шторма укрывали свой скот или то, что было им оставлено. Но фараон услышал об этом и издал указ, что этого нельзя делать, поскольку это было бы оскорблением богов Египта. Тем не менее, многие поступили так, и этим спасли свой скот. Было странно видеть эту стену из зазубренного льда, протянувшуюся от земли до небес и разрушающую все, на что она падала. С высоких финиковых пальм была содрана даже кора; почва была взрыхлена; люди и звери, застигнутые за границей, были убиты или разбиты вдребезги.

Я стоял у ворот и наблюдал за происходящим. Там, всего в ярде от нас, обрушился белый град, превратив мир в руины, в то время как здесь, за воротами, не было ни единого камня. Мерапи тоже наблюдала, и вскоре пришел и Ки, а с ним Бакенхонсу, который в кои-то веки никогда не видел ничего подобного за всю свою долгую жизнь. Но Ки наблюдал за Мерапи больше, чем за окликом, потому что я видел, как он выискивал саму ее душу своими безжалостными глазами.

- Госпожа, - сказал он наконец, - умоляю тебя, расскажи своему слуге, как ты это делаешь? - и он указал сначала на деревья и цветы за воротами, а затем на обломки снаружи.

Сначала я подумал, что она не услышала его из-за рева града, потому что она шагнула вперед и открыла боковую калитку, чтобы впустить бедного шакала, который царапался о прутья. Однако это было не так, потому что вскоре она повернулась и сказала:

“ Неужели Керхеб, величайший волшебник Египта, просит необразованную женщину научить его чудесам? Ну, Ки, я не могу, потому что я не делаю этого и не знаю, как это делается”.

Бакенхонсу рассмеялся, и нарисованная улыбка Ки стала как бы ярче, чем раньше.

“Это не то, что говорят в земле Гесем, госпожа, - ответил он, - и не то, что говорят еврейские женщины здесь, в Мемфисе. И это не то, что говорят жрецы Амона. Они заявляют, что у тебя больше магии, чем у всех колдунов Нила. Вот доказательство этого”, - и он указал на руины снаружи и мир внутри, добавив: “Леди, если вы можете защитить свой собственный дом, почему вы не можете защитить невинный народ Египта?”

“Потому что я не могу”, - сердито ответила она. “Если когда-либо у меня и была такая власть, то ее больше нет у меня, матери ребенка египтянина. Но у меня их нет. Там, в храме Амона, через меня действовала какая-то Сила, вот и все, которая никогда больше не посетит меня из-за моего греха”.

- Какой грех, леди?

“Грех вознесения принца Сети к господу. Теперь, если бы какой-нибудь бог говорил через меня, это был бы один из богов египтян, поскольку Он, Израиль, изгнал меня”.

Ки вздрогнул, как будто ему в голову пришла какая-то новая мысль, и в этот момент она повернулась и ушла.

“Если бы она была верховной жрицей Исиды, она могла бы работать на нас, а не против нас”, - сказал он.

Бакенхонсу покачал головой.

“Пусть будет так”, - ответил он. “Будьте уверены, что никогда израильтянка не принесет жертвы тому, что она назвала бы мерзостью египтян”.

“Если она не пожертвует собой ради спасения людей, пусть будет осторожна, чтобы люди не пожертвовали ею ради спасения самих себя”, - холодно сказал Ки.

Потом он тоже ушел.

“Я думаю, что если когда-нибудь этот час настанет, то Ки получит свою долю в этом”, - засмеялся Бакенхонсу. - Какая польза от пастуха, который укрывается здесь в комфорте, в то время как снаружи умирают овцы, а, Ана?

Это было после нашествия саранчи, которая съела все, что оставалось съедобного в Египте, так что бедняки, которые не сделали ничего плохого и которым нечего было сказать по поводу действий фараона с израильтянами, тысячами умирали с голоду, и во время великой тьмы пришел Лаван. Теперь эта тьма лежала на земле, как густое облако, целых три дня и ночи. Тем не менее, хотя тени были глубокими, над домом Seti в Мемфисе, который стоял в воронке серого света, протянувшейся от земли до неба, не было настоящей темноты.

Теперь ужас усилился десятикратно, и мне казалось, что все сотни тысяч жителей Мемфиса собрались за нашими стенами, чтобы посмотреть на свет, каким он был, если они больше ничего не могут сделать. Сети впустил бы столько людей, сколько вместило бы это место, но Ки запретил ему, сказав, что если он сделает это, то тьма хлынет вместе с ними. Только Мерапи впустила в город нескольких израильских женщин, вышедших замуж за египтян, хотя за ее старания они всего лишь проклинали ее как ведьму. На данный момент большинство жителей Мемфиса были уверены, что именно Мерапи, стремясь к собственной безопасности, навлекла на них все эти беды, потому что она поклонялась инопланетному богу.

“Если бы та, кого любит наследница Египта, только принесла жертву египетским богам, эти ужасы миновали бы нас”, - сказали они, усвоив, как я думаю, свой урок из уст Ки. Или, возможно, эмиссары Таусерти научили их.

Мы снова стояли у ворот, наблюдая за людьми, снующими туда-сюда во мраке снаружи, ибо это зрелище очаровало Мерапи, как змея очаровывает птицу. И тут появился Лаван. Я сразу узнал его крючковатый нос и ястребиные глаза, и она тоже узнала его.

“Пойдем со мной, Луна Израиля, ” воскликнул он, “ и все еще будет прощено тебе. Но если ты не придешь, то тебя постигнут ужасные вещи”.

Она стояла, уставившись на него, не отвечая ни слова, и как раз в этот момент принц Сети подошел к нам и увидел его.

“Возьмите этого человека”, - приказал он, покраснев от гнева, и стражники бросились в темноту выполнять его приказ. Но Лаван исчез.

На второй день темноты поднялся сильный шум, на третий - ужасный. Толпа оттолкнула стражу, выломала ворота и ворвалась во дворец, смиренно требуя, чтобы госпожа Мерапи пришла помолиться за них, но всем своим видом показывая, что, если она не придет, они намерены забрать ее.

“Что же делать?” - спросил Сети у Ки и Бакенхонсу.

- Это решать принцу, - сказал Ки, - хотя я не вижу, как это может повредить госпоже Мерапи, если она будет молиться за нас на открытой площади Мемфиса.

- Отпусти ее, - сказал Бакенхонсу, - иначе мы все зайдем дальше, чем хотели бы.

“Я не хочу уходить, - воскликнула Мерапи, - не зная, за кого и как я должна молиться”.

“Будь по-твоему, госпожа”, - сказал Сети своим серьезным и нежным голосом. “Только прислушайся к реву толпы. Если ты откажешься, я думаю, что очень скоро каждый из нас достигнет страны, где, возможно, вообще не нужно будет молиться, - и он посмотрел на младенца у нее на руках.

- Я пойду, - сказала она.

Она вышла, неся ребенка, а я последовал за ней. Принц сделал то же самое, но в этой темноте он был отрезан потоком тысяч людей, и я больше не видел его, пока все не закончилось. Бакенхонсу был со мной, опираясь на мою руку, но Ки пошел впереди нас, как я думаю, в своих собственных целях. Огромная толпа двигалась сквозь густую тьму, в которой тут и там плавали огоньки, как лампы на тихом море. Я не знал, куда мы направляемся, пока свет одной из этих ламп не упал на колени колоссальной статуи великого Рамзеса, обнажив его картуш. Тогда я понял, что мы находимся рядом с воротами огромного храма в Мемфисе, возможно, самого большого во всем мире.

Мы проходили двор за двором с колоннами, священники вели нас за руки, пока не подошли к святилищу, возвышающемуся над самым большим двором из всех, который был битком набит мужчинами и женщинами. Это была рука Исиды, которая держала у груди младенца Гора.

“О друг Ана, ” воскликнула Мерапи, “ помоги мне. Они наряжают меня в странные одежды”.

Я попытался приблизиться к ней, но меня оттолкнули, и голос, который, как мне показалось, принадлежал Ки, произнес:

-Клянусь твоей жизнью, дурак!

Вскоре была поднята лампа, и при ее свете я увидел Мерапи, сидящую в кресле, одетую как богиня, в жреческие одежды Исиды и головной убор в виде шапки стервятника — чрезвычайно красивую. На руках у нее был ребенок, одетый как младенец Гор.

“Молись за нас, мать Исида, - кричали тысячи голосов, - чтобы проклятие тьмы было снято”.

Затем она помолилась, говоря:

“О мой Бог, сними это проклятие черноты с этих невинных людей”, - и все присутствующие повторили ее молитву.

В этот момент небо начало светлеть, и менее чем через полчаса выглянуло солнце. Когда Мерапи увидела, как одеты она и ребенок, она громко закричала и сорвала с себя украшенные драгоценностями украшения, крича:

“Горе! Горе! Горе! Великое горе народу Египта!”

Но в своей радости от вновь обретенного света мало кто прислушивался к той, кто, как они были уверены, вернул солнце. Снова на мгновение появился Лаван.

“Ведьма! Предательница! - закричал он. “Ты носила одежды Исиды и поклонялась в храме египетских богов. Проклятие Бога Израилева да падет на тебя и на то, что от тебя родится”.

Я бросился на него, но он исчез. Потом мы отнесли Мерапи домой в обмороке.

Итак, эта неприятность миновала, но с тех пор Мерапи не позволяла, чтобы ее сына уводили с глаз долой.

“Почему вы придаете ему такое большое значение, леди?” Однажды я спросил.

- Потому что я буду любить его, пока он здесь, друг, - ответила она, - но ничего не говори об этом его отцу.

Прошло некоторое время, и мы услышали, что фараон по-прежнему не отпускает израильтян. Тогда принц Сети послал Бакенхонсу и меня в Танис повидать фараона и сказать ему:

“Я ничего не ищу для себя и забываю о том зле, которое ты хотел причинить мне из ревности. Но я говорю вам, что если вы не отпустите этих чужеземцев, то великие и ужасные вещи постигнут вас и весь Египет. Поэтому услышьте мою молитву и отпустите их”.

Теперь мы с Бакенхонсу предстали перед фараоном и увидели, что он сильно постарел, потому что его волосы поседели на висках, а плоть свисала мешками под глазами. Кроме того, он ни на минуту не мог усидеть на месте.

“Твой господь, и ты тоже из слуг этого еврейского пророка, которому египтяне поклоняются как богу, потому что он причинил им столько зла?” он спросил. “Вполне может быть, что это так, поскольку я слышал, что мой двоюродный брат Сети держит в своем доме израильскую ведьму, которая отгоняет от него все бедствия, поразившие остальной Египет, и что к нему бежал также Ки Херхеб, мой волшебник. Более того, я слышал, что в уплату за это волшебство многие непостоянные и боязливые люди из моего народа пообещали ему трон Египта. Пусть он будет осторожен, чтобы я не вознес его выше, чем он надеется, у которого и так достаточно предателей на этой земле, и вы двое вместе с ним”.

Я промолчал, видя, что этот человек сошел с ума, но Бакенхонсу громко рассмеялся и ответил:

“О фараон, я знаю мало, но я знаю одно, хотя и стар, а именно, что после того, как люди перестанут произносить твое имя, я все еще буду общаться с носителем Двойной Короны в Египте. Теперь ты отпустишь этих евреев или навлечешь смерть на Египет?”

Фараон пристально посмотрел на него и ответил: “Я не отпущу их”.

“Почему нет, фараон? Расскажи мне, ибо мне любопытно.

“Потому что я не могу”, - ответил он со стоном. “Потому что что-то более сильное, чем я, заставляет меня отвергнуть их молитву. Изыди!”

Итак, мы отправились, и это был последний раз, когда я видел Аменмеса в Танисе.

Когда мы вышли из зала, я увидел входящего в него еврейского пророка. Впоследствии до нас дошел слух, что он угрожал убить всех людей в Египте, но фараон все равно не позволил израильтянам уйти. Действительно, говорили, что он сказал пророку, что если тот еще раз предстанет перед ним, то будет предан смерти.

Теперь мы отправились обратно в Мемфис со всеми этими новостями и доложили Seti. Когда Мерапи услышала их, она наполовину обезумела, рыдая и заламывая руки. Я спросил ее, чего она боится. Она ответила, что смерти, которая была близка ко всем нам. Я сказал:

- Если так, то бывают вещи и похуже, леди.

“ Может быть, для вас, кто по-своему верен и добр, но не для меня. Неужели ты не понимаешь, друг мой Ана, что я нарушил закон Бога, которому меня учили поклоняться?”

“ А кто из нас здесь есть, кто не нарушил закон бога, которому нас учили поклоняться, леди? Если ты действительно сделала что-то подобное, сбежав от кровожадного злодея к тому, кто тебя искренне любит, во что я не верю, то, несомненно, за такие грехи, как этот, есть прощение ”.

“ Да, возможно, но, увы! дело гораздо чернее. Ты забыл, что я сделал? Одета в одежды Исиды, я молилась в храме Исиды, а мой мальчик играл роль Гора у меня на груди. Это преступление, которое никогда не может быть прощено еврейской женщине, Ане, потому что мой Бог - ревнивый Бог. И все же это правда, что Ки обманул меня”.

“Если бы он этого не сделал, леди, я думаю, никого из нас не осталось бы, чтобы обманывать, видя, что люди обезумели от страха темноты и верили, что вы сможете справиться с ней в одиночку, что и произошло на самом деле”, - добавил я с некоторым сомнением.

“ Еще одни фокусы Ки! О! неужели ты не понимаешь, что рассеяние тьмы в тот момент было делом рук Ки, потому что он хотел, чтобы люди поверили, что я действительно колдунья.

“ Почему? - Спросил я.

“ Я не знаю. Возможно, однажды он найдет жертву, чтобы привязать ее к алтарю вместо себя. По крайней мере, я хорошо знаю, что это я должна заплатить цену, я, моя плоть и кровь, что бы ни обещал Ки, - и она посмотрела на спящего ребенка.

“Не бойся, госпожа”, - сказал я. “Ки покинул дворец, и ты его больше не увидишь”.

“ Да, потому что принц рассердился на него из-за трюка в храме Исиды. Поэтому он внезапно ушел, или притворился, что уходит, ибо как можно сказать, где такой человек может быть на самом деле? Но он вернется снова. Подумайте сами, Ки был величайшим магом Египта; даже старый Бакенхонсу не может вспомнить никого, подобного ему. Тогда он противопоставляет себя пророкам моего народа и терпит неудачу”.

“ Но разве он потерпел неудачу, леди? То, что они сделали, он сделал, наслав на израильтян язвы, которые ваши пророки наслали на нас”.

“ Да, некоторые из них, но его опередили или он боялся, что его наконец опередят. Разве Ки такой человек, чтобы забывать об этом? И если Ки действительно поверит, что я его противник и мастер в этом черном деле, как сегодня верят тысячи людей из-за того, что произошло в храме Амона, не отмерит ли он мне мою собственную меру рано или поздно? О! Я боюсь Ки, Ана, и я боюсь народа Египта, и если бы не мой возлюбленный господь, я бы убежала в пустыню со своим сыном, и заberi меня из этой проклятой земли! Тише! он просыпается.

С этого времени и до падения меча в Египте царил великий ужас. Казалось, никто точно не знал, чего они боятся, но все думали, что это связано со смертью. Люди ходили, печально оглядываясь через плечо, как будто кто-то следил за ними, а по ночам они собирались кучками и разговаривали шепотом. Только евреи, казалось, были довольны. Более того, они готовились к чему-то новому и странному. Таким образом, те израильские женщины, которые жили в Мемфисе, начали продавать то имущество, которое у них было, и брать займы у египтян. Особенно они просили займы драгоценности, говоря, что собираются отпраздновать праздник и хотят хорошо выглядеть в глазах своих соотечественников. Никто не отказал им в том, о чем они просили, потому что все их боялись. Они даже пришли во дворец и попросили у Мерапи украшения для нее, хотя она была их соотечественницей, которая проявила к ним много доброты. Да, и, увидев, что у ее сына в волосах маленький золотой обруч, одна из них попросила и об этом, но не сказала своего "нет". Но так случилось, что вошел принц и, увидев женщину с королевским значком в руке, очень рассердился и заставил ее вернуть его.

“Какой смысл в коронах без голов, чтобы носить их?” - усмехнулась она и, смеясь, убежала со всем, что собрала.

После того, как она услышала эти слова, Мерапи стала еще более печальной и обезумевшей, чем была раньше, и от нее беда перешла к Сети. Ему тоже стало грустно и не по себе, хотя, когда я спросил его, почему, он поклялся, что не знает, но предположил, что это из-за приближения какой-то новой чумы.

“И все же, - добавил он, - поскольку я сумел пережить девять из них, я не знаю, почему я должен бояться десятого”.

И все же он боялся этого настолько, что посоветовался с Бакенхонсу, есть ли какие-нибудь средства, с помощью которых можно было бы предотвратить гнев богов.

Бакенхонсу рассмеялся и сказал, что, по его мнению, нет, поскольку всегда, если боги не гневались из-за чего-то одного, они гневались из-за чего-то другого. Сотворив мир, они только и делали, что ссорились с ним или с другими богами, приложившими руку к его созданию, и жертвами этих ссор становились люди.

“Терпи свои горести, принц, - добавил он, - если они придут, ибо прежде, чем уровень воды в Ниле поднимется самое большее еще в пятьдесят раз, были они или не были, для тебя все равно”.

- Значит, ты думаешь, что, отправившись на запад, мы действительно умрем, и что Осирис - это всего лишь другое название заката, Бакенхонсу.

Старый советник покачал своей огромной головой и ответил:

“Нет. Если когда-нибудь ты потеряешь того, кого очень любишь, утешься, принц, ибо я не думаю, что жизнь заканчивается со смертью. Смерть - это сиделка, которая усыпляет его, не более, и утром оно снова проснется, чтобы пережить новый день с теми, кто сопровождал его с самого начала”.

- К чему в конце концов приводят все эти дни, Бакенхонсу?

- Спроси об этом Ки, я не знаю.

“Чтобы поговорить с Ки, я разгневан на него”, - сказал принц и ушел.

“Думаю, не без причины”, - задумчиво произнес Бакенхонсу, но когда я спросил его, что он имеет в виду, он не захотел или не смог мне ответить.

Так сгустился мрак, и дворец, который был по-своему веселым, стал печальным. Никто не знал, что надвигается, но все знали, что что-то надвигается, и протягивали руки, стремясь защитить то, что они любили больше всего, от удара воюющих богов. В случае Сети и Мерапи это был их сын, теперь красивый маленький мальчик, который мог бегать и лепетать, к тому же обладающий необычным здоровьем и энергией для ребенка чистокровной расы Рамессидов. Ни на минуту этому мальчику не разрешалось выпускать из поля зрения ни одного из его родителей; действительно, в те дни я мало видел Сети, и все наши ученые занятия ни к чему не привели, потому что он всегда заботился о Мерапи, играя роль няньки при своем сыне.

Когда Таусерт рассказали об этом, она сказала в присутствии моего друга:

- Без сомнения, это потому, что он готовит своего бастарда занять трон Египта.

Но, увы! все, что маленький Seti был обречен заполнить, - это гроб.

Вечер был тихий и жаркий, такой жаркий, что Мерапи велела кормилице принести кроватку ребенка и установить ее между двумя колоннами большого портика. Там, на кровати, он спал, прекрасный, как божественный Гор. Она сидела рядом с ним в кресле, ножки которого напоминали ножки антилопы. Сети ходил взад и вперед по террасе за портиком, опираясь на мое плечо и разговаривая обрывками о том или ином. Иногда, проходя мимо, он останавливался на некоторое время, чтобы при ярком лунном свете убедиться, что с Мерапи и ребенком все в порядке, как в последнее время это вошло у него в привычку. Затем, не говоря ни слова, из опасения разбудить мальчика, он улыбался Мерапи, которая сидела в задумчивости, подперев голову рукой, и проходил дальше.

Ночь была очень тихой. Пальмовые листья не шелестели, шакалы не шевелились, и даже насекомые с пронзительными голосами прекратили свои крики. Более того, огромный город внизу был тих, как обитель мертвых. Это было так, как будто предвестие какого-то приближающегося рока напугало мир, заставив замолчать. Ибо, без сомнения, рок витал в воздухе. Все чувствовали это, вплоть до медсестры, которая прижалась, насколько осмелилась, к креслу своей госпожи и даже в такую жару время от времени вздрагивала.

Вскоре маленький Сети проснулся и начал лепетать о чем-то, что ему приснилось.

“Что тебе снилось, сын мой?” - спросил его отец.

“Мне приснилось, ” ответил он своим детским лепетом, “ что женщина, одетая как Мать, была в храме, взяла меня за руку и подняла в воздух. Я посмотрела вниз и увидела тебя и маму с побелевшими лицами и плачущими. Я тоже начала плакать, но женщина в шапочке из перьев сказала мне, что нет, потому что она везла меня к красивой большой звезде, куда скоро должна была прийти мама, чтобы найти меня ”.

Мы с принцем переглянулись, и Мерапи притворилась, что снова укладывает ребенка спать. Время близилось к полуночи, а по-прежнему никто, казалось, не собирался ложиться спать. Появился старый Бакенхонсу и начал говорить что-то о том, что ночь была очень странной и беспокойной, как вдруг маленькая летучая мышь, порхавшая туда-сюда над нами, упала ему на голову, а оттуда на землю. Мы посмотрели на него и увидели, что он мертв.

“Странно, что это существо умерло такой смертью”, - сказал Бакенхонсу, когда, смотрите! другое упало на землю неподалеку. Черный котенок, принадлежавший Маленькому Сети, увидел, как она упала, и выскочил из-за его кровати, где спал. Еще не добравшись до летучей мыши, существо развернулось, встало на задние лапы, царапая воздух вокруг себя, затем издало один жалобный крик и упало замертво.

Мы уставились на это, как вдруг вдалеке очень пронзительно завывала собака. Затем корова начала скулить, как это делают эти животные, потерявшие телят. Затем, совсем рядом, но за воротами, раздался душераздирающий крик женщины в агонии, который, казалось, мгновенно разнесся отовсюду, пока воздух не наполнился воплями.

“О, Сети! Сети! - воскликнула Мерапи голосом, который был скорее шипением, чем шепотом. - Посмотри на своего сына!

Мы бросились туда, где лежал младенец, и посмотрели. Он проснулся и смотрел вверх широко открытыми глазами с застывшим лицом. Страх, если это был страх, исчез с его лица, хотя он продолжал смотреть. Он поднялся на свои маленькие ножки, все время глядя вверх. Затем на его лице появилась улыбка, самая прекрасная улыбка; он протянул руки, как бы желая обнять того, кто наклонился к нему, и упал навзничь — совершенно мертвый.

Сети стоял неподвижно, как статуя; мы все замерли, даже Мерапи. Затем она наклонилась и подняла тело мальчика.

“Теперь, милорд, - сказала она, “ на вас обрушилось то горе, о котором предупреждал мой дядя Джабез, если вы когда-нибудь будете иметь ко мне какое-либо отношение. Теперь проклятие Израиля пронзило мое сердце, и теперь наш ребенок, как и предсказывал Ки злой, вырос слишком большим для приветствий или даже для прощания ”.

Так она произнесла холодным и тихим голосом, как можно было бы говорить о чем-то давно ожидаемом или предвиденном, затем поклонилась принцу и удалилась, унося тело ребенка. Никогда, я думаю, Мерапи не казалась мне более прекрасной, чем в этот час ее тяжелой утраты, поскольку сейчас сквозь ее женскую прелесть просвечивала какая-то тень внутренней души. Действительно, такими были ее глаза и такие движения, что вполне могло показаться, что это был дух, а не женщина, ушедшая от нас с тем, что когда-то было ее сыном.

Сети оперся на мое плечо, глядя на пустую кровать и на испуганную медсестру, которая все еще сидела позади, и я почувствовал, как слеза упала мне на руку. Старый Бакенхонсу поднял свое массивное лицо и посмотрел на него.

“Не печалься сильно, принц, - сказал он, - потому что прежде, чем пройдет столько лет, сколько я прожил, это дитя будет забыто, и его мать будет забыта, и даже ты, о принц, будешь жить лишь как имя, которое когда-то было великим в Египте. И тогда, о принц, в другом месте игра начнется заново, и то, что ты потерял, будет найдено заново, и тем слаще от этого укрытие от мерзкого дыхания людей. Магия Ки не вся ложь, или, если это так, то в моей есть какая-то тень правды, и когда он сказал тебе там, в Танисе, что не зря тебя называли “Повелителем Перерождений”, он произнес слова, которые ты должен найти приятными сегодня ночью.

- Благодарю вас, советник, - сказал Сети и, повернувшись, последовал за Мерапи.

“Теперь, я полагаю, у нас будет больше смертей”, - воскликнул я, едва осознавая, что говорю в своем горе.

“ Я думаю, что нет, Ана, ” ответил Бакенхонсу, “ поскольку щит Джабиза, или его бога, над нами. Он всегда предсказывал, что беда придет в Мерапи и к Сети через Мерапи, но это все.

Я взглянула на котенка.

“ Оно забрело сюда из города три дня назад, Ана. И летучие мыши, возможно, тоже прилетели из города. Прислушайся к вою. Слышали ли когда-нибудь раньше в Египте такой звук?”

ГЛАВА XVI. ДЖАБЕЗ ПРОДАЕТ ЛОШАДЕЙ

Бакенхонсу был прав. Кроме одного сына Сети, никто не умер из тех, кто жил в его доме или около него, хотя в других местах все первенцы Египта лежали мертвыми, а также первенцы зверей. Когда об этом стало известно по всей стране, египтян охватил гнев против Мерапи, которая, как они помнили, навлекла горе на Египет после того, как ее заставили молиться в храме и, как они верили, рассеять тьму из Мемфиса.

Мы с Бакенхонсу и другими, кто любил ее, указывали, что ее собственный ребенок умер вместе с остальными. На это был дан ответ, и тут мне показалось, что я увидел пальцы Усерти и Ки, что это ничего не значит, поскольку ведьмы не любили детей. Более того, они сказали, что она может иметь их столько, сколько захочет и когда захочет, делая их похожими на детей из глиняных фигурок и превращая в злых духов, которые будут терзать землю. Наконец, люди клялись, что слышали, как она говорила, что, хотя для этого она должна убить сына своего собственного господина, она не откажется из-за этого от своей мести египтянам, которые когда-то обращались с ней как с рабыней и убили ее отца. Кроме того, сообщалось, что сами израильтяне или некоторые из них, возможно, Лаван среди них, рассказали египтянам, что именно колдунья, околдовавшая принца Сети, навлекла на них такие большие беды.

Так случилось, что египтяне возненавидели Мерапи, которая из всех женщин была самой милой и заслуживала наибольшей любви, и к другим ее предполагаемым преступлениям добавилось еще и то, что своим колдовством она похитила сердце Сети у его законной жены и заставила его

прогнать эту женщину, Царственную принцессу Египта, даже от своих ворот, так что она была вынуждена жить одна в Танисе. Ибо во всех этих делах никто не винил Сети, которого все в Египте любили, потому что было известно, что он поступил бы с израильтянами совсем по-другому и таким образом предотвратил бы все беды, опустошившие древнюю землю Хем. Что же касается истории с еврейской девушкой с большими глазами, которая случайно околдовала его, то это было его несчастье, не более того. Среди множества женщин, которыми, по их мнению, он наполнял свой дом, как это было принято у принцев, не было ничего странного в том, что одной из фавориток оказалась ведьма. Действительно, я уверен, что только потому, что было известно, что он любил ее, Мерапи была спасена от смерти ядом или каким-то другим тайным способом, по крайней мере, на некоторое время.

Теперь пришла радостная весть о том, что гордость фараона наконец-то сломлена (ибо его первенец умер вместе с остальными), или что облако безумия рассеялось в его мозгу, что бы это ни было, и что он постановил, что дети Израиля могут покинуть Египет, когда и куда пожелают. Тогда люди снова вздохнули с облегчением, увидев надежду на то, что их страдания могут закончиться.

Именно в это время Джабез снова появился в Мемфисе, управляя несколькими лошадьми для колесниц, которых, по его словам, он хотел продать принцу, поскольку не хотел, чтобы они переходили в какие-либо другие руки. Его впустили и назвали цену за его лошадей, согласно которой они, должно быть, были очень ценными животными.

“Почему ты хочешь продать своих лошадей?” - спросил Сети.

- Потому что я иду со своим народом в земли, где мало воды, и там они могут умереть, о принц.

“Я куплю лошадей. Позаботься об этом, Ана, - сказал Сети, хотя я прекрасно знала, что у него уже есть больше, чем нужно.

Принц встал, показывая, что беседа окончена, на что Джабез, склонившийся в знак благодарности, поспешно сказал:

“Я рад узнать, о Царственная Особа, что все произошло так, как я предсказывал, или, вернее, мне было велено предсказать, и что беды, обрушившиеся на Египет, миновали твое жилище”.

“Тогда ты радуешься, узнав ложь, иврит, поскольку худшая из этих бед поселилась здесь. Мой сын мертв”, - и он отвернулся.

Джейбиз поднял свои бегающие глазки от пола и взглянул на него.

“Принц, - сказал он, - я знаю и скорблю, потому что эта потеря ранила тебя в самое сердце. И все же в этом нет моей вины или вины моего народа. Если ты подумаешь, то вспомнишь, что и тогда, когда я возводил защитную стену вокруг этого места из-за твоих добрых дел перед Израилем, о принц, и раньше, я предупреждал и велел предупредить тебя, что, если ты и моя племянница, Мун Исраэль, встретитесь, на тебя может обрушиться большая беда из-за нее, которая, став женой египтянина вопреки приказу, должна разделить судьбу египтянок”.

“Может быть, и так”, - сказал принц. “Это не тот вопрос, о котором я хотел бы говорить. Если эта смерть была вызвана магией ваших волшебников, я могу сказать только одно — что это плохая

плата мне за все, что я стремился сделать от имени евреев. Впрочем, чего еще я мог ожидать от таких людей в таком мире? Прощайте”.

“ Одна молитва, о принц. Я бы попросил твоего позволения поговорить с моей племянницей Мерапи.

“ На ней вуаль. С тех пор, как колдовство убило ее ребенка, она не видится ни с одним мужчиной.

- И все же я думаю, что она увидит своего дядю, о принц.

- Что же тогда ты хочешь ей сказать?

“О принц, благодаря милосердию фараона мы, бедные рабы, вот-вот покинем землю Египта, чтобы никогда не возвращаться. Поэтому, если моя племянница останется здесь, естественно, что я пожелаю попрощаться с ней и доверить ей некоторые вопросы, связанные с нашей расой и семьей, которые она, возможно, пожелает передать своим детям”.

Теперь, услышав это слово “дети”, Сети смягчился.

“Я тебе не доверяю”, - сказал он. “Тебя могут обвинить в новых твоих еврейских проклятиях в адрес Мерапи, или ты можешь сказать ей слова, которые сделают ее еще несчастнее, чем она есть. И все же, если вы пожелаете увидеть ее в моем присутствии...

“ Милорд принц, я пока не буду вас беспокоить. Прощайте. Рад сообщить...

- Или, если это вас не устраивает, - перебил Сети, - вы можете сделать это в присутствии Аны, если только она не откажется вас принять.

Джейбиз на мгновение задумался и ответил:

- Тогда пусть это будет в присутствии Аны, поскольку он мужчина, который знает, когда нужно промолчать.

Джабез поклонился и удалился, и по знаку принца я последовал за ним. Вскоре нас провели в покои госпожи Мерапи, где она сидела с самым печальным и одиноким видом, с черной вуалью на голове.

“Приветствую тебя, мой дядя”, - сказала она, взглянув на меня, присутствие которого, я думаю, она поняла. “Ты носитель еще каких-то пророчеств?” Я молюсь, чтобы это было не так, поскольку ваши последние слова были чистой правдой, - и она коснулась пальцем черной вуали.

“Я принес весть и мольбу, племянница. Весть заключается в том, что народ Израиля собирается покинуть Египет. Молитва, которая также является приказом, заключается в том, чтобы вы были готовы сопровождать их...”

- К Лавану? - спросила она, поднимая глаза.

“ Нет, моя племянница. Лаван не пожелал бы взять в жены ту, которая была любовницей египтянина, но хотел бы сыграть твою роль, какой бы скромной она ни была, в судьбе нашего народа”.

“Я рад, что Лаван не желает того, чего он никогда не сможет получить, мой дядя. Скажи мне, прошу тебя, почему я должен прислушаться к этой молитве или этому повелению?”

“ По уважительной причине, племянница, — что от этого зависит твоя жизнь. До сих пор тебе позволяли исполнять желания твоего сердца. Но если ты останешься в Египте, где тебе больше не нужно выполнять миссию, сделав все, что от тебя требовалось, чтобы сохранить разум твоего возлюбленного, принца Сети, верным делу Израиля, ты наверняка умрешь ”.

- Ты хочешь сказать, что наши люди убьют меня?

“ Нет, не наш народ. Ты все равно умрешь.

Она сделала шаг к нему и посмотрела в глаза.

- Ты уверен, что я умру, дядя?

“Я уверен, или, по крайней мере, другие уверены”.

Теперь она рассмеялась; это был первый раз, когда я увидел ее смеющейся за несколько лун.

- Тогда я останусь здесь, - сказала она.

Джейбиз уставился на нее.

- Я думал, ты любишь этого египтянина, который действительно достоин любви любой женщины, - пробормотал он себе в бороду.

“ Возможно, я хочу умереть именно потому, что люблю его. Я дал ему все, что мог дать; от моего бедного сокровища не осталось ничего, кроме того, что навлечет на его голову неприятности. Следовательно, чем больше любовь — а она больше, чем все эти пирамиды, собранные в одну, — тем больше потребность в том, чтобы ее на время похоронили. Ты понимаешь?”

Он покачал головой.

- Я понимаю только то, что вы очень странная женщина, не похожая ни на одну из тех, кого я знал.

“Мой ребенок, который был убит вместе с остальными, был для меня всем миром, и я был бы там, где он сейчас. Теперь ты понимаешь?

“ Вы бы оставили свою жизнь, в которой, будучи молодыми, у вас могут быть еще дети, чтобы лечь в могилу со своим умершим сыном? - медленно спросил он, как человек удивленный.

“Я дорожу жизнью только до тех пор, пока она может служить тому, кого я люблю, и если настанет день, когда он сядет на трон, как тогда дочь ненавистных израильтян будет служить ему? Также я не желаю больше детей. Живой или мертвый, тот, кто ушел, владеет всем моим сердцем; в нем нет места для других. Эта любовь, по крайней мере, чиста и совершенна, и, будучи забальзамирована смертью, никогда не сможет измениться. Более того, я буду лежать с ним не в могиле, по крайней мере, я так думаю. Вера этих египтян, которую мы презираем, говорит о вечной жизни на небесах, и я хотел бы отправиться туда, чтобы найти то, что потеряно, и немного подождать того, что осталось позади ”.

“Ах!” - сказал Джейбиз. “Что касается меня, то я не утруждаю себя этими проблемами, поскольку нахожу в земной жизни достаточно временного, чтобы заполнить свои мысли и руки. И все же, Мерапи, ты мятежница, и будь то на небесах или на земле, как мятежников принимают королем, против которого они восстали?”

“ Ты говоришь, что я бунтарка, ” сказала она, поворачиваясь к нему со сверкающими глазами. “ Почему? Потому что я не опозорила бы себя, выйдя замуж за человека, которого ненавижу, к тому же убийцу, и потому что, пока я жива, я не брошу человека, которого люблю, чтобы вернуться к тем, кто не причинил мне ничего, кроме зла. Неужели Бог тогда создал женщин для продажи, как полевой скот, ради удовольствия и выгоды того, кто может заплатить больше?”

- Похоже на то, - сказал Джейбиз, разводя руками.

“ Похоже, что ты так думаешь, ведь ты создаешь Бога таким, каким хотел бы его видеть, но я, со своей стороны, в это не верю, а если бы и верил, то искал бы другого короля. Дядя мой, я взываю от имени священника и старейшины к Тому, что создало и их, и меня, и по Его решению я устою или паду”.

“ Это всегда очень опасно, ” размышлял Джабиз вслух, “ поскольку священник склонен взять закон в свои руки прежде, чем дело будет передано в другие руки. И все же, кто я такой, чтобы противопоставлять свои доводы тому, кто может стереть Амона в порошок в его собственном святилище, и кто, следовательно, может иметь право на все, что она думает и делает?”

Мерапи топнула ногой.

“ Ты хорошо знаешь, что это ты принес мне приказ бросить вызов богу Амону в его храме. Это была не я... - начала она.

“Я знаю”, - ответил Джейбиз, махнув рукой. “Я также знаю, что так говорит каждый волшебник, независимо от его нации или его богов, и во что никто никогда не верит. Таким образом, из-за того, что ты, имея веру, подчинилась повелению и через тебя был поражен Амон, как среди израильтян, так и среди египтян ты считаешься величайшей колдуньей, которая смотрела на Нил, а это опасная репутация, моя племянница ”.

- Тот, на который я не претендую и никогда не искал.

“Именно так, но которое все равно пришло к вам. Итак, зная, а вы, без сомнения, делаете все, что скоро произойдет в Египте, и будучи предупреждены, если вас нужно было предупредить, об опасности, которая угрожает вам самим, вы все еще отказываетесь подчиниться этому второму приказу, который мой долг передать вам?”

- Я отказываюсь.

“ Тогда пусть это падет на твою голову, и прощай. О! Я бы добавил, что у вас есть определенная собственность на скот и плоды земель, которые достаются вам по наследству от вашего отца. В случае вашей смерти...

“ Возьми все это, дядя, и пусть это принесет тебе процветание. Прощай.

“Великая женщина, подруга Ана, и прекрасная”, - сказал старый еврей, посмотрев ей вслед. “Я скорблю о том, что никогда больше не увижу ее, и, более того, что никто не увидит ее очень

долго; потому что, помните, она моя племянница, которую я очень люблю. Теперь я тоже должен идти, выполнив свое поручение. Удачи тебе, Ана. Ты больше не солдат, не так ли? Нет? Поверьте мне, это так же хорошо, как вы скоро узнаете. Мое почтение принцу. Думай обо мне иногда, когда состаришься, и не обижайся, ведь я служил тебе, как мог, а также твоему хозяину, который, я надеюсь, скоро снова обретет то, что потерял некоторое время назад”.

- Ее Высочество, принцесса Таусерт, - подсказал я.

“ Среди прочего, принцесса Таусерт, Ана. Скажите принцу, если он сочтет их дорогими, что те лошади, которых я ему продал, действительно лучших сирийских кровей и той породы, которой моя семья владела на протяжении многих поколений. Если у вас случайно появится друг, благополучия которого вы желаете, пусть он не отправляется в пустыню на военную службу в течение следующих нескольких лун, особенно если командовать будет фараон. Нет, я ничего не знаю, но это сезон сильных штормов. Прощай, друг Ана, и еще раз прощай.

“Итак, что он имел в виду?” - подумал я про себя, отправляясь с докладом в Seti. Но никакого ответа на этот вопрос у меня в голове не возникло.

Очень скоро я начал понимать. Оказалось, что в конце концов израильтяне покинули Египет, огромная их орда, и с ними десятки тысяч арабов различных племен, которые поклонялись своему богу и некоторые из них были потомками народа гиксосов, пастухов, которые когда-то правили в Египте. То, что это было правдой, было доказано дошедшими до нас известиями о том, что все еврейские женщины, жившие в Мемфисе, даже те из них, которые были замужем за египтянами, уехали из города, оставив своих мужчин, а иногда и детей. Действительно, перед тем, как они ушли, некоторые из них, которые были друзьями, посетили Мерапи и спросили ее, не придет ли она тоже. Она покачала головой и ответила:

“Почему ты уходишь? Неужели ты так любишь путешествия по пустыне, что ради них готова никогда больше не смотреть на мужчин, которых любишь, и на детей своего тела?”

“Нет, госпожа”, - ответили они, плача. “Мы счастливы здесь, в белостенном Мемфисе, и здесь, слушая журчание Нила, мы скорее состарились бы и умерли, чем стремились вести хозяйство в какой-нибудь палатке в пустыне с незнакомцем или в одиночестве. И все же страх гонит нас отсюда”.

- Страх чего?

О египтянах, которые, когда они поймут все, что они выстрадали от наших рук в обмен на богатство и кров, которые они давали нам на протяжении многих поколений, благодаря которым мы выросли из горстки в великий народ, непременно убьют любого израильтянина, которого они найдут среди них. Также мы боимся проклятий наших священников, которые приказывают нам удалиться”.

“Тогда мне тоже следует опасаться этих вещей”, - сказала Мерапи.

“ Нет, госпожа, учитывая, что ты единственная возлюбленная принца Египта, который, по слухам, скоро станет фараоном Египта, и благодаря ему ты будешь защищена от гнева египтян. И поскольку, как мы все хорошо знаем, ты величайшая волшебница в мире, ниспровергнувшая Амона-Ра могущественного и та, кто, принеся в жертву своего ребенка, смогла отвести все чумы от дома, где она жила, тебе нечего бояться жрецов и их магии.

Тогда Мерапи вскочила, приказав им оставить ее на произвол судьбы и идти к своим, что они и сделали достаточно поспешно, опасаясь, как бы она не наложила на них какое-нибудь заклятие. Так случилось, что в настоящее время прекрасная Луна Израиля и некоторые дети смешанной крови были всеми представителями еврейской расы, которые остались в Египте. Тогда, несмотря на невзгоды, которые за последние несколько лет из-за террора, смерти и голода сократили их численность примерно до половины, народ Египта ликовал великой радостью.

В каждом храме каждого бога проводились процессии и приносились подношения теми, у кого еще оставалось что предложить, в то время как статуи богов были облачены в прекрасные новые одежды и увешаны гирляндами цветов. Более того, по Нилу и священным озерам туда-сюда плавали лодки, украшенные фонарями, как на празднике Восхода Осириса. В качестве титульного верховного жреца Амона, должности, которой он не мог быть лишен при жизни, принц Сети присутствовал на этих демонстрациях, которые он действительно должен был проводить, в великом храме Мемфиса, куда я сопровождал его. Когда церемонии закончились, он возглавил процессию сквозь толпы молящихся, одетый в свои великолепные жреческие одежды, после чего каждое из тысяч присутствующих приветствовало его громовым криком “Фараон!” или, по крайней мере, как наследника фараона.

Когда наконец крики стихли, он повернулся к ним и сказал:

“Друзья, если бы вы послали меня присоединиться к компании, сидящей за столом Осириса, а не на пирах фараона, вы повторили бы это глупое приветствие, о котором наш Повелитель Аменмес услышит без особой радости”.

В наступившей тишине раздался голос:

“Не бойся, о принц, пока еврейская ведьма спит ночь за ночью у тебя на груди. Та, кто могла поразить Египет столькими бедствиями, несомненно, сможет защитить вас от беды”, после чего снова раздался рев одобрения.

На следующий день Бакенхонсу престарелый вернулся с новыми вестями из Таниса, где он был с визитом. Казалось, что там, в самом большом зале одного из самых больших храмов, состоялся великий совет. На этом совете, который был открыт для всего народа, Аменмес сделал доклад по вопросу об израильтянах, которые, по его словам, уходили тысячами. Также приносились жертвы, чтобы умиловить разгневанных богов Египта. Когда церемония была закончена, но еще до того, как компания разошлась в тяжелом настроении, ее Высочество принцесса Таусерт встала со своего места и обратилась к фараону:

“Клянусь духами наших отцов, - воскликнула она, - и особенно духом доброго бога Менептаха, моего родителя, я спрашиваю тебя, фараон, и я спрашиваю вас, о люди, является ли оскорбление, нанесенное нам этими еврейскими рабами и их колдунами, тем, которое гордая земля Египет должна понести?” Наши боги были повержены и им был брошен вызов; великие и ужасные беды, о которых история не упоминает, обрушились на нас благодаря магии; десятки тысяч людей, начиная с первенца фараона, погибли за одну ночь. И теперь этим евреям, которые убили их с помощью колдовства, ибо все они колдуны, мужчины и женщины вместе взятые, особенно одна из них, сидящая в Мемфисе, о которой я не буду говорить, потому что она причинила мне личный вред, по указу фараона должно быть позволено покинуть землю. Более того, они должны забрать с собой весь свой скот, всю обмолоченную кукурузу, все сокровища,

которые они копили поколениями, и все ценные украшения и богатства, которые они путем террора вырвали у нашего собственного народа, позаимствовав то, что они никогда не намерены возвращать. Поэтому я, царственная принцесса Египта, хотела бы спросить фараона: "это указ фараона?"

"Итак, - сказал Бакенхонсу, - фараон сидел, опустив голову, на своем троне и ничего не ответил".

"Фараон молчит", - продолжала Таусерт. "Тогда я спрашиваю, это постановление Совета фараона и народа Египта?" В Египте все еще есть огромная армия, сотни колесниц и тысячи пехотинцев. Неужели эта армия будет сидеть спокойно, пока эти рабы уходят в пустыню, чтобы поднять против нас наших врагов из Сирии и вернуться с ними, чтобы убивать нас?"

"При этих словах, - продолжал Бакенхонсу, - из всей этой толпы раздался крик "Нет".

- Народ говорит "Нет". Что говорит фараон? - воскликнула Таусерт.

Последовало молчание, пока внезапно Аменмес не поднялся и не заговорил:

"Будь по-твоему, принцесса, и пусть на твою голову и головы всех тех, кого ты взбудоражила, падет зло, если оно придет, хотя я думаю, что именно твой муж, принц Сети, должен стоять там, где стоишь ты, и возносить эту молитву вместо тебя".

"Мой муж, принц Сети, привязан к Мемфису веревкой из волос ведьмы, по крайней мере, так мне сказали", - усмехнулась она, в то время как люди зашумели в знак согласия.

"Я не знаю, " продолжал Аменмес, " но одно я знаю точно: принц всегда позволил бы этим евреям уйти из нашей среды, и временами, когда горе следовало за горем, я думал, что он был прав. Воистину, не раз я тоже хотел отпустить их, но всякий раз какая-то Сила, сам не знаю, какая, опускалась на мое сердце, превращая его в камень, и вырывала из меня слова, которые я не желал произносить. Даже сейчас я бы отпустил их, но все вы против меня, и, возможно, если я окажу вам сопротивление, я заплачу за это своей жизнью и троном. Военачальники, прикажите привести в готовность мои армии, и пусть они соберутся здесь, в Танисе, чтобы я сам мог повести их вслед за народом Израиля и разделить с ними опасности".

Затем с громкими криками толпа разошлась, так что в конце концов все ушли, и только фараон остался сидеть на своем троне, уставившись в землю с видом человека, который скорее мертв, чем живой царь, собирающийся вести войну со своими врагами, сказал Бакенхонсу.

Все эти слова принц выслушал молча, но когда они закончились, он поднял глаза и спросил:

- А ты что думаешь, Бакенхонсу?

"Я думаю, о принц, - ответил мудрый старик, - что ее высочество поступила дурно, подняв этот вопрос, хотя, несомненно, она говорила голосами жрецов и армии, противостоять которым фараон был недостаточно силен".

- Я думаю то, что думаешь ты, - сказал Сети.

В этот момент вошла госпожа Мерапи.

“Я слышала, мой господин, - сказала она, - что фараон намерен преследовать народ Израиля со своим войском. Я пришел помолиться моему господину, чтобы он не присоединился к войску фараона”.

“Вполне естественно, госпожа, что ты не хочешь, чтобы я воевал с твоими сородичами, и, по правде говоря, у меня нет таких намерений”, - ответил Сети и, повернувшись, вышел вместе с ней из комнаты.

“Она думает не о своем короле, а о жизни своего возлюбленного”, - сказал Бакенхонсу. “Она не ведьма, как они заявляют, но это правда, что она знает то, чего не знаем мы”.

“Да, - ответил я, - это правда”.

ГЛАВА XVII. СОН О МЕРАПИ

Прошло некоторое время; возможно, прошло четырнадцать дней, в течение которых мы слышали, что израильтяне отправились в свой путь. Это было огромное множество людей, которые несли с собой гроб и мумию своего пророка, человека их крови, визиря, как сообщается, того фараона, который приветствовал их в Египте сотни лет назад. Одни говорили, что они пошли этим путем, другие - тем, но Бакенхонсу, который знал все, заявил, что они направлялись к Крокодильему озеру, которое другие называют Морем Тростника, откуда они перейдут в пустыню за ним, а оттуда в Сирию. Я спросил его, каким образом, видя, что в своей самой узкой части это озеро имело шесть тысяч шагов в ширину и что глубина его ила была непостижима. Он ответил, что не знает, но что мне не мешало бы расспросить госпожу Мерапи.

“Значит, ты передумал и тоже считаешь ее ведьмой”, - сказал я, на что он ответил:

“Нужно дышать ветром, который дует, а Египет настолько полон колдовства, что трудно сказать. Кроме того, именно она, и никто другой, разрушила древнюю статую Амона. О да, ведьма она или не ведьма, но было бы неплохо спросить ее, как ее народ собирается пересечь Тростниковое море, особенно если колесницы фараона окажутся у них за спиной.

Итак, я спросил ее, но она ответила, что ничего не знает об этом и не желает ничего знать, поскольку она отделилась от своего народа и осталась в Египте.

Затем пришел Ки, я не знаю откуда, и, заключив мир с Сети относительно переодевания Мерапи в одежды Исиды, которое, как он поклялся, было сделано жрецами против его желания, рассказал нам, что фараон с большим войском начал преследовать израильтян. Принц спросил его, почему он не пошел с войском, на что тот ответил, что он не солдат, а также что фараон скрыл от него свое лицо. В ответ он спросил принца, почему он не поехал.

Сети ответил, потому что он был лишен командования вместе с другими своими офицерами и не хотел участвовать в этом бизнесе как частное лицо.

- Ты, как всегда, мудр, принц, - сказал Ки.

На следующую ночь, очень поздно, когда принц, Ки, Бакенхонсу и я, Ана, сидели и разговаривали, к нам внезапно ворвалась леди Мерапи, которая поднялась со своей постели с дикими глазами и с распущенными волосами, ниспадающими на одежду.

“Мне приснился сон!” - воскликнула она. “Мне приснилось, что я увидела, как все тысячи моих людей следуют за пламенем, которое горело от земли до небес. Они подошли к краю большой воды, и за ними устремились фараон и все воинство египтян. Затем мой народ побежал к поверхности воды, и она понесла их, как если бы это была чистая земля. Теперь солдаты фараона последовали за ними, но появились боги Египта - Амон, Осирис, Гор, Исида, Хатхор, и остальные - и повернули бы их вспять. Они по-прежнему отказывались слушать и, увлекая за собой богов, бросились в воду. Затем опустилась тьма, и во тьме раздались стенания и могучий смех. Это прошло, взошла луна, освещающая пустоту. Я проснулся, дрожа всем телом. Истолкуй мне этот сон, если сможешь, о Ки, Мастер Магии.

“В чем необходимость, госпожа, ” ответил он, словно пробуждаясь ото сна, “ когда сновидящий является также и провидцем? Отважится ли ученик наставлять учителя или новичок разъяснять тайны верховной жрице храма? Нет, госпожа, я и все маги Египта лежим у твоих ног.

“Почему ты всегда смеешься надо мной?” - спросила она, и при этих словах ее пробрала дрожь.

Затем Бакенхонсу открыл рот и сказал:

“В последнее время мудрость Ки была похоронена в облаке и не дает света нам, его ученикам. И все же смысл этого сна ясен, хотя я не знаю, правда ли это. Дело в том, что всему воинству Египта, а вместе с ним и богам Египта, угрожает уничтожение из-за израильтян, если только не найдется тот, к кому они прислушаются, чтобы отвратить их от какой-то цели, которую я не понимаю. Но к кому прислушаются безумные, о! к кому они прислушаются? - и, подняв свою огромную голову, он посмотрел прямо на принца.

- Боюсь, не для меня, поскольку я теперь никто в Египте, - сказал Сети.

“Почему не тебе, о принц, который завтра может стать каждым в Египте?” - спросил Бакенхонсу. “Ты всегда защищал интересы евреев и говорил, что из-за них Египет не постигнет ничего, кроме зла, как это уже произошло. К кому же тогда народ и армия будут прислушиваться с большей готовностью?”

- Более того, о принц, - вмешался ин Ки, - одной из твоих домочадцев приснился очень злой сон, о котором, если ничего не говорить, можно было бы сказать, что это был не сон, а могущественное заклинание, направленное против величия Египта; такое заклинание, как то, которое свергло великого Амона с его трона, такое заклинание, как то, которое установило магическую ограду вокруг этого дома и поля.

“Еще раз говорю тебе, что я не плету заклинаний, о Ки, я заплатил за них цену своим собственным ребенком”.

- И все же заклинания были сотканы, леди, и, как было известно издревле, сила совершенствуется только в жертвоприношениях, - мрачно ответил Ки.

“Хватит тебе говорить о заклинаниях, Волшебник, ” воскликнул принц, - или, если тебе так уж необходимо говорить о них, расскажи о своих собственных, которых много. Именно Джабиз защитил нас здесь от эпидемий, а статуя Амона была разбита каким-то богом.

- Прошу у тебя прощения, принц, - сказал Ки с поклоном, - не эта леди, а ее дядя оградил твой дом от чумы, опустошившей Египет, и не эта леди, а какой-то действующий в ней бог сверг Амона из Таниса. Принц сказал это. И все же этой даме приснился определенный сон, который Бакенхонсу истолковал, хотя я не могу, и я думаю, что фараону и его военачальникам следует рассказать об этом сне, чтобы они могли составить о нем свое собственное суждение ”.

- Тогда почему ты им не скажешь, Ки?

“Фараону было угодно, о царевич, уволить меня со службы у него как человека, который потерпел неудачу, и передать мою должность Херхеба другому. Если я предстану перед лицом фараона, я буду убит”.

Теперь я, Ана, слушая, пожелала, чтобы Ки предстал перед лицом фараона, хотя и не верила, что он может быть убит им или кем-либо другим, поскольку у него были чары против смерти. Потому что я боялся Ки и чувствовал в себе, что он снова замышляет зло против Мерапи, которая, как я знал, была невиновна.

Принц ходил взад-вперед по комнате, что было у него в привычке, когда он погружался в свои мысли. Вскоре он остановился напротив меня и сказал:

“Друг Ана, будь добр приказать приготовить мои колесницы с эскортом генерала из ста человек и запасными лошадьми к каждой колеснице. Мы отправляемся на рассвете, ты и я, чтобы разыскать армию фараона и попросить аудиенции у фараона.

“Мой господин, - сказала Мерапи, как бы плача, - молю тебя, не уходи, не оставляй меня одну”.

“Почему я должен оставлять вас, леди? Пойдемте со мной” если хотите. Она покачала головой, сказав:

“Я не смею. Принц, в последнее время на меня действует какое-то очарование, которое возвращает меня к моему собственному народу. Дважды за ночь я просыпался и обнаруживал, что нахожусь в садах, повернувшись лицом к северу, и слышал в своих ушах голос, даже голос моего отца, который умер, говорящий:

“Луна Израиля, твой народ блуждает по пустыне и нуждается в твоём свете”.

“Следовательно, несомненно, что, если бы я приблизился к ним, меня утащило бы вниз, как дерево уносит водоворот, и Египет больше не увидел бы меня”.

“Тогда я прошу тебя оставаться там, где ты есть, Мерапи”, - сказал принц, слегка рассмеявшись, “поскольку я уверен, что туда, куда ты пойдешь, я должен последовать за тобой, у кого нет желания бродить по пустыне с твоим еврейским народом. Что ж, похоже, поскольку ты не хочешь покидать Мемфис и не хочешь ехать со мной, я должен остаться с тобой.

Ки устремил на них свой пронзительный взгляд.

- Пусть принц простит меня, - сказал он, - но, клянусь богами, я никогда не думал, что доживу до того, чтобы услышать, как принц Сети Менептах ставит женские прихоти выше своей чести.

- Твои слова грубы, - сказал Сети, выпрямляясь, - и если бы они были сказаны в другие дни, возможно, Ки...

“О! мой господин, - сказал Ки, падая ниц, пока его лоб не коснулся земли, - тогда подумай, насколько велика, должно быть, необходимость, которая заставляет меня осмелиться произнести их. Когда я впервые прибыл сюда из двора Таниса, дух, который находится внутри меня и говорит моими устами, дал вашему высочеству определенные титулы, за которые вашему высочеству было угодно упрекнуть меня. И все же дух во мне не может лгать, и я хорошо знаю и прошу всех присутствующих записать мои слова, что сегодня ночью я стою в присутствии того, кто не пройдет и двух лун, как будет коронован фараоном”.

- Воистину, ты всегда приносил дурные вести, Ки, но если так, что из этого?

“Вот что, ваше Высочество: если бы духи Истины и Праведности не принуждали меня по своим собственным причинам, должен ли я, у которого есть кровь, которую можно пролить, или кости, которые можно сломать, осмеливаться бросать резкие слова в адрес того, кто будет фараоном?” Осмелюсь ли я перечить воле нежной голубки, гнездящейся в его сердце, мудрой белой голубки, которая бормочет о тайнах небес, откуда она прилетела, и которая сильнее коршуна Исиды и быстрее ястреба Ра; голубки, которая, будь она разгневана, могла бы разорвать меня на большее количество кусочков, чем это сделал Сет Осирис?”

Теперь я видел, как Бакенхонсу начал раздуваться от внутреннего смеха, как лягушка, готовая квакнуть, но Сети ответил усталым голосом:

“Клянусь всеми птицами Египта вместе со священными крокодилами, я не знаю, поскольку твой разум, Ки, не является открытым письмом, которое может прочитать прохожий. И все же, если бы ты сказал мне, по какой причине богини Истины и Справедливости вдохновили тебя...

Причина в том, о принц, что судьба всей армии Египта может быть скрыта в твоих руках. Времени мало, и я буду откровенен. Как бы она ни отрицала это, эта леди, которая кажется всего лишь воплощением любви и красоты, является величайшей волшебницей Египта, и я, которой она овладела, хорошо знаю это. Она сразилась с верховным богом Египта и повергла его в прах, и отплатила ему, его пророкам и его последователям за то зло, которое он причинил бы ей, как в подобном случае поступил бы любой из нашего сообщества. Теперь ей приснился сон, или ее дух сказал ей, что армия Египта находится под угрозой уничтожения, и я знаю, что этот сон - правда. Поспеши же, о принц, спасти воинство Египта, которое тебе, несомненно, понадобится, когда ты сядешь на его трон”.

“Я не волшебница”, - воскликнула Мерапи, “и все же — увы! я должна это сказать — слова этого волшебника с улыбающимся лицом и холодными глазами правдивы. *Смертный меч навис над воинством Египта!*”

- Прикажи приготовить колесницы, - снова сказал Сети.

Прошло восемь дней. Наступил закат, и мы натянули поводья у моря Камышей. День и ночь мы следовали за армией фараона через пустыню по дороге, протоптанной колесами его колесниц и солдатами, а также десятками тысяч израильтян, которые прошли этим путем до них. Теперь с

гребня, где мы остановились, мы увидели, что под нами раскинулась лагерем очень большая армия. Более того, отставшие рассказывали нам, что за ними, также расположившись лагерем, стояла бесчисленная орда израильтян, а за ними простиралось бескрайнее море Тростника, преграждавшее им путь. Но мы не могли видеть их по очень странной причине. Между ними и армией фараона поднялась черная стена облаков, протянувшаяся как бы от земли до небес. Один из тех отставших, о которых я говорил, рассказал нам, что это облако шло перед израильтянами днем, но ночью превращалось в огненный столп. Только в этот день, когда приблизилось войско фараона, оно повернулось и встало между народом Израиля и армией.

Теперь, когда принц, Бакенхонсу и я слышали все это, мы посмотрели друг на друга и замолчали. Только вскоре принц слегка рассмеялся и сказал:

- Нам следовало бы взять Ки с собой, даже если бы нам пришлось нести его связанным, чтобы он мог истолковать это чудо, поскольку никто другой наверняка не сможет.

“Было бы трудно держать Ки связанным, принц, если бы он захотел освободиться”, - ответил Бакенхонсу. “Более того, еще до того, как мы сели в колесницы в Мемфисе, он отбыл на юг, в Фивы. Я видел, как он уезжал.

“И я отдал приказ, чтобы ему не разрешали возвращаться, ибо я считаю его дурным гостем, по крайней мере, так думает госпожа Мерапи”, - ответил Сети со вздохом.

“Теперь, когда мы здесь, что бы сделал принц? - Спросил я.

- Спустись в лагерь фараона и скажи то, что мы должны сказать, Ана.

- А если он не послушает, принц?

- Тогда громко передай наше послание и возвращайся.

- А если он не позволит нам вернуться, принц?

- Тогда стой спокойно и живи или умри, как решат боги.

“Воистину, у нашего господина великое сердце!” - воскликнул Бакенхонсу. “И хотя я чувствую себя слишком молодым для смерти, я намерен вместе с ним довести это дело до конца”, - и он громко рассмеялся.

Но я, который был напуган, подумал, что его “О-хо-хо”, которое, казалось, эхом отозвалось в небе над нашими головами, было странным и действительно пугающим звуком.

Затем мы надели церемониальные одежды, которые привезли с собой, но без мечей и доспехов, и, поев немного, поехали дальше с половиной нашей стражи к тому месту, где мы увидели знамена фараона, развевающиеся вокруг его шатра. Остальную нашу охрану мы оставили лагерем, приказав им, если с нами что-нибудь случится, вернуться и сообщить о случившемся в Мемфис и другие великие города. Когда мы приблизились к лагерю, аванпосты увидели нас и бросили вызов. Но когда при свете заходящего солнца они поняли, кому они бросили вызов, по их рядам пробежал ропот:

“Принц Египта! Принц Египта!” - ибо так они никогда не переставали называть Сети, и они отсалютовали своими копьями, пропуская нас.

Итак, наконец мы подошли к шатру фараона, вокруг которого на страже стоял целый полк. Стены его были высоко закручены из-за сильной ночной жары, и внутри сидели фараон, его военачальники, его советники, его жрецы, его маги и многие другие за трапезой или подачей еды и питья. Они сидели за столом, изогнутым наподобие лука, лицами ко входу, а фараон находился в центре стола со своими веероносцами и дворецкими позади него.

Мы вошли в шатер: принц в центре, Бакенхонсу, опирающийся на свой посох, по правую руку, а я, с золотой цепью, подаренной мне фараоном Менептахом, по левую, но те, кто был с нами, остались в охране у входа.

- Кто это? - спросил Аменмес, поднимая глаза. - кто пришел сюда без приглашения?

- Трое граждан Египта, у которых есть послание для фараона, - ответил Сети своим тихим голосом, - и мы проделали долгий путь, чтобы передать его вовремя.

- Как вас зовут, граждане Египта, и кто передает ваше послание?

- Нас зовут Сети Менептах, бывший принц Египта и наследник его короны; Бакенхонсу, престарелый советник, и Ана, писец и Спутница царя, и наше послание от богов.

“Мы слышали эти имена, кто же их не слышал?” - сказал фараон, и когда он назвал всех или почти всех, присутствующие встали или наполовину встали и поклонились принцу. - Не угодно ли тебе и твоим спутникам присесть и поесть, принц Сети Менептах?

“Мы благодарим божественного фараона, но мы уже поели. Имеем ли мы разрешение фараона передать наше послание?”

- Говори дальше, принц.

“О фараон, много лун прошло с тех пор, как мы в последний раз смотрели друг другу в глаза, в тот день, когда мой отец, добрый бог Менептах, лишил меня наследства, а затем бежал отсюда к Осирису. Фараон вспомнит, почему я был таким образом отрезан от царского корня Египта. Это было из-за дела этих израильтян, с которыми, по моему мнению, жестоко обошлись и которым следовало позволить покинуть нашу землю. Добрый бог Менептах, получив такой совет от тебя и других, о фараон, поразил бы израильтян мечом, положив им конец, и на это он потребовал моего согласия как Наследника Египта. Я отказался дать это согласие и был изгнан, и с тех пор ты, о фараон, носишь двойную корону, в то время как я живу как гражданин Мемфиса, живя на тех землях и доходах, которые принадлежат мне. Между тем часом и этим, о фараон, много бед обрушилось на Египет, и последнее из них стоило тебе твоего первенца, а мне - моего. И все же, несмотря на все это, о фараон, ты отказался отпустить этих евреев, как я советовал сделать в самом начале. Наконец, после смерти первенца, был издан ваш указ о том, что они могут уйти. Но теперь ты следуешь за ними с огромной армией и намереваешься сделать с ними то, что сделал бы мой отец, добрый бог Менептах, если бы я согласился, а именно — уничтожить их мечом. Услышь меня, фараон!”

“Я слышал; к тому же, дело хорошо изложено вкратце. Что еще сказал бы принц Сети?”

“Вот что, о фараон. Я прошу вас вернуться со всем вашим войском после преследования этих евреев не завтра или послезавтра, а сразу же — этой ночью”.

- Почему, о принц?

“Из-за определенного сна, который приснился одной даме из моего дома, еврейке, и этот сон предвещает гибель вам и армии Египта, если вы не прислушаетесь к этим моим словам”.

“Я думаю, что мы знаем об этой змее, которую ты поселил у себя на груди, откуда она может изрыгать яд на Египет. Она называется Мерапи, Луна Израиля, не так ли?

“Это имя женщины, которой приснился сон, - ответил Сети холодным голосом, хотя я чувствовал, что он дрожит от гнева рядом со мной. - сон о том, что, если фараону будет угодно, мои спутники передадут слово в слово его магам”.

“Фараон не желает этого, - закричал Аменмес, ударив кулаком по доске, - потому что фараон знает, что это всего лишь еще одна уловка, чтобы спасти этих волшебников и воров от участи, которую они заслужили”.

“Значит, я умею хитрить, о фараон? Если бы я был таким, зачем я отправился сюда, чтобы предупредить, когда, сидя завтра там, в Мемфисе, я мог бы снова стать наследником двойной короны? Ибо, если вы не послушаете меня, я говорю вам, что очень скоро вы будете мертвы, а с вами и эти, — и он указал на всех тех, кто сидел за столом, — и с ними великая армия, которая находится снаружи. Прежде чем ты заговоришь, скажи мне, что это за черная туча, которая стоит перед лагерем евреев? Ответа нет? Тогда я дам тебе ответ. Это покров, который укутает кости каждого из вас”.

Теперь все задрожали от страха, да, даже жрецы и маги задрожали. Но фараон обезумел от ярости. Вскочив со своего места, он схватил двойную корону, которая была у него на голове, и швырнул ее на землю, и я заметил, что золотая повязка из урея, окружавшая ее, откатилась и упала на обутую в сандалию ногу Сети. Он разорвал на себе одежду и закричал:

“По крайней мере, наша судьба будет твоей судьбой, Отступник, продавший Египет еврейской ведьме в уплату за ее поцелуи. Схватите этого человека и его спутников, и когда мы завтра, после того как рассеется тьма, отправимся сражаться с этими израильтянами, пусть они будут вместе с командирами авангарда. Так, наконец, будет известна правда”.

Так приказал фараон, и Сети, ничего не ответив, скрестил руки на груди и стал ждать.

Люди поднялись со своих мест, словно повинуюсь приказу фараона, и снова опустились на них. Стражники двинулись вперед, но остались стоять на месте. Затем Бакенхонсу разразился одним из своих громких смешков.

“О-хо-хо, - засмеялся он, - я видел, как фараоны приходили и уходили, один, и два, и три, и четыре, и пять, но никогда еще я не видел фараона, которому никто из его советников или стражи не мог повиноваться, как бы сильно они этого ни желали. Когда ты станешь фараоном, принц Сети, пусть тебе повезет больше. Возьми себя за руку, Ана, мой друг, и веди вперед, Царственная наследница Египта. Истина открывается слепым глазам, которые не хотят видеть. Слово сказано глухим ушам, которые не хотят слушать, и долг выполнен. Наступает ночь. Спите спокойно, вы, повеленные Осирисом, спите спокойно!”

Затем мы повернулись и вышли из павильона. У входа я оглянулся, и в тусклом свете, который предшествует темноте, мне показалось, что все сидящие там уже мертвы. Синими были их лица,

и пустыми светились их глаза, а с их губ не слетало ни слова. Только они смотрели на нас, пока мы шли, и смотрели, и снова смотрели.

Выйдя за дверь павильона, по приказу принца, я громко изложил суть сна госпожи Мерапи и предупредил всех, кто находился в пределах слышимости, прекратить преследование народа Израиля, если они хотят продолжать жить и смотреть на солнце. Но даже сейчас, хотя подобные слова были изменой фараону, никто не поднял руку ни на принца, ни на меня, его слугу. С тех пор я часто задавался вопросом, почему это было так, и не находил ответа на свои вопросы. Возможно, это было из-за величия моего господина, которого все знали как истинного фараона и любили всем сердцем. Наверное, это потому, что они были уверены в том, что бы он не путешествовал так далеко и оказывался во власти Аменмесес сэкономить на работу армий Египта хорошо, и не плохо, и чтобы привести их сообщение о том, что было изречено самим богам.

Или, возможно, это было потому, что он все еще был окружен той защитой, в которой евреи поклялись ему через своих пророков голосом Иависа. По крайней мере, так оно и случилось. Фараон мог приказывать, но его слуги не подчинялись. Более того, слух распространился, и в ту ночь многие дезертировали из войска фараона и расположились лагерем вокруг нас или бежали обратно в города, откуда они пришли. Также с ними было немало советников и священников, которые тайно беседовали с Бакенхонсу. Так получилось, что даже если фараон хотел покончить с нами, как, возможно, он намеревался сделать во время полуночной стражи, он счел разумнее оставить это дело до тех пор, пока он не покончит с народом Израиля.

Это была очень странная ночь, тихая, с тяжелым, неподвижным воздухом. Звезд не было видно, но завеса черных облаков, которая, казалось, нависла над лагерем египтян, была усеяна молниями, которые, казалось, складывались в буквы, которые я не мог прочесть.

“Узрите Книгу Судеб, начертанную в огне рукой Бога!” - сказал Бакенхонсу, наблюдая за происходящим.

Около полуночи начал дуть сильный восточный ветер, такой сильный, что нам пришлось лечь ничком под навес колесниц. Затем ветер стих, и мы слышали шум и крики, как из лагеря Египта, так и из лагеря Израиля за облаком. Затем последовал толчок, подобный землетрясению, который бросил тех из нас, кто стоял, на землю, и при появлении кроваво-красной луны мы увидели, что вся армия фараона начала двигаться к морю.

“Куда они идут?” - Спросил я принца, который вцепился в мою руку.

“Я думаю, к гибели, - ответил он, - но к какой гибели, я не знаю”.

После этого мы больше не разговаривали, потому что были слишком напуганы.

Наконец наступил рассвет, явив самое ужасное зрелище, которое когда-либо видел человеческий глаз.

Стена облаков исчезла, и в ясном свете утра мы увидели, что глубокие воды Камышового моря разделились, оставив возвышенную дорогу, которая, казалось, была расчищена ветром или, возможно, поднята землетрясением. Кто может сказать? Только не я, кто никогда не ступал на этот путь смерти. По этой широкой дороге текли десятки тысяч израильтян, проходя между водой по правую руку и водой по левую, а за ними следовала вся армия фараона, за

исключением тех, кто дезертировал и стоял или лежал вокруг нас, наблюдая. Мы могли даже видеть золотые колесницы, отмечавшие присутствие самого фараона и его телохранителей глубоко в сердце разбитого войска, которое пробивалось вперед без дисциплины и порядка.

“Что теперь? О! что теперь?” - пробормотал Сети, и пока он говорил, раздался второй толчок землетрясения. Затем на западе в море поднялась могучая волна, гребень которой казался высоким, как пирамида. Она покатила вперед с изогнутой пенящейся головкой, и в ее впадине на мгновение, не больше, мы увидели египетскую армию. И все же в тот момент мне показалось, что я вижу могучие фигуры, бегущие к берегу по гребню волны, которые я принял за богов Египта, преследуемых формой света и славы, которая гнала их, как бичом. Они пришли, они ушли, сопровождаемые воем, и волна схлынула.

Но за ним все еще маршировали орды Израиля — к дальнему берегу.

Наступил густой мрак, и сквозь мрак я увидел, или мне показалось, что я увидел, Мерапи, Луну Израиля, стоящую перед нами с обеспокоенным лицом, и услышал, или мне показалось, что я услышал ее крик:

-О! помоги мне, мой господин Сети! Помоги мне, мой господин Сети!”

Потом она тоже исчезла.

- Запрягайте колесницы! - глухо крикнул Сети.

ГЛАВА XVIII. КОРОНАЦИЯ МЕРАПИ

С той скоростью, с какой мчались наши лошади, слухи, или, скорее, правда, которую несли те, кто был до нас, разлетелись еще быстрее. О! это путешествие было похоже на мечту, порожденную злыми богами. Мы скакали галопом весь день и всю ночь, и вот! в каждом городе и деревне женщины бросались к нам с криками:

“Правда ли, о путешественники, правда ли, что фараон и его войско погибли в море?”

Тогда старый Бакенхонсу кричал в ответ:

“Это правда, что тот, кто *был* фараоном, и его войско погибли в море. Но вот! вот тот, кто *есть* фараон”, - и он указал на принца, который не обратил на это внимания и ничего не сказал, кроме:

“ Вперед! Вперед!

Затем мы снова ныряли вперед, пока звук плача снова не замирал в тишине.

Близился закат, и, наконец, мы приблизились к воротам Мемфиса. Принц повернулся ко мне и заговорил.

“До сих пор я не осмеливался спрашивать, ” сказал он, “ но скажи мне, Ана. Во мраке после того, как обрушился огромный водяной утес и мимо пронеслись ужасные очертания, тебе не

показалось, что ты увидел женщину, стоявшую перед нами, и тебе показалось, что ты услышал ее голос?

- Я так и сделал, о принц.

- Кто была эта женщина и что она сказала?

“Она была той, кто родила тебе ребенка, о принц, которого ребенком не является, и она сказала: ‘О! помоги мне, мой господин Сети. Помоги мне, мой господин Сети!’”

Его лицо стало пепельным даже под завесой пыли, и он застонал.

“Двое, кто любил ее, видели, а двое, кто любил ее, слышали”, - сказал он. “Нет места сомнениям. Ана, она мертва!”

- Я молю богов...

“Не молись, ибо боги Египта тоже мертвы, сражены богом Израиля. Ана, кто убил ее?”

Своим пальцем я, рисовальщик, нарисовал в густой пыли, лежавшей на борту колесницы, брови человека и под ними два глубоких глаза. Позолота на доске в том месте, где на нее падали солнечные лучи, казалась светом в глазах.

Принц кивнул и сказал:

“Теперь мы узнаем, могут ли великие маги, такие как Ки, умереть, как другие люди. Да, если понадобится, чтобы узнать это, я надену корону фараона.

Мы остановились у ворот Мемфиса. Они были закрыты и заперты на засовы, но изнутри огромного города доносился шум смятения.

-Откройте! - крикнул принц стражнику.

“Кто велит мне открыть?” - ответил начальник охраны ворот, вглядываясь в нас, потому что низкое солнце уже скрылось за ними.

“Фараон велит тебе открыться”.

“Фараон!” - воскликнул мужчина. “У нас есть достоверные сведения, что фараон и его армии убиты колдовством в море”.

“Глупец!” прогремел принц. - Фараон никогда не умирает. Фараон Аменмесес с Осирисом, но добрый бог Сети Менептах, который *есть* фараон, велит тебе открыться”.

Затем бронзовые ворота откатились, и те, кто их охранял, распростерлись в пыли.

- Парень, - окликнул я капитана, - что означает этот крик?

“Господин, - ответил он, - я не знаю, но мне сказали, что ведьма, которая навлекла беду на Египет и с помощью магии вызвала смерть фараона Аменмеса и его армии, погибает в огне на месте перед храмом”.

“По чьему приказу?” Я снова закричал, когда возникший хлестнул лошадей, но ответа до наших ушей не дошло.

Мы помчались по широкой улице к большому месту, заполненному десятками тысяч людей. Мы погнались лошадей прямо на них.

“Дорогу фараону! Дорогу Могущественному, благому богу Сети Менептаху, царю Верхней и Нижней Земли!” - прокричали сопровождающие.

Люди обернулись и увидели высокую фигуру принца, все еще облаченного в парадные одежды, которые были на нем, когда он стоял перед Аменмесесом в павильоне у моря.

“Фараон! Фараон! Слава фараону!” - кричали они, падая ниц, и этот крик пронесся по Мемфису подобно ветру.

Теперь мы подошли к центру этого места, и там перед большими воротами храма горел огромный костер из дров. Перед погребальным костром двигались фигуры, в одной из которых я узнал Ки, одетого в мантию мага. Снаружи был двойной круг солдат, которые сдерживали людей, в чем те нуждались, потому что они бесновались как сумасшедшие и потрясали кулаками. Группа священников у костра разделилась, и я увидел, что среди них стоят мужчина и женщина, причем у последней были растрепанные волосы и порванные одежды, как будто с ней грубо обращались. В этот момент силы, казалось, оставили ее, и она опустилась на землю, подняв при этом лицо. Это было лицо Мерапи, Луны Израиля.

Значит, она не была мертва. Мужчина рядом с ней наклонился, словно собираясь поднять ее, но камень, брошенный из тени, попал ему в спину и заставил выпрямиться, что он и сделал, проклиная бросившего. Я сразу узнал этот голос, хотя говоривший был замаскирован.

Это было имя Лавана Израильянина, того, кто был обручен с Мерапи и пытался убить нас в земле Гесем. Что он здесь делал? - Смутно удивился я.

Говорил Ки. “Послушайте, как плюется еврейский кот”, - сказал он. “Что ж, дело рассмотрено и вынесен вердикт, и я думаю, что хранитель должен подкормить пламя раньше ведьмы. Понаблюдайте за ним сейчас, и, возможно, он превратится во что-то другое”.

Все это он сказал, улыбаясь в своей обычной приятной манере, даже когда сделал знак нескольким черным храмовым рабам, стоявшим рядом. Они прыгнули вперед, и я увидел, как отблески огня отразились на их медных браслетах, когда они схватили Лавана. Он яростно отбивался, крича:

“Где ваши армии, египтяне, и где ваш фараонов пес? Идите, выкопайте их из Тростникового моря. Прощай, Луна Израиля. Посмотри, как твой царственный возлюбленный коронует тебя в последний раз, о неверующий...”

Он больше ничего не сказал, потому что в этот момент рабы швырнули его головой вперед в самое сердце огромного костра, который ненадолго почернел и снова ярко вспыхнул.

Тогда Мерапи с трудом поднялась на ноги и звенящим голосом выкрикнула те самые слова, которые, как нам с принцем показалось, она произнесла далеко—далеко, у Моря Тростника: “О! помоги мне, мой господин Сети! Помоги мне, мой господин Сети!” Да, те же самые слова, которые эхом звучали в наших ушах за несколько дней до того, как они слетели с ее губ, по крайней мере, мы так думали.

Все это время наши колесницы шаг за шагом пробивались сквозь стену наблюдающей толпы, возможно, пока человек мог насчитать сотню, не больше. Когда эхо ее крика наконец затихло вдали, мы закончили и спрыгнули на землю.

“Ведьма наносит визит тому, кто ужинает сегодня вечером за столом Осириса с фараоном и его воинством”, - усмехнулся Ки. “Что ж, пусть она идет искать его там, если боги-хранители позволят”, - и он снова сделал знак черным рабам.

Но Мерапи увидела или почувствовала, как Сети выступил из тени, и, увидев, бросилась ему на грудь. Он поцеловал ее в лоб на глазах у всех, затем велел мне поднять ее и повернулся лицом к людям.

“Склонитесь. Склонитесь. Склонитесь!” - раздался низкий голос Бакенхонсу. “Жизнь! Кровь! Сила! Фараон! Фараон! Фараон!” - и то, что он сказал, эхом повторил эскорт.

Затем внезапно толпа поняла. Они упали на колени, и со всех сторон раздалось древнее приветствие. Сети поднял руку и благословил их. Наблюдая, я увидел, как Ки скользнул в темноту, и прошептал что-то стражникам, которые набросились на него и вернули обратно.

Затем принц заговорил:

“Вы называете меня фараоном, жители Мемфиса, и, боюсь, что сегодня я по происхождению фараон, хотя соглашусь ли я нести бремя правления, если Египет пожелает этого от меня, я пока не знаю. И все же тот, кто носил двойную корону, я полагаю, мертв посреди моря; по крайней мере, я видел, как воды захлестнули его и его армию. Поэтому, хотя бы на час, я побуду фараоном, чтобы как фараон я мог судить о некоторых вещах. Леди Мерапи, умоляю вас, скажите мне, как вы дошли до этого?”

“Мой господин, - тихо ответила она, - после того, как ты ушел предупредить армию фараона из-за того сна, который приснился мне, Ки, который ушел в тот же день, вернулся снова. Через одну из домочадцев, над которой он имел власть, по крайней мере, я так думаю, он получил доступ ко мне, когда я была одна в своей комнате. Там он сделал мне такое предложение:

“Дай мне, - сказал он, - секрет твоего волшебства, чтобы я мог отомстить еврейским колдунам, которые привели к моему падению, и самим евреям, а также всем другим моим врагам, и таким образом снова стать величайшим человеком в Египте. В свою очередь, я исполню все ваши желания и сделаю вас, и никого другого, царицей Египта, и буду вашим верным слугой и слугой вашего господина Сети, который станет фараоном, до конца ваших жизней. Откажись, и я настрою народ против тебя, и прежде чем принц вернется, если он вообще вернется, те, кто считает тебя злой колдуньей, уготовят тебе участь колдуньи.

“Мой господин, я ответил Ки то, что часто говорил ему раньше, что у меня нет магии, которую я мог бы открыть ему, я, который ничего не знал о черном искусстве колдовства, видя, что не я разрушил статую Амона в храме в Танисе, а та же самая Сила, которая с тех пор навлекла все бедствия на Египет. Я также сказала, что меня не интересуют подарки, которые он мне предлагает, поскольку у меня нет желания быть царицей Египта. Милорд, он рассмеялся мне в лицо, сказав, что я пойму, что над ним нехорошо смеяться, как это делали другие до меня. Затем он указал на меня своей палочкой и пробормотал надо мной какое-то заклинание, от которого, казалось, у меня онемели руки и голос, и я оставался беспомощным до тех пор, пока он не ушел

надолго и не был найден вашими слугами, которым я от вашего имени приказал схватить его и удерживать до вашего возвращения.

С того часа люди начали угрожать мне. Они тысячами толпились у ворот дворца, день и ночь крича, что собираются убить меня, ведьму. Я молился о помощи, но от меня, грешника, небеса отделились так далеко, что мои молитвы, кажется, неслышанными падают мне на голову. Даже слуги во дворце отвернулись от меня и не хотели смотреть мне в лицо. Я обезумел от страха и одиночества, поскольку все бежали от меня. Наконец, однажды ночью, перед рассветом, я вышел на террасу, и поскольку ни один бог не услышал меня, я повернулся к северу, куда, как я знал, ты ушел, и воззвал к тебе с просьбой помочь мне теми же словами, которые я прокричал снова только что перед твоим появлением”. (Тут принц посмотрел на меня, и я тоже посмотрела на него.) “Затем из кустов сада появился человек, закутанный в длинный плащ из овчины, так что я не могла видеть его лица, который сказал мне:

“Луна Израиля, я послан его Высочеством принцем Сети сказать тебе, что твоя жизнь в опасности, как и его, и поэтому он не может прийти к тебе. Он повелевает тебе прийти к нему, чтобы вы вместе могли бежать из Египта в страну, где вы оба будете в безопасности, пока не закончатся все эти неприятности”.

“Откуда я знаю, что ты с закрытым лицом - истинный посланник?” Я спросил. “Дай мне знак”.

Затем он протянул мне того скарабея из ляпис-лазури, которого ваше высочество подарили мне далеко в земле Гесем, того самого, которого вы попросили у меня в знак любви, когда мы поклялись в верности, и вы подарили мне свое королевское кольцо, того скарабея, которого я видел на вашем одеянии, когда вы уезжали с Аной.

“Я потерял его во время нашего путешествия к Камышовому морю, но ничего не сказал об этом тебе, Ана, потому что счел это дурным предзнаменованием, так как ночью мне приснилось, что появился Ки и украл его у меня”, - прошептал мне Принц.

“Этого недостаточно”, - ответил я. - Этот драгоценный камень, возможно, был украден, или снят с мертвого тела принца, или отнят у него с помощью магии.

Человек в плаще немного подумал и сказал: ‘Этой ночью, меньше часа назад, фараон и его колесницы были потоплены в море Тростника. Пусть это послужит тебе знаком.

“Как это может быть?” Я ответил: ‘Поскольку море тростника далеко, и такие вести не могут дойти оттуда за час. Проваливай, лживый искушитель.

“И все же это так”, - ответил он.

- “Когда ты докажешь мне это, я поверю и приду”.

“Хорошо”, - сказал он и ушел.

На следующий день поползли слухи о том, что произошло это ужасное событие. Они становились все сильнее и сильнее, пока все не поклялись, что это произошло. Теперь ярость народа поднялась против меня, и они рыскали вокруг дворца, как львы пустыни, требуя моей крови. И все же казалось, что они не могли войти сюда, поскольку всякий раз, когда они бросались на ворота или стены, они снова отступали, ибо какой-то дух, казалось, защищал это

место. Проходили дни; снова наступила ночь, и на рассвете, на этом рассвете, который уже прошел, я снова стоял на террасе, и снова человек в плаще появился из-за деревьев.

“Теперь ты слышала, Луна Израиля, - сказал он, - и теперь ты должна поверить и прийти, хотя и считаешь себя в безопасности, потому что в начале эпидемий это место, дом Сети, было заколдовано против зла, так что никто в нем не может пострадать”.

“Я слышал, и мне кажется, что я верю, хотя я не понимаю, как весть достигла Мемфиса за час. И все же, незнакомец, я говорю тебе, что этого недостаточно.

Затем мужчина вытащил из-за пазухи свиток папируса и бросил его к моим ногам. Я развернул его и прочел. Почерк был почерком Аны, как я хорошо знал, а подпись была подписью вас, мой господин, и она была скреплена вашей печатью и печатью Бакенхонсу в качестве свидетеля. Вот оно”, - и она достала из-за пазухи своего одеяния сверток и протянула его мне, на котором покоилась все это время.

Я открыл его, и при свете факелов принц, Бакенхонсу и я прочли. Все было так, как она рассказала нам, похоже, моим почерком, и подписано и скреплено печатью, как она и сказала. Слова гласили:

“Мерапи, Луне Израиля, в мой дом в Мемфисе.

“Приди, Леди, Цветок Любви, ко мне, твоему господину, к которому носитель этого письма проведет тебя в целости и сохранности. Приходи немедленно, ибо я в большой опасности, как и ты, и только вместе мы можем быть в безопасности.

“Ана, что это значит?” спросил принц страшным голосом. - Если ты предала меня и ее...

- Клянусь богами, - начал я сердито, - мужчина ли я, чтобы дожить до того, чтобы слышать, как даже ваше Высочество говорит со мной такое, или я всего лишь пес пустыни?

Я замолчал, потому что в этот момент Бакенхонсу начал смеяться.

“Посмотри на письмо!” рассмеялся он. - Посмотри на письмо.

Мы смотрели, и пока мы смотрели, надпись на нем сначала приобрела цвет крови, а затем поблекла, и вскоре в моей руке не осталось ничего, кроме чистого листа папируса.

“Охо-хо!” рассмеялся Бакенхонсу. “Воистину, друг Ки, ты первый из магов, за исключением тех пророков Израиля, которые привели тебя — Куда они привели тебя, друг Ки?”

Тогда впервые нарисованная улыбка сошла с лица Ки, и оно стало похоже на каменную глыбу, в которую были вделаны два сердитых драгоценных камня, которые были его глазами.

- Продолжайте, леди, - сказал принц.

Я подчинился письму. Я сбежал с человеком, который сказал, что его ждет колесница. Мы вышли через маленькую калитку.

“Где колесница?” - Спросил я.

“Мы плывем на лодке”, - ответил он и направился к реке. Когда мы миновали большую пальмовую рощу, из-за деревьев появились мужчины.

“Ты предал меня!” - воскликнул я.

“Нет, - ответил он, - я сам предан”.

Тогда я впервые узнал в его голосе голос Лавана.

- Люди схватили нас; во главе их был Ки.

“Это ведьма, - сказал он, - которая, покончив со своим злом, улетает со своим возлюбленным-евреем, который также знаком с ее колдовством”.

Они сорвали с него плащ и фальшивую бороду, и вот передо мной стоял Лаван. Я проклял его в лицо. Но все, что он ответил, было:

“Мерапи, то, что я сделал, я сделал из любви к тебе. Моей целью было забрать тебя к нашему народу, потому что здесь я знал, что они убьют тебя. Этот волшебник обещал передать тебя мне, если я смогу выманить тебя из безопасного дворца, в обмен на определенные новости, которые я ему передал.

Это были единственные слова, которыми мы обменялись до конца. Они потащили нас в секретную тюрьму великого храма, где нас разделили. Здесь весь день Ки и священники мучили меня вопросами, на которые я не давал ответов. Ближе к вечеру они вывели меня и привели сюда в сопровождении Лавана. Когда люди увидели меня, поднялся громкий крик: ‘Колдунья! Еврейская ведьма!’ Они прорвались сквозь охрану; они схватили меня, бросили на землю и избили. Лаван пытался защитить меня, но его оттащили. Наконец людей прогнали, и о! мой господин, ты знаешь остальное. Я сказал правду, я больше не могу”.

С этими словами ее колени подогнулись, и она потеряла сознание. Мы отнесли ее к колеснице.

“Ты слышал, Ки”, - сказал принц. “Итак, какой ответ?”

“Никаких, о фараон, ” холодно ответил он, “ ибо ты фараон, каким я и обещал тебе быть. Мой дух покинул меня, эти евреи украли его. Эта надпись должна была исчезнуть со свитка, как только его прочитала вон та леди, и тогда я рассказал бы вам другую историю; историю тайной любви, предательства и попытки побега с ее возлюбленным. Но какой-то злой бог хранил это там, пока ты тоже не прочитал, ты, который знал, что написал не то, что предстало перед твоими глазами. Фараон, я побежден. Исполни со мной свою волю и прощай. Любимый, ты всегда будешь таким, каким был, но никогда не будешь счастлив в этом мире”.

“О люди, ” воскликнул Сети, “ я не буду судьей в своем собственном деле. Вы слышали, судите сами. Какая награда за этого волшебника?”

Затем раздался громкий крик: “Смерть! Смерть в огне. Смерть, которую он приготовил для невинных!”

На этом все закончилось, но впоследствии они рассказали мне, что, когда большой погребальный костер догорел, в нем была найдена голова Ки, похожая на раскаленный камень.

Однако, когда на нее упал солнечный свет, она рассыпалась и поблекла, как поблекла надпись на свитке. Если это правда, я не знаю, кого не было рядом в то время.

Мы отнесли Мерапи во дворец. Она прожила всего три дня, она, чье тело и дух были сломлены. В последний раз я видел ее, когда она послала за мной меньше чем за час до прихода смерти. Она лежала на руках Сети, что-то бормоча ему об их ребенке, и выглядела очень милой и счастливой. Она поблагодарила меня за дружбу, улыбнувшись при этом так, что я понял: она знает, что это больше, чем дружба, и попросила меня хорошо ухаживать за моим хозяином, пока мы все снова не встретимся в другом месте. Потом она протянула мне руку для поцелуя, и я ушел, рыдая.

После ее смерти Сети овладела странная прихоть. В большом зале дворца он велел установить золотой трон, и на этот трон он посадил ее в царственных одеждах, с наперсниками и ожерельями из драгоценных камней, коронованную, как египетская царица, и такой он показал ее владыкам Мемфиса. Затем он приказал забальзамировать ее и похоронить в тайной гробнице, место которой я поклялся никогда не разглашать, но без каких-либо обрядов, потому что она не принадлежала к египетской вере.

Там она спит в своем вечном доме до Дня Воскресения, и вместе с ней спит ее маленький сын.

Через месяц после этих похорон великие Египта прибыли в Мемфис, чтобы провозгласить принца фараоном, и с ними прибыла ее Высочество, королева Таусерт. Я присутствовал на церемонии, которая показалась мне очень странной. Был визирь Нехези; был верховный жрец Рои и с ним много других жрецов; и был даже старый управляющий Памбаса, напыщенный, но пресмыкающийся, как и прежде, хотя он покинул дом принца после того, как его лишили наследства в пользу дома фараона Аменмеса. Его появление с жезлом власти и длинной белой бородой, которой он так гордился, потому что она была его собственной, вызвало у Сети единственный смешок, который я слышал от него за много недель.

“Итак, вы снова вернулись, канцлер Памбаса”, - сказал он.

“О Святейший, о царственнейший, - ответил старый плут, - покидал ли когда-нибудь Памбаса, пылинка под твоими ногами, Дом фараона или того, кто будет фараоном?”

“Нет, - ответил Сети, - ты дезертируешь только тогда, когда думаешь, что он не будет фараоном. Что ж, приступай к своим обязанностям, негодяй, который, возможно, в глубине души такой же честный, как и остальные.

Затем последовала великая и древняя церемония Подношения Короны, на которой выступали жрецы, переодетые богами, и другие жрецы, переодетые могущественными фараонами прошлого, а также знать Номов и главные люди городов. Когда все закончили, Сети ответил:

“ Я беру это, мое наследие, ” и он коснулся двойной короны, - не потому, что я желаю этого, а потому, что это мой долг, как я поклялся сделать тому, кто ушел. Удар за ударом обрушивался на Египет, который, я думаю, если бы к моему голосу прислушались, никогда бы не пал. Египет лежит истекающий кровью и почти мертвый. Пусть это будет вашей и моей работой - попытаться вернуть ее к жизни. Совсем недолго пробуду я с вами, которые тоже были поражены, хотя это и не имеет значения, но пока я здесь, я, который, кажется, царствую, буду вашим слугой и слугой Египта. Это мой указ, что никакие праздники или церемонии не должны отмечать мое

восшествие на престол, и что богатство, которое было бы потрачено на них, должно быть распределено между вдовами и детьми тех, кто погиб в Тростниковом море. Уходите!”

Они ушли, смиренные, но счастливые, потому что здесь был фараон, который знал нужды Египта, тот, кто тоже любил ее и кто единственный показал себя мудрым сердцем, в то время как другие были полны безумия. Затем вошла ее высочество, великолепно одетая, коронованная, сопровождаемая своими домочадцами, и поклонилась.

- Приветствую фараона! - воскликнула она.

“Приветствую царственную принцессу Египта”, - ответил он.

- Нет, фараон, царица Египта.

Рядом с Сети стоял другой трон, тот, на который он усадил мертвую Мерапи с короной на голове. Он повернулся и некоторое время смотрел на него. Затем он сказал:

“ Я вижу, что это место пустует. Пусть царица Египта займет свое место там, если она того пожелает.

Она уставилась на него так, словно приняла за сумасшедшего, хотя, несомненно, что-то слышала об этой истории, затем взбежала по ступенькам и уселась в королевское кресло.

- Ваше величество долго отсутствовали, - сказал Сети.

“Да, — ответила она, - но, как и обещало мое Величество, она вернулась на свое законное место рядом с фараоном и никогда больше его не покинет”.

- Фараон благодарит ее Величество, - сказал Сети, низко кланяясь.

Прошло около шести лет, когда однажды вечером я сидел с фараоном Сети Менептахом в его дворце в Мемфисе, ибо он всегда предпочитал жить там, когда это позволяли государственные дела.

Это было в годовщину смерти Первенца, и ему было приятно поговорить со мной на эту тему. Он ходил взад и вперед по комнате, и, наблюдая за ним при свете лампы, я заметил, что внезапно он, казалось, намного постарел, а его лицо стало еще милее, чем было раньше. К тому же он был более худым, и в его глазах было выражение человека, который смотрит вдаль.

“Ты помнишь ту ночь, друг, не так ли?” - сказал он. “Возможно, это была самая ужасная ночь, которую когда-либо видел мир, по крайней мере, в той маленькой его части, которая называется Египет”. Он замолчал, приподнял занавеску и указал на место на портике с колоннами снаружи. “Там она сидела, - продолжал он, “ там стояли вы; там лежал мальчик, а рядом скорчилась его няня — кстати, я с прискорбием узнал, что она больна. Ты заботаешься о ней, не так ли, Ана? Скажи ей, что фараон приедет навестить ее — когда сможет, когда сможет.

- Я все помню, фараон.

“ Да, конечно, ты бы запомнил, потому что ты любил ее, не так ли, и мальчика тоже, и даже меня, отца. И поэтому ты будешь любить нас всегда, когда мы доберемся до страны, где секс со стенами и пожарами забыт, и выживает только любовь — так же, как мы будем любить тебя ”.

“Да, - ответил я, - потому что любовь - ключ к жизни, и прокляты только те, кто так и не научился любить”.

“Почему они прокляты, Ана, ведь если жизнь продолжается, они все еще могут чему-то научиться?” Он немного помолчал, затем продолжил: “Я рад, что он умер, Ана, хотя, если бы он был жив, поскольку у царицы не будет детей, он мог бы стать фараоном после меня. Но каково это - быть фараоном? Вот уже шесть лет я царствую, и я думаю, что я любим; царствовал над разрушенной землей, которую я стремился объединить, царствовал над больной землей, которую я стремился исцелить, царствовал над опустошенной землей, которую я стремился заставить забыть. О, проклятие этих евреев сработало на славу. И я думаю, что это была моя вина, Ана, потому что, если бы я был более мужественным, вместо того чтобы сбросить свое бремя, я бы восстал против моего отца Менептаха и его политики и, если бы понадобилось, поднял народ. Тогда израильтяне ушли бы, и никакие бедствия не поразили бы Египет. Что ж, то, что я сделал, я сделал, потому что, возможно, должен был, и то, что случилось, случилось. И теперь мое время подходит к концу, и я ухожу отсюда, чтобы, насколько это возможно, сбалансировать свой счет, молясь о том, чтобы я смог найти судей, которые понимают и будут мягкими”.

“Почему фараон так говорит?” - Спросил я.

“Я не знаю, Ана, но в последнее время я часто думаю о моей жене-еврейке. Она была по-своему мудра, столь же мудра, сколь и любящая, не так ли, и если бы мы смогли увидеть ее еще раз, возможно, она ответила бы на этот вопрос. Но хотя она кажется мне такой близкой, я никогда не вижу ее как следует. А ты, Ана?

- Нет, фараон, хотя однажды ночью старый Бакенхонсу поклялся, что видел, как она проходила перед нами и серьезно смотрела на меня, проходя мимо.

“Ах! Бакенхонсу. Что ж, он тоже мудр и по-своему любил ее. Также с него сходит плоть, хотя, возможно, он будет жить, чтобы совершить подношения на обеих наших могилах. Что ж, Бакенхонсу в Танисе или в Фивах, с ее Величеством, за которым он всегда любит наблюдать, как и я. Так что он ничего не может рассказать нам о том, что, как ему показалось, он видел. В этой комнате жарко, Ана, давай постоим снаружи.

Итак, мы миновали занавес и встали на портике, глядя на сад, залитый лунным светом, и разговаривая о том о сем — кажется, об израильтянах, которые, как мы слышали, бродили по пустыням Синай. Затем внезапно мы оба замолчали.

Облако закрыло лик Луны, оставив мир во тьме. Оно рассеялось, и я осознал, что мы больше не одни. Перед нами была циновка, а на циновке лежал мертвый ребенок, царственный ребенок по имени Сети; там, у циновки, стояла женщина с агонией в глазах, глядя на мертвого ребенка, еврейку по имени Мун Исраэль.

Сети дотронулся до меня и указал на нее, а я указал на ребенка. Мы стояли, затаив дыхание. Затем внезапно, наклонившись, Мерапи подняла ребенка и протянула его отцу. Но, о чудо! теперь оно уже не было мертвым; более того, оно все смеялось и смеялась и, увидев его, казалось, обвилось руками его шею и поцеловало в губы. Более того, мука в глазах женщины сменилась невыразимой радостью, и она стала прекраснее звезды. Затем, смеясь, как ребенок, Мерапи повернулась к Сети, поманила ее рукой и исчезла.

“Мы видели мертвых, ” сказал он мне вскоре, - и, о! Ана, *мертвые все еще живы!*”

Той ночью, перед рассветом, по дворцу разнесся крик, пробудивший меня ото сна. Это был крик:

“Доброго бога Фараона больше нет! Ястреб Сети улетел на небеса!”

При погребении фараона я положил половинки разбитой чаши ему на грудь, чтобы он мог испить из нее в День Воскресения.

На этом заканчиваются записи Писца Аны, Советника и спутницы короля, им любимой.

КОНЕЦ